

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Л. Юрганов

**Политическая борьба
в годы правления
Елены Глинской
(1533—1538 гг.)**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Л. Юрганов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ
ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ
(1533–1538 гг.)**

МОСКВА
Квадрига
2019

УДК 94(47) “1533–1538”

ББК 63.3(2)43

Ю 40

Научный редактор
профессор, доктор исторических наук
А. И. Комиссаренко

Юрганов А. Л.

Ю40 Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг. / Андрей Львович Юрганов. – М.: Квадрига, 2019. – 192 с. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-312-4

Правление Елены Глинской (1533–1538) оказало значительное влияние на дальнейший ход политической истории России. Сложная политическая борьба этого времени породила противоречивые ее оценки как современников, так и историков. Книга содержит ранее не опубликованную классическую диссертацию А. Л. Юрганова, защищенную в 1987 г. в МГИАИ, а также рисунки Лицевого свода, иллюстрирующие правление Елены Глинской.

Правительством Елены Глинской были сделаны важные шаги в централизации страны, однако политическая история была известна недостаточно, ее изучали в свете противоборства реакционного боярства и прогрессивного дворянства. Новые исследования и источники, совершенствование методики их анализа позволили автору усомниться в правильности этой концепции. Это позволило ему по-новому взглянуть на социальные процессы в России XVI в. и разрешить на новом уровне.

УДК 94(47) “1533–1538”

ББК 63.3(2)43

На 1-й стороне переплета: Великая княгиня Елена Глинская.

Реконструкция С. А. Никитина.

На с. 2 блока: Великий князь Василий III

передает опекунство над малолетним великим князем Иваном своей

жене Елене. Лицевой летописный свод, 1560–1570-е гг.

На 4-й стороне переплета: Изразцовое «Распятие» с несохранившегося собора Бориса и Глеба в Старице, 1561

ISBN 978-5-91791-312-4

© Юрганов А. Л., 2019

© Боркунова Ю. А., дизайн оформления, 2019

© Издательство «Квадрига», оформление, 2019

ОТ АВТОРА

Перечитывая свою кандидатскую диссертацию, я поймал себя на мысли, что основные выводы по главам мне и сейчас кажутся вполне адекватными, но вот с идеей истории, как я ее понимал тридцать лет назад, я не согласен.

Историческая наука в конце 80-х годов прошлого века испытала глубокий кризис перехода в способах описания прошлого от состояния советского – в постсоветское. Рушились привычные штампы и доктринальные положения, наука искала себе новые теоретические основания. Ритуальность ссылок на классиков марксизма-ленинизма в этой работе уже показывает, что источниковедение отечественной истории превращалось постепенно в реальный фундамент нового знания.

Глубинное же противоречие историографической эпохи заключается в том, что теоретические постулаты объективистской науки сталкивались с потребностью очеловечивания истории. Чем больше источниковедение становилось самостоятельным, независимым от марксистской теории, тем в большей мере оно опровергало историю без конкретного сознания, историю без наблюдателя, которая существует якобы сама по себе.

Моя вера в реконструкцию объективной единственной истории и мое желание разобраться в деталях описания событий через «политические тенденции» документов – примечательная и важная черта историографического времени.

Развитие этого внутреннего конфликта привело меня к окончательному отказу от объективизма как теоретической предпосылки исторического знания, на смену этой парадигме пришла другая – историко-феноменологическая, ставящая перед собой цель – изучение того, как было «на самом деле» в сознании участников событий, а не интерпретаторов.

В публикуемой диссертации уже заметны предпосылки нового подхода: «политическую историю» я пытался понять через

традиционное для средневековой Руси осознание правильного порядка вещей, например, в передаче великокняжеских наследственных прав и привилегий. История самосознания еще не стала для меня приоритетной, но к ней я все же приближался.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить моих оппонентов – Сергея Михайловича Каштанова и Евгения Михайловича Добрушкина. Я волновался за главу, посвященную дипломатическому анализу великокняжеских завещаний, но С. М. Каштанов, можно сказать, родоначальник этого направления в советском источниковедении, поддержал мои выводы о традиции оформления великокняжеских духовных грамот, о роли опекунов и функциях бояр-свидетелей. В целом защита оказалась неформальной, состоялась интересная дискуссия, касавшаяся в основном вопросов историографии.

Особая моя благодарность – научному руководителю, профессору Аркадию Ивановичу Комиссаренко. И, конечно, я никогда не забываю моего учителя – Владимира Борисовича Кобрин (1930–1990), замечательного человека и выдающегося ученого.

Ему я и посвящаю эту книгу.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР
Московский ордена «Знака Почёта» государственный
Историко-архивный институт
Кафедра истории СССР досоветского периода

На правах рукописи
УДК 957.04

ЮРГАНОВ Андрей Львович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ
(1533–1538 гг.)

07.00.02. – История СССР

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А. И. Комиссаренко

Москва
1987

ВВЕДЕНИЕ

Правление Елены Глинской (1533–1538) – своеобразный период, оказавший существенное влияние на дальнейший ход политической истории России. Сложная и запутанная политическая борьба этого времени породила противоречивые ее оценки как современников, так и историков. И это понятно: летописцы не могли быть беспристрастными. Погружающемуся в политические страсти того времени историку порой приходится тяжело: одно и то же событие одни современники описывают в обличительных, другие в оправдательных тонах – расхождения нередко доходили до противоположных оценок. И здесь исследователю легко увлечься какой-то одной версией, встать на позиции одной из спорящих сторон. В этом – сложность изучения политической борьбы: историк не может быть беспристрастным и должен быть объективным.

Какие бы перевороты в ходе исторической борьбы ни происходили, всегда неизменной оставалась суть классовой позиции правящих группировок. Об этом писал В. И. Ленин: «Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»¹. И хотя В. И. Ленин в данном случае писал о дворцовых переворотах XVIII в., эти слова дают общую социологическую характеристику борьбы за власть в период феодализма, а потом могут быть отнесены и к бурным событиям 30-х гг. XVI в.

В годы правления Елены Глинской были осуществлены важные мероприятия в направлении централизации страны: активизировалось получившее свое дальнейшее развитие в середине XVI в. строительство оборонительных сооружений, новых городов, была осуществлена монетная реформа, предвосхитившая преобразования Избранной рады в 50-х гг. Вместе с тем политическая история времени правления Елены Глинской

¹ Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 443.

изучена еще недостаточно². Историю этого периода можно изучать по многим направлениям: каждый аспект этой большой темы может иметь самостоятельное значение и одновременно неотделим от общего хода событий. Автор настоящего исследования счел целесообразным ограничиться (ввиду невозможности в рамках диссертации охватить все явления) изучением характера политической борьбы этого периода.

Методологической основой настоящей работы явились указания классиков марксизма-ленинизма, с исчерпывающей глубиной раскрывших главные закономерности развития общества³. Особое значение имеют работы В. И. Ленина. Оценивая ленинскую концепцию истории России XVI в., А. А. Зимин писал: «Дворянские историки историю России XV–XVI вв. рассматривали как процесс собирания власти, утверждения самодержавия, связанного с личностью того или иного монарха. Государственная, или “юридическая” школа в буржуазной исторической науке выдвинула тезис о закономерности победы государственного начала над родовым, относя ее ко времени правления Ивана III и Ивана Грозного. Наряду с этим указывалось на некоторые географические и экономические предпосылки объединительного процесса в России. Этот тезис был развит В. О. Ключевским и некоторыми другими историками. Но только в трудах В. И. Ленина показано, что русский исторический процесс шел теми же путями, что и в других европейских странах, что Россия переживала период развития феодализма⁴.

Критикуя взгляды народника Г. Михайловского, который утверждал, в частности, что «национальные связи – это продолжение и обобщение связей родовых», В. И. Ленин в работе «Что такое дружба народа и как они воюют против социал-демократов?» глубоко и точно характеризовал социально-политический строй Русского государства XV–XVI вв.: «Если можно говорить о родовом

² Историография вопроса дана в гл. 1.

³ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология (Разд.: Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического понимания истории) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3.

⁴ Зимин А. А. Проблемы России XVI века в свете ленинской концепции истории русского феодализма // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 318–319; Шмидт С. О. В. И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII вв. (о методике изучения материалов по теме) // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 330–346.

быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало...»⁵ В. И. Ленин считал, что «московское царство» основывалось «на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле этого слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т.д.»⁶

Политическую историю России 30-х гг. XVI в., как и всего периода образования единого государства и его централизации, обычно изучали в свете представлений о противоборстве реакционного боярства и прогрессивного дворянства. Новейшие же исследования (А. А. Зимин, Н. Е. Носов, В. Б. Кобрин и др.)⁷ позволили усомниться в правильности концепции борьбы боярства против великокняжеской власти. Появление научно-справочных изданий, введение в оборот новых летописных источников, усовершенствование методики источниковедческого анализа позволили по-новому взглянуть на социальные процессы в России XVI в. – эти успехи науки последних десятилетий заставляют сейчас вновь обратиться к малоизученным сюжетам политической истории 30-х гг. XVI в. и делают тему настоящей диссертации актуальной.

Упомянув лишь вскользь о важных, но достаточно уже изученных сюжетах, таких как монетная реформа, иммунитетная политика правительства и т.д., автор концентрирует внимание на тех вопросах, которые имеют непосредственное отношение к политической борьбе периода правления Елены Глинской.

⁵ Ленин В. И. Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 153.

⁶ Там же.

⁷ Зимин А. А. Проблемы России XVI века в свете ленинской концепции... С. 317–329; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) М., 1985.

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1. Дореволюционная историография

30-е гг. XVI в. – время ожесточенной борьбы за власть в правящей верхушке Русского государства, период быстрых возвышений и столь же быстрых падений, мятежей и дворцовых переворотов. Не было историка, занимавшегося политической историей России XVI в., который бы не уделил внимание этим драматическим событиям, но вместе с тем они еще ни разу не были предметом специального исследования.

Для дворянской историографии было характерно стремление выяснить сначала политическую задачу истории – изучение же источников воспринималось дворянскими историками как средство, а не цель. В. Н. Татищев, один из крупнейших представителей исторической науки XVIII в., считал, что история России должна показать «сколько монаршеское правление государству нашему полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез прочие умалается и гибнет». Это – общая концепция В. Н. Татищева. Поднимая огромные, никем ранее не тронутые пласты исторического материала, В. Н. Татищев, естественно, не мог при том уровне развития науки одинаково глубоко знать все этапы русской истории: многое зависело и от самих источников, имевшихся в его распоряжении. Для анализа событий политической истории 30-х гг. XVI в. В. Н. Татищев привлек Степенную книгу Василия Урусова, Летописец начала царства, Воскресенскую и Никоновскую летописи¹.

¹ Татищев В. Н. История Российская. М.: Л., 1966. Т. 6. С. 137–147; 1968. Т. 7. С. 186–200.

Недостаток находящихся в его распоряжении источников В. Н. Татищев осознавал. В материалах к «Истории Российской» («Дела до гистории политической Российского государства касающиеся...») В. Н. Татищев признавался в том, что эпоха Ивана Грозного еще не понята его современниками («сего государя дел порядочно всех описанных не имеем») и что вообще «все так пристрастно и темно, что едва истину видеть и разуметь можно»².

Не стала принципиально шире источниковая база³ у другого выдающегося историка XVIII в. М. М. Щербатова, хотя его сочинения выгодно отличаются от татищевских уже тем, что в них больше оригинальных суждений и размышлений. В своей «Истории Российской» главу, посвященную политической истории 30-х гг. XVI в., М. М. Щербатов назвал так: «Царствование царя Иоанна Васильевича под опекою его матери». По его мнению, приход к власти Елены Глинской был случайным ибо «малое время протекшее между кончины и погребения великого князя не позволило тогда помышлять о учреждении правления во время малолетства великого князя»⁴.

Но тотчас после похорон Василия III (декабрь 1533 г.) было объявлено, что «якобы то чинилось по воле великого князя Василия Ивановича, что мать младого государя будет правительницею государства и опекуном сына своего до пятнадцати лет его возраста, уповательно предоставляя ей избрать совет, каковой она пожелает себе для спомоществования в правлении»⁵. М. М. Щербатов полагал, что в «совет», созданный Еленой для «спомоществования в правлении», входили доверенные лица: И. Ф. Овчина, В. В. Шуйский, И. В. Шуйский, Б. И. Горбатый. Удельные князья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий, как опасные конкуренты, не были допущены в совет: «Великая княгиня справедливо опасалась, что если допустить в совет... дядьев своего сына... то вскоре власть их и сила превозможет

² Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. С. 149. О Татищеве см.: Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. Л., 1982. С. 131–152; Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников? // Русская литература. Л., 1970. № 2. С. 219–224; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М., 1957. С. 162–186.

³ М. М. Щербатов, в отличие от В. Н. Татищева, использовал также Царственную книгу, статейные списки русских посольских миссий (Крымские, Ногайские дела), привлёк некоторые родословные книги.

⁴ Щербатов М. М. История Российская. СПб., 1768. Т. 5. Ч. 1. С. 6. О Щербатове см.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1971. С. 3–48.

⁵ Щербатов М. М. История Российская. Т. 5. Ч. 1. С. 6.

самую ее власть»⁶. Этим объяснял Щербатов и поведение негодующих, обиженных на правительство удельных князей Юрия и Андрея. Характеризуя в целом деятельность Елены Глинской, М. М. Щербатов писал: «Во все ее правление никакого смятения и беспокойства не видим, каковые немедленно по кончине ее произошли». Елена «искусна была обуздать гордость и честолюбие бояр»⁷.

В оценке М. М. Щербатова как историка трудно не согласиться с С. М. Соловьевым, так его характеризовавшим: «Князь Щербатов был человек умный, трудолюбивый, добросовестный, начитанный, был хорошо знаком с литературою других народов... но не изучил всецело русской истории... он понимал ее только с доступной ему, общечеловеческой стороны, рассматривает каждое явление совершенно отрешенно, ограничивается одною внешнею логическою и нравственною оценкою, вероятно или невероятно, хорошо или дурно, собственно же исторической оценки он дать не в состоянии»⁸.

Значительный шаг по сравнению с предшественниками сделал Н. М. Карамзин, самый яркий представитель дворянской исторической науки XIX в. Он привлек огромный материал и в своих примечаниях впервые дал источниковедческий анализ как летописных, так и документальных источников. Велико различие между тем, что он писал в примечаниях и в основном тексте «Истории Государства Российского» – как будто над ними трудились два человека: один – глубокий ученый, исследователь источников, другой – художник, писатель, легко увлекающийся полетом своей фантазии. В примечаниях, комментирующих историю времени правления Елены Глинской, Н. М. Карамзин отмечал, что главными источниками являются синодальный список Никоновской летописи и Царственная книга. Он впервые широко использовал новгородские и псковские летописи, посольские документы русских и польских дипломатических миссий, сочинения С. Герберштейна, А. Олеария, родословные книги и ряд других источников⁹.

Н. М. Карамзин сделал немало источниковедческих наблюдений, одно из которых развил автор этих строк в главе, посвященной политическому статусу Елены Глинской: Н. М. Карамзин

⁶ Щербатов М. М. История Российская. Т. 5. Ч. 1. С. 8.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 6. Стб. 1360.

⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1817. Т. VIII. С. 315–328.

(позднее это отметит и С. М. Соловьев) увидел в источниках противоречие – во «внутренних» бумагах Елену Глинскую упоминали, а во «внешних» – нет.

В основном же тексте «История Государства Российского» Н. М. Карамзин, стремясь запечатлеть в своем труде образ эпохи, так же как и его предшественники, предпочитал строгому анализу фактов их моральную оценку. И тем не менее интересны и ценны его рассуждения о характере политической борьбы в годы правления Елены Глинской. Правительница, по мнению Н. М. Карамзина, опиралась в Боярской думе на двух главных советников – И. Ф. Овчину Оболенского и М. Л. Глинского – они и были главными исполнителями ее воли. Своеобразно трактует Н. М. Карамзин «поимание» удельного князя Юрия Ивановича, «оклеветанного или действительно уличенного в тайных видах незаконного властолюбия», отмечая при этом, что показания источников «не согласны»¹⁰. Анализировать их он не стал, ограничившись лишь замечанием, что «первое сказание» (версия Летописца начала царства. – А. Ю.) вероятнее, чем рассказ об этих событиях Воскресенской летописи. Свои размышления о судьбе Юрия Ивановича он резюмировал так: «А как Иоанн был единственно именем государь, и самая правительница по внушениям Совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей»¹¹. Не остаются без его внимания и события бегства С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого в Великое княжество Литовское, и «неправое» гонение на «добродетельных» М. Л. Глинского и М. С. Воронцова, и ход мятежа Андрея Ивановича Старицкого. В описании этих событий у Н. М. Карамзина главным остается морально-поучительный аспект, отвечающий его писательскому кредо. Не случайно, весь ход рассуждений Карамзина свелся, по сути дела, к одной известной фразе, в которой было больше худо-жественного образа, чем исторического обобщения: «В малолетство государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостью; но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть... Елена предавалась в одно время и нежностям незаконной любви и

¹⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1819. Т. VIII. С. 8. О Карамзине см.: Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983.

¹¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. VIII. С. 10.

свирепству кровожадной злобы»¹². В концепции Н. М. Карамзина о безусловной пользе самодержавия для России не могло найтись места для анализа причин исторических событий. «Развивая в общей историко-политической концепции дворянскую концепцию Щербатова, – писал Н. Л. Рубинштейн, – Карамзин следует за ним в основном и в конкретном развитии общей исторической схемы своей “Истории Государства Российского”»¹³.

Новым этапом в развитии отечественной науки была так называемая государственная школа, нашедшая свое блистательное выражение в трудах С. М. Соловьева. В отличие от своего предшественника, Соловьев уже пытался найти закономерности в историческом процессе¹⁴. Концепция борьбы родового и государственного начал, созданная С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным, явилась шагом вперед на пути изучения не только деятельности великих исторических личностей, но может быть, в большей степени – учреждений и событий¹⁵. В концепции Соловьева борьба боярства с самодержавием стала лейтмотивом всей политической истории: этим он объяснял и поведение удельных князей, перешедших на положение бояр, и смысл опричнины. Близкими были взгляды Кавелина, полагавшего, что политика центральной власти в XIV–XVI вв. была направлена «против вельмож и областных правителей»¹⁶.

Для анализа событий политической борьбы в годы правления Елены Глинской С. М. Соловьев привлек богатейший материал, по объему больший, чем в «Истории Государства Российского» Карамзина. С. М. Соловьев, в отличие от предшественников, впервые привлек различные виды документальных источников. К моменту написания многотомной «Истории России с древнейших времен» уже были опубликованы ценные издания документального материала¹⁷. С. М. Соловьев, в отличие от Н. М. Карамзина, старался как можно точнее и ближе к тексту источников описывать

¹² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. VIII. С. 16.

¹³ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 181.

¹⁴ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев и его влияние на развитие историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: И., 1963. С. 79.

¹⁵ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. С. 76–161.

¹⁶ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1. Монографии по русской истории. Стб. 49–54.

¹⁷ Акты исторические, созданные и изданные имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. 1334–1598; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. II; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи имп. Археографическою комиссиею.

события. Соловьев писал русскую историю, ориентируясь в основном на официальные источники, иногда почти дословно их воспроизводя. Политическую историю 30-х гг. XVI в. Соловьев рассматривал с идейных позиций государственной школы: реакционным считалось все то, что было помехой в развитии русской государственности. Этот постулат отразился и на конкретных его взглядах. Так, например, мятеж старицкого князя Андрея Ивановича в 1537 г. он описывал почти исключительно по официальной и весьма тенденциозной Воскресенской летописи¹⁸. Здесь необходимо сделать оговорку – подобный подход к источникам был продиктован также и уровнем развития источниковедения. Отметив тенденциозную противоположность двух версий «поимания» удельного князя Юрия Ивановича в декабре 1533 г., Соловьев задает вопрос: «Какое же из этих двух известий мы должны предпочесть?» Именно в этой плоскости он и решает поставленный вопрос. Не разбор известий, а выбор более вероятной (естественно, с точки зрения авторской концепции) версии – таким был, в сущности, источниковедческий прием Соловьева. И хотя много интересного можно почерпнуть из его рассуждений – все же подобная методика ограничивала исследовательские возможности.

Характер власти после смерти Василия III Соловьеву представлялся следующим образом. Он полагал, что Елена, по обычаю того времени, восходившим к Русской правде и «древней» Ольге, наследовала власть. Период же собственно боярского правления он относил ко времени после ее смерти. Елена являлась единственной регентшей и фактической правительницей России. Ее ближайшее окружение составляли бояре: М. Л. Глинский, М. Ю. Захарьин, И. Ю. Шигона. Вскоре первенствующее положение в государстве занял И. Ф. Овчина Оболенский. Он, воспользовавшись случаем, добился падения М. Л. Глинского – и тем самым окончательно укрепил свои позиции.

Со смертью Елены началось боярское правление, которое Соловьев рассматривал как попытку родового начала удержать свои позиции против начала государственного¹⁹.

СПб., 1836. Т. I. 1294–1598 гг.; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1; и другие издания.

¹⁸ Подробнее см. главу 3.

¹⁹ *Муравьев В. А.* Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 13.

Схему С. М. Соловьева разделяли многие историки, в том числе Н. И. Костомаров и Н. К. Бестужев-Рюмин²⁰. В. О. Ключевский хотя подробно и не касался политической истории 30-х гг., но уже из краткого замечания следует, что, в отличие от своего учителя, он считал, что время боярского правления наступило сразу же после смерти Василия: «Теперь они (бояре. – А. Ю.) могли распорядиться государством по-своему, осуществить свои политические идеалы и согласно с ними перестроить государственный порядок. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок... Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой...»²¹ Время боярского правления он считал прелюдией к главному событию эпохи – опричнине.

Взгляды В. О. Ключевского получили развитие в работах С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова²². Интересно объясняет С. Ф. Платонов августовские события 1534 г. Он полагал, что великая княгиня при содействии И. Ф. Овчины Оболенского, освободившись от установленной опеки, «совершила правительственный переворот»²³. Время ее правления он определяет периодом с конца 1534 г. до начала 1538 г. Заслуга С. Ф. Платонова состоит в том, что он впервые рассмотрел характер политической борьбы в 30-х гг. XVI в. как проблему, дав при этом свою, оригинальную концепцию: в годы правления Елены Глинской была не борьба «партий или политических организованных кружков», а личная борьба за власть. После смерти Елены Глинской наступила «смута» – боярское правление.

Итак, в дореволюционной историографии только С. Ф. Платонов, отойдя от описательства исторических событий, предложил оригинальную концепцию характера политической борьбы в 30-х гг. XVI в. Другие же историки политическую борьбу этого периода как проблему и не рассматривали: считалось, что доста-

²⁰ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874. Вып. II. Отд. 1. С. 405; Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб., 1885. Вып. I. Т. 2. С. 197–200.

²¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 164.

²² Работа А. Е. Преснякова «Завещание Василия III» специально анализируется во второй главе.

²³ С. Ф. Платонов специально не занимался исследованием политической истории 30-х годов XVI в., а лишь коснулся ее в научно-популярном очерке. См.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923.

точно описать события. При этом допускалось произвольное толкование источников, ибо сами они специально не изучались. И хотя в дореволюционной науке было немало сделано для изучения политической России 30-х гг. XVI в., иллюстративный метод изучения источников по истории политической борьбы, характерный для немарксистской дворянско-буржуазной историографии, в сочетании с идеалистической методологией обусловили многие слабые стороны работ дореволюционных историков. Только на базе марксистско-ленинской методологии советская историческая наука смогла с новых идейных позиций подойти к изучению истории.

§ 2. Советская историография

В советской исторической науке были по-новому решены многие важнейшие вопросы политического развития средневековой России. Однако время правления Елены Глинской (1533–1538) изучалось меньше, чем другие периоды политической истории XVI в.

Большой вклад в изучение истории политической борьбы в 30–40-х гг. XVI в. внес И. И. Смирнов. Еще в 1935 г. вышла в свет статья И. И. Смирнова, посвященная классовой борьбе в первой половине XVI в., в которой он подробно останавливается на анализе событий политической борьбы времени правления Елены Глинской и наступившего после ее смерти боярского правления. По мнению И. И. Смирнова, «период, наступивший после смерти Василия III и продолжавшийся до второй половины 40-х гг. XVI в., был временем политической реакции»²⁴. Он оспаривал тезис С. Ф. Платонова о том, что в политической борьбе 30–40-х гг. не было принципиальных оснований для боярской взаимной вражды и поэтому борьба сводилась к личным или семейным конфликтам²⁵. И. И. Смирнов исходил из того, что беспорядочная и хаотическая, на первый взгляд, смена у власти отдельных группировок, была формой, в «которой осуществлялось разрушение централизованного аппарата власти Московского государства – в направлении восстановления феодальной раздробленности удельных времен»²⁶. Вместе с тем он подчеркнул, что борьба между отдельными боярско-княжескими группировками «будучи имманентным свойством феодальной реакции, не должна

²⁴ Смирнов И. И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1935. № 9–10. С. 87.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 88.

затемнять единство политики, проводимой всеми группировками, стоявшими у власти в 30–40-х гг., как в области государственного строя, так и в области экономической»²⁷. По Смирнову история 30–40-х гг. распадается на три этапа. «Первый этап охватывает время со смерти Василия III и до смерти Елены (1533–1538). Он характеризуется усиленным наступлением княжеско-боярской реакции и попытками правительства Елены противостоять этой реакции и проводить политику Ивана III. Кончается он крахом этих попыток»²⁸. Второй период, по мнению Смирнова, включал в себя 1538–1542 гг. и являлся временем наибольшего успеха боярской реакции. Переломными он считал события 1542 г., открывшие собой третий период – период ликвидации боярской реакции.

Эти же взгляды на характер политической борьбы он развил в своей монографии, специально посвященной политической истории 30–50-х гг. в XVI в.²⁹ На более широком фактическом материале И. И. Смирнов осветил важнейшие события политической борьбы 30–40-х гг., исходя в общей оценке из концепции борьбы боярства и дворянства, борьбы боярства с самодержавием. Все, что связано с боярством, он считал реакционным, а все, что он полагал близким к дворянству и самодержавию, – прогрессивным. При таком подходе неизбежным оказался некоторый схематизм в изучении конкретных событий и явлений. Именно поэтому, несмотря на ряд важных и ценных наблюдений по многим вопросам, не все привлеченные к исследованию источники, были достаточно изучены.

Близкие взглядам Смирнова мысли о характере политической борьбы в годы правления Елены Глинской высказывали С. В. Бахрушин³⁰, Р. Ю. Виппер³¹ и др.

Взгляды вышеупомянутых историков во многом были обусловлены уровнем развития советской исторической науки в 30-х гг. В эти годы получило распространение представление о реакционности процесса образования многонациональных государств на Востоке Европы. Восток Европы противопостав-

²⁷ Смирнов И. И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. С. 88.

²⁸ Там же.

²⁹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.: Л., 1958.

³⁰ Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. М.; Л., 1954. Т. II. (Впервые напечатано: Бахрушин С. В. Иван Грозный. М., 1942.)

³¹ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. Ташкент, 1942.

лялся Западу, в котором XVI в. был временем смены феодализма капитализмом; один строй сменял другой – более прогрессивный³².

В 40–50-х гг. тезис о реакционности централизации на Востоке Европы был снят, но осталось противопоставление Востока и Запада³³. О том, как проблему централизации решали историки в эти годы, А. А. Зимин писал: «Русский исторический процесс искусственно отрывался от общеисторического, все сводилось к специфическим особенностям истории стран Восточной Европы. Преувеличивая степень централизации государственного аппарата в России XVI в., некоторые историки отрывали политическое объединение от его социально-экономических предпосылок»³⁴. Показательна в этом отношении дискуссия 1949 г. в «Вопросах истории» о периодизации истории СССР феодального периода. Тогда все участники дискуссии (в том числе и А. А. Зимин³⁵, пересмотревший затем кардинально свои взгляды по этой проблеме) соглашались с одним из главных тезисов К. В. Базилевича³⁶, согласно которому Русское централизованное государство возникло в 80-х гг. XV в.

Существенный удар по этим представлениям нанесла книга М. Н. Тихомирова³⁷, посвященная истории русских земель в XVI в. Он показал, что в России XVI в. были существенные пережитки экономической и политической раздробленности.

Значительный вклад в разработку проблемы централизации внес А. А. Зимин. Взгляды его менялись. В монографии, посвященной реформам Ивана Грозного и вышедшей в 1960 г., А. А. Зимин еще придерживался концепции борьбы самодержавия с реакционным боярством³⁸, исходя из традиционного взгляда, отождествляющего объединение земель и создание централизованного государства.

Однако уже тогда Зимин оспаривал положение И. И. Смирнова, что в 30–40-х гг. боярская «смута» вела к феодальной раздробленности. Он писал: «В годы боярского правления вопрос уже не шел и не мог идти о возвращении к временам раздробленности.

³² Зимин А. А. Проблемы России XVI века в свете ленинской концепции. С. 323.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 69–76.

³⁶ Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // ВИ. 1949. № 11. С. 65–90.

³⁷ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

³⁸ Кобрин В. Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 256–268.

Во время княжеско-боярских свар борьба шла не за расчленение государства на удельные «полугосударства», а за овладение центральным правительственным аппаратом, за превращение его в орудие корпоративных интересов феодальной аристократии»³⁹. По мнению А. А. Зимина, процесс централизации управления в годы регентства Елены Глинской был противоречив («он сочетался с усилением роли боярской олигархии») ⁴⁰. В этой работе А. А. Зимин, рассматривая главным образом реформы Ивана Грозного, лишь вскользь касался истории политической борьбы 30–40-х гг., только как пролога к главной проблематике книги. Целый ряд глубоких замечаний, сделанных автором мимоходом, остался недостаточно аргументированным⁴¹.

Об изменении концепции А. А. Зимина можно судить по книге, вышедшей в 1964 г.⁴² Рассматривая опричнину как определенный этап централизаторской политики, Зимин осторожен с терминологией. Он подчеркивает непрочность в это время экономических основ централизации, говоря не о создании, но о строящемся централизованном государстве⁴³. Окончательно формируется его концепция к моменту выхода книги, посвященной временам Василия III⁴⁴. А. А. Зимин, анализируя ленинскую характеристику «Московского царства», отмечает, что «объединение земель под великокняжеской властью само по себе не означало еще создание централизованного государства», которое возникает лишь к середине XVII в.⁴⁵ Также изменилась позиция А. А. Зимина и в характеристике позиции разных слоев класса феодалов по отношению к централизации. В книге 1964 г.

³⁹ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 224.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Например, весьма ценным является его наблюдение, что в официальных летописях «дается иная последовательность событий» ареста удельного князя Андрея Старицкого, чем в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Хронологию неофициального источника он считает более точной, однако, дальше этого утверждения А. А. Зимин не пошел – и плодотворная мысль ученого осталась не подкрепленной анализом летописных источников.

⁴² *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

⁴³ *Кобрин В. Б.* Новейшие труды о процессе централизации Русского государства. С. 266.

⁴⁴ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.

⁴⁵ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 4; *Он же.* Проблемы России XVI века в свете ленинской концепции истории русского феодализма. С. 317–329; *Он же.* В. И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 270–291.

наметился отход от противопоставления боярства и дворянства, характерной для его работы, посвященной реформам Ивана Грозного. Анализируя опричную политику, А. А. Зимин пришел к выводу об антиудельной ее направленности. Борьбу боярства и дворянства, антибоярскую направленность опричнины он уже считал мифом. В. Б. Кобрин так сформулировал результаты изучения процесса централизации государства в России, к которым пришел Зимин: «Централизация для него – это длительный, далеко не безболезненный процесс, начавшийся еще в XV в. и растянувшийся до середины XVII в. Основным его политическим содержанием была не борьба дворянства против боярства, а наступление на удельных князей и удельную систему, позднее – на ее пережитки, создание централизованного аппарата государственной власти. В специфических условиях России XVI в. централизация проявлялась не только в строительстве этого государственного аппарата, но и в возникновении самодержавия, порой деспотического. Становление и укрепление самодержавия, в свою очередь, явилось этапом превращения сословно-представительной монархии в абсолютную. Централизация отвечала интересам не какой-то узкой группы внутри господствующего класса, а подавляющего его большинства, она привела к усилению феодального гнета, а затем и к закреплению крестьянства»⁴⁶.

Для нашей темы чрезвычайно интересны отдельные историковедческие этюды А. А. Зимина, относящиеся к различным аспектам политической истории 30–40-х гг. Так, в работе о княжеских духовных грамотах начала XVI в., он анализирует летописные источники о недошедшем завещании Василия III, реконструируя завещательные распоряжения великого князя⁴⁷. Существенны для изучаемой темы труды А. А. Зимина в области летописеведения, особенно о Вологодско-Пермской летописи и Летописце начала царства⁴⁸. Не обойтись сегодня исследователю и без научно-справочных работ А. А. Зимина⁴⁹.

⁴⁶ Кобрин В. Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства. С. 268–269.

⁴⁷ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // ИЗ. 1948. Т. 27. С. 279–287.

⁴⁸ Зимин А. А. Рец. на кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись (АН СССР. М.; Л., 1959) // ВИ. 1960. № 9. С. 136–138; Он же. «Летописец начала царства» – памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // Доклады и сообщения Института истории СССР АН СССР. 1956. Вып. 10. С. 78–88.

⁴⁹ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 180–205; Он же. Состав Боярской думы в XV–

С новой точки зрения политическую историю первой половины XVI в. рассмотрел С. М. Каштанов. Изучая указные и жалованные грамоты этого периода, он обнаружил, что иммунитетная политика великокняжеской власти тесно связана с политической борьбой. Новый подход к источникам дал интереснейшую информацию о внутренней политике правительства Елены Глинской. С. М. Каштанов считает, что территориальное распределение великокняжеских жалованных грамот вскрывает направленность политики Елены Глинской. Политику правительства сразу после «поимания» Юрия Дмитровского С. М. Каштанов характеризует так: «...территориальное распределение январско-февральских великокняжеских жалованных грамот 1534 г. вскрывает вполне определенную тенденцию в политике правительства Елены Глинской в это время. В жалованных грамотах правительство закрепило свою власть над землями, входившими в состав недавно ликвидированных уделов или расположенными вблизи сфер влияния оставшихся удельных, служебных князей и крупнейших княжат, причем главное внимание было уделено территории Дмитровского княжества»⁵⁰. Подводя итог изучения грамот 1534–1537 гг., С. М. Каштанов пишет: «...правительство Елены Глинской продолжило начатое при Василии III отступление от строго ограничительного курса иммунитетной политики. Этому способствовало присоединение последних уделов, где поддерживались традиции более широкого податного иммунитета монастырей, чем на основной территории государства. Будучи не в состоянии сразу преодолеть эти традиции, центральное правительство узаконило их в выданных монастырям грамотах»⁵¹.

Н. Е. Носов оспаривал некоторые методические приемы изучения социально-политической истории, которыми пользовался С. М. Каштанов⁵².

XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 41–87; *Он же*. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 3–26; *Он же*. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Т. V. С. 182–195; *Он же*. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161–188; и др.

⁵⁰ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 278.

⁵¹ Там же. С. 326.

⁵² Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 158–216.

При всех несомненных достоинствах исследования С. М. Каштанова, следует отметить, что автором не был рассмотрен непосредственно характер политической борьбы. В споре И. И. Смирнова с С. Ф. Платоновым о том, была ли это борьба личного характера или политических группировок С. М. Каштанов как само собой разумеющееся принял сторону И. И. Смирнова. Во многом новые выводы С. М. Каштанова накладываются на далеко не бесспорные представления о характере политической борьбы в этот период.

Кроме упомянутых выше И. И. Смирнова, А. А. Зимина и С. М. Каштанова, никто больше в советской историографии последних лет не изучал в целом события политической борьбы времени правления Елены Глинской. Вместе с тем созданы исследования, посвященные отдельным аспектам истории этого периода. Ряд работ (Г. В. Федоров, И. Г. Спасский, А. А. Зимин, В. Л. Янин, А. С. Мельникова) посвящен монетной реформе Елены Глинской⁵³. Р. Г. Скрынников опубликовал весьма спорную по выводам статью об организации власти в 30–40-х гг. XVI в.⁵⁴

Вызывает споры и проблема «последних уделов» на Руси. С. В. Веселовский, анализируя историю Старицкого удела, в противоположность И. И. Смирнову⁵⁵, считал, что если «князя Юрия (Дмитровского. – А. Ю.) еще можно упрекнуть в некоторой двусмысленности поведения, которая вызывала беспокойство у великого князя, умиравшего от тяжелой болезни, то князь Андрей Старицкий, на глазах которого был убит в тюрьме его старший брат, представляется жертвой обстоятельств, не зависящих от его воли»⁵⁶. Интересный анализ летописных источников,

⁵³ Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1534 г. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. VII. № 6. С. 547–558; Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 44. С. 214–354; Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. IV. С. 245–250; Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации. С. 66–76; Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1980. Т. XIII. С. 77–133.

⁵⁴ Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина // ВИ. 1973. № 2. С. 209–213.

⁵⁵ И. И. Смирнов считал ликвидацию уделов во время правления Елены Глинской закономерным следствием политики удельных князей, активно стремившихся захватить власть в государстве. Об этом см.: Смирнов И. И. Иван Грозный. С. 21–22; Он же. Очерки политической истории Русского государства... С. 53–74.

⁵⁶ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. 1947. Т. 22. С. 104. Об этом также писал И. И. Полосин (Полосин И. И. «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» – источник для истории опричнины Гроз-

освещавших «поимание» удельного князя Юрия Дмитровского, дал М. Н. Тихомиров⁵⁷. Попытку по-новому рассмотреть историю последних уделов предпринял С. М. Каштанов. Изучая жалованные и указные грамоты, выданные правительством Елены Глинской, С. М. Каштанов реконструирует внутреннюю имунитетную политику правительства, связывая ее с важнейшими событиями политической борьбы: ликвидацией Дмитровского и Старицкого уделов⁵⁸. В оценках характера этой борьбы он ближе стоит к мнению И. И. Смирнова, чем С. Б. Веселовского.

Н. Е. Носов специально рассмотрел политическую историю губной реформы, которая, по его мнению, началась в период правления Елены Глинской⁵⁹. Это мнение Н. Е. Носова оспаривает С. М. Каштанов. Он считает, что губная реформа началась позже – уже после смерти Елены Глинской. «Нас не должно удивлять то, что губная реформа, – пишет он, – была осуществлена боярскими временщиками, а не правительством Елены Глинской. В обстановке обострения классовой борьбы на севере (С. М. Каштанов также оспаривает тезис Н. Е. Носова о повсеместности губной реформы, полагая, что проведена она была на севере страны. – А. Ю.) видели единственный выход из положения в создании дееспособных дворянских или контролируемых дворянами органов местного самоуправления»⁶⁰. К мнению С. М. Каштанова присоединился и А. А. Зимин⁶¹.

Итак, в советское время вышло в свет немало работ, посвященных различным аспектам политической истории 30-х гг. XVI в. Необходимость заново изучить время правления Елены Глинской определяется тем, что советская историческая наука, развиваясь, добилась успехов в других, «смежных» областях:

ного // *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 58–63).

⁵⁷ *Тихомиров М. Н.* Князь Юрий Дмитровский // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 163–169.

⁵⁸ *Каштанов С. М.* Из истории последних уделов // *Труды МГИАИ.* 1957. Т. 10. С. 275–302; *Он же.* Хронологический перечень имунитетных грамот XVI века // *АЕ* за 1957 год. М., 1958; *Он же.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 275–326.

⁵⁹ *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 291–305.

⁶⁰ *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // *История СССР.* 1959. № 6. С. 148.

⁶¹ *Зимин А. А.* О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // *Вопросы архивоведения.* М., 1962. № 1. С. 33–45; *Носов Н. Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении // *Проблемы источниковедения.* М., 1958. Т. X. С. 264–348.

были введены в научный оборот новые источники, опубликованы научно-справочные издания, значительно продвинулось изучение феодального землевладения и т. д. В литературе последних лет (А. А. Зимин, Н. Е. Носов, В. Б. Кобрин и др.) пересматривается представление о борьбе боярства и дворянства и ставится под сомнение тезис о борьбе боярства с самодержавием. Разделяя этот взгляд, автор полагает, что назрела потребность с новой точки зрения проанализировать характер политической борьбы. Вместе с тем обращение к этой теме актуально еще и потому, что спор И. И. Смирнова с С. Ф. Платоновым о характере политической борьбы нельзя признать законченным: дискуссионный вопрос о том, была ли это борьба личного характера или политических группировок, остается по-прежнему открытым.

§ 3. Зарубежная историография

Зарубежная историография изучаемой темы невелика. Она представлена серией научно-популярных работ Г. Эккарда, А. Труя, К. Валишевского, В. Серчика, Э. Доннерта и др., посвященных эпохе Ивана Грозного, в которых кратко и без специального анализа источников освещаются события политической борьбы в 30-х гг. XVI в.⁶²

Наибольший интерес для нас представляют специальные работы Г. Рюсса и П. Нитче.

Статья Г. Рюсса⁶³ посвящена правлению Елены Глинской. Он считает, что ее регентство не было закреплено в завещании Василия III; всю власть великий князь передал трехлетнему наследнику – Ивану IV. Регентство Елены Глинской основано было на устном соглашении – завете Василия III об управлении страной. Это соответствовало традиции. Вместе с тем, поскольку присягу принесли не только Ивану IV, но и Елене, регентство в правовом отношении было законным, что существенно отличает правление Елены Глинской от наступившего в 1538 г. периода так называемого боярского правления. До конца 1535 г. ее политический статус не был четко очерчен. Из анализа летописной статьи о приеме Иваном IV и Еленой казанского царя Шиг-Алея

⁶² *Eckardt H.* Iwan the Terrible. New York: Alfred A. Knopf, 1949; *Troyat A.* Iwan le Terrible. Paris, 1982; *Waliszewski K.* Iwan le Terrible. Paris, 1904; *Serszyk W.* Iwan IV Groźny. Gdańsk, 1977; *Donnert E.* Iwan Grosny «der Schreckliche». Berlin, 1971.

⁶³ *Rüß H.* Elena Vasil'evna Glinskaja // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* 1971 (Dez.). Bd. 19. H. 4. S. 482–498.

в декабре 1535 г. Рюсс заключает, что бояре признали наконец мать нового великого князя правительницей. То, что Елену не упоминали в дипломатических документах, Рюсс объясняет так: москвиты боялись обвинений, что ими управляет женщина. При оценке политической борьбы времени правления Елены Глинской, монетной и губной реформ, Рюсс исходит из общей концепции, что бояре не были противниками централизации, а поэтому их роль в событиях 30-х гг. XVI в. не была реакционной.

В монографии П. Нитче, посвященной изучению традиции престолонаследия на Руси, специально анализируются события правления Елены Глинской⁶⁴. Особое внимание автор уделяет положению правительницы. Как и Рюсс, он считает, что регентство Елены Глинской было основано на устном соглашении. Нитче отмечает также, что укреплению позиции правительницы способствовало падение Михаила Львовича Глинского в августе 1534 г. Хотя Елена была политически активной, Иван IV по традиции, в историко-правовом смысле, оставался «государем», что ярко проявилось в оформлении дипломатических бумаг. Елена Глинская упоминалась только во «внутренней» документации.

Положительно оценивая проявившийся в вышеупомянутых работах интерес к проблеме организации власти во время правления Елены Глинской, нужно признать, что проблема эта так и не получила обстоятельного объяснения. В интересных и плодотворных работах Г. Рюсса и П. Нитче мало места уделено взаимосвязи становления политического статуса Елены Глинской и хода политической борьбы. Именно поэтому вызывают возражения утверждения западногерманских ученых о роли Елены как регентши, о характере самого регентства. Свою интерпретацию этих трудных вопросов автор настоящей работы дает в соответствующей главе⁶⁵.

⁶⁴ Nitsche P. Grossfürst und Thronfolger. Köln; Wien, 1972. S. 223–255.

⁶⁵ См. главу 3.

§ 4. Источники

Целью настоящего обзора является установление круга привлеченных к изучению источников и выяснение, какого рода информацию можно извлечь из них для решения поставленных к исследованию задач.

Следуя ленинскому указанию «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения»⁶⁶, автор стремился привлечь всю совокупность дошедших до нас источников по истории политической борьбы в годы правления Елены Глинской. Источниковедческий анализ в настоящей работе неотделим от хода исследования. Поэтому конкретные наблюдения над источниками входят в каждую из глав диссертации. Здесь же автор счел целесообразным остановиться лишь на общей их характеристике.

Основными источниками для настоящей диссертации явились летописи. Летопись, как известно, источник нарративный и всегда тенденциозный вне зависимости от происхождения. «И самое дело воссоздание прошлого, – писал А. Н. Насонов, – не могло не касаться насущных нужд народа, а то или иное освещение событий не могло не затрагивать интересов правящих классов, общественных учреждений и отдельных деятелей»⁶⁷. Разобраться, почему именно так, а не иначе летопись описывает событие, выявить таким образом ее тенденцию и понять, что редактору летописи выгодно было сказать и о чем умолчать, – вот что лежит в основе не «потребительского», а строго научного использования этого вида источников⁶⁸.

Информацию летописного источника можно условно разделить на ту, которую «прямо» сообщает летописец, и ту, которая «просачивается» помимо его желания, являясь невольной «проговоркой» источника. Французский медиевист М. Блок полагал, что для исторического исследования второй вид информации даже важнее первого: «В явно намеренных свидетельствах наше внимание сейчас преимущественно привлекает уже не то, что сказано в тексте умышленно, мы гораздо охотнее

⁶⁶ Ленин В. И. Статистика и социология // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 351.

⁶⁷ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ИЗ. М., 1946. Т. 18. С. 257.

⁶⁸ Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 121–126.

хватаемся за то, что автор дает нам понять сам того не желая»⁶⁹. Однако едва ли прав английский историк Р. Дж. Коллингвуд, абсолютизирующий значение косвенного свидетельства источника⁷⁰. Я. С. Лурье справедливо считает, что «косвенное использование источника не означает отказа от оценки его прямых показаний. Напротив, каждый нарративный источник нуждается в такой двойной оценке и в обоих случаях анализ источника является необходимым условием его использования»⁷¹.

Характерной особенностью летописных источников является то, что в большинстве случаев они не синхронно, а задним числом (с позиций политической борьбы времени составления летописей) повествуют о прошлом. Прав был А. А. Зимин, когда писал о недопустимых методах анализа разновременных источников: «Нередко для доказательства того или иного тезиса привлекаются любые источники, независимо от времени их создания. Часто психологическим основанием для этого является сравнительное малое число древних источников и желание как можно больше расширить их количество»⁷². Использовать сообщения тех летописных сводов, которые были составлены позже описываемых событий, возможно лишь в том случае, если проведена оценка тенденции и характера всего летописного памятника и выяснена политическая обстановка времени возникновения редакции. Лишь в этом случае историк боится себя от некритического использования летописных известий и получает ключ к пониманию степени их достоверности.

Большим достижением русской и советской археографии является то, что большинство основных летописных памятников, повествующих о событиях времени правления Елены Глинской, уже опубликовано на высоком научном уровне.

Наиболее ранним памятником официального летописания, в котором дается описание политической истории 30-х гг., является Воскресная летопись⁷³.

⁶⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 37.

⁷⁰ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 256.

⁷¹ Лурье Я. С. О путях доказательств при анализе источников (На материале древнерусских источников) // ВИ. 1985. № 5. С. 62.

⁷² Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 438.

⁷³ Левина С. А. О времени составления и составители Воскресенской летописи XVI века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 375–379; Она же. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 639–705; Она же. Воскресенская летопись XVI в. // Труды МГИАИ. М.; Л., 1957. Т. 10.

Последняя редакция летописи⁷⁴, по мнению С. А. Левиной, относится к 1542–1544 гг. – времени господства боярской группировки князей Шуйских.

Следующий памятник московского летописания – Летописец начала царства – составлен был в 1553–1555 гг. при активном участии Алексея Адашева. Как показал А. А. Зимин, характер Летописца свидетельствует «об официальном происхождении этого памятника и о государственной казне, как о той канцелярии, с которой следует связывать его появление»⁷⁵. Связь летописи с государственной казной делает этот источник репрезентативным для настоящего исследования. Летописец начала царства явился одним из источников Царственной книги⁷⁶, также используемой в рамках диссертации⁷⁷.

Воскресенская летопись и Летописец начала царства были включены в списки Патриарший и Оболенского Никоновского летописного свода, который создавался, по мнению Б. М. Клосса, во второй половине 50-х гг. XVI в.⁷⁸

Автором были привлечены к исследованию и проанализированы также миниатюры Синодальной летописи и Царственной книги Лицевого свода, который составлен был по повелению Ивана Грозного во второй половине XVI в.⁷⁹ Анализ миниатюр, относящихся ко времени правления Елены Глинской (их более двухсот),

С. 402–407; *Она же*. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 38–58.

⁷⁴ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. Воскресенская летопись.

⁷⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. Летописец начала царства; *Зимин А. А.* Пересветов и его современники: Очерки по истории общественно-политической мысли середины XVI века. М. 1958. С. 30.

⁷⁶ ПСРЛ. СПб.: Тип. Скороходова, 1904. Т. 13. Никоновская летопись; *Пресняков А. Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; *Морозов В. В.* Царственная книга как исторический памятник XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Она же*. Об источниках царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники. М., 1984. С. 75–87.

⁷⁷ См. ниже.

⁷⁸ *Клосс В. М.* Никоновский летописный свод и русские летописи XV–XVII веков. М., 1980. С. 206.

⁷⁹ Лицевой свод до сих пор не опубликован: ГИМ. Син. № 962; ГИМ. Син. № 149; *Арциховский А. Е.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории лицевого летописания. М., 1964; *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973; *Она же*. К изучению Лицевого летописного свода // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 204–211; *Амосов А. А.* К вопросу о времени происхождения лицевого свода Ивана Грозного // АН СССР. Библиотека. Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 636; *Морозов В. В.* Иван Грозный на миниатюрах Царственной книги // Древнерусское искусство. М., 1983. Сб. 3. С. 232–240.

существенно уточняет наши представления о конкретных событиях и фактах, так как не всегда миниатюрист четко следовал летописному тексту и в некоторых случаях позволял внести в изображения что-то свое. Например, ни в одном летописном источнике, повествующем о казни участников мятежа Андрея Ивановича Старицкого в 1537 г., нет указаний, что мятежникам отрубали кисти рук. Миниатюрист же изобразил такую казнь⁸⁰. Весьма важно, какие уборы – символы власти изображал художник на голове Ивана IV и Елены Глинской. В литературе уже обращалось внимание на эти атрибуты власти, однако применительно к регентству Елены Глинской не было проанализировано сочетание головных уборов Ивана IV и его матери. Между тем такой анализ проливает дополнительный свет на изучаемую в диссертации проблему политического статуса правительницы.

Важное место в исследованиях принадлежит анализу неофициальных летописных источников. Вологодско-Пермскую летопись М. Н. Тихомиров назвал «лучшим источником по истории правления Елены Глинской»⁸¹. Ученый считал, что в основу этой летописи был положен свод 1526 г., который «был дополнен на основании московских записей за 1527–1539 гг. Время составления этого полного свода... дошедшего до нас в трех списках, Синодальном, Кирилловском и Чертковском не заходит дальше 1540–1550 гг.»⁸².

Привлечены к исследованию новгородские и псковские летописи⁸³. Среди них важнейшей является Новгородская IV летопись⁸⁴. По вполне обоснованной гипотезе А. А. Шахматова эта летопись, содержащая известия с 1480 по 1539 г., была положена в основу недошедшего Новгородского летописного свода редакции 1542–1544 гг., доведенного в изложении до 1539 г.⁸⁵

⁸⁰ ГИМ. Син. № 962. Л. 41 об.

⁸¹ Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 168; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись.

⁸² Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 155.

⁸³ Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2; Новгородские летописи. СПб., 1879.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Новгородская четвертая летопись.

⁸⁵ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 168; см. также: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 445–450; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 268–269, 310, 318, 335–341, 345, 377, 399, 469. Новгородский летописный свод 1539 г., дополненный Академическим

Постниковский летописец, характер которого М. Н. Тихомиров не случайно назвал необычным, содержит ряд уникальных известий, не встречающихся ни в одном другом летописном памятнике (например, подробные сведения о содержании арестованной семьи Андрея Старицкого и т.д.)⁸⁶. М. Н. Тихомиров предполагал, что автором этого летописца был дьяк Постник Губин. Составление же летописи он относил к середине XVI в. «Перед нами, – писал ученый, – очень интересный историографический памятник – русские мемуары XVI в., облеченные в обычную форму летописных записей»⁸⁷.

Ценным источником по истории политической борьбы в 30-х гг. XVI в. является также Пискаревский летописец, который обнаружила и опубликовала О. Я. Яковлева⁸⁸. По ее мнению, летописец был написан между 1621 и 1625 гг. М. Н. Тихомиров полагал, что Пискаревский летописец – компиляция разного рода записей за XVI в.⁸⁹; составлен был, видимо, в окружении князей Шуйских; составителем же мог быть московский печатник Никита Федорович Фофанов.

Особо надо выделить «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»⁹⁰ – источник, написанный, как предполагал М. Н. Тихомиров, «лицом, близким к Оболенским», служившим в старицком уделе. Автор Повести осуждает действия Елены, полностью оправдывая Андрея Старицкого. Политическая тенденция этого памятника противостоит официальной версии «поимания», что позволило путем сравнительного анализа

списком Новгородской IV летописи в соединении с Софийской I летописью младшего извода (начиная с 1452 г.), представлен в так называемом Отрывке летописи по Воскресенскому Новоерусалимскому списку (ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853); см. также: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 1938. С. 371.

⁸⁶ *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской... С. 169.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. Постниковский летописец, Пискаревский летописец; *Яковлева О. А.* Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. II. Документы по истории XV–XVIII вв. С. 7–144.

⁸⁹ *Тихомиров М. Н.* Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII вв. // ИСССР. 1957. № 3. С. 112–118; *Греков И. Б.* Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 329–358.

⁹⁰ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // *Тихомиров М. И.* Русское летописание. М., 1979. С. 220–224; *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. С. 58–64.

источников выявить тенденциозные искажения хронологии событий мятежа Андрея Старицкого в Воскресенской летописи⁹¹.

В ходе изучения политической борьбы в 30-х гг. XVI в. автор вынужден был обращаться к аналогичным событиям, происходившим после смерти Василия Дмитриевича в 1425 г., когда на престоле оказался малолетний Василий Васильевич⁹². К исследованию поэтому привлечены некоторые основные летописные источники, освещающие события феодальной войны второй четверти XV в.

Среди них – Московский летописный свод 1479 г.⁹³, Летописный свод 1497 г.⁹⁴, уже упоминавшаяся Вологодско-Пермская летопись⁹⁵, Никаноровская летопись⁹⁶, Патриаршая летопись⁹⁷.

В диссертации были использованы отдельные сообщения из Русского Хронографа⁹⁸, Новгородской II Архивской летописи⁹⁹, Хроники Литовской и Жемойтской¹⁰⁰, Евреиновской летописи¹⁰¹, Краткого летописца¹⁰², Софийской II летописи¹⁰³, Супральской летописи¹⁰⁴.

⁹¹ См. главу 4.

⁹² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической истории Руси. М., 1960. С. 745–810; Зимин А. А. В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.) // ВИ. 1982. № 12. С. 75–90.

⁹³ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Московский летописный свод 1479 г.; Шахматов А. А. Симеоновская летопись и Троицкая начала XV века // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1900. Т. V. Кн. 2. С. 451–553.

⁹⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. Летописный свод 1497 г.; Сербина К. Н. Летописный свод 1497 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Т. XI. С. 91–428; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. IV. С. 243–285; Он же. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. VI. С. 235–274.

⁹⁵ Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. С. 137–155.

⁹⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. Никаноровская летопись; Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 346; Улащик Н. Н. О списках Никаноровской летописи // Проблемы источниковедения. М., 1969. Вып. VIII. С. 422–423.

⁹⁷ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. Патриаршая летопись.

⁹⁸ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Хронограф редакции 1512 г.; Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 299.

⁹⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. Новгородская II архивная летопись.

¹⁰⁰ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. Хроника Литовская и Жемойтская; Улащик Н. Н. Белорусско-литовское летописание // ВИ. 1984. № 12. С. 65–72.

¹⁰¹ ПСРЛ. М.: Наука, 1980. Т. 35. Евреиновская летопись, Супральская летопись; Улащик Н. Н. Белорусско-литовское летописание. С. 65–72.

¹⁰² Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Кн. 5. С. 3–39.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 390.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 35.

Весьма ценными нарративными источниками для изучения политической борьбы в годы правления Елены Глинской являются также «Записки о московитских делах» имперского посла С. Герберштейна, переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, сочинения Андрея Курбского¹⁰⁵.

К исследованию привлечены и документальные материалы: духовные и договорные грамоты великих и удельных князей¹⁰⁶, официальная и неофициальная переписка¹⁰⁷, актовые материалы¹⁰⁸, посольские дела¹⁰⁹, писцовые книги¹¹⁰. Документальные источники существенно дополняют, уточняют, корректируют те сведения, которые исходят от нарративных источников¹¹¹. Так, особую значимость для исследуемой темы приобретают документы посольских дел (статейные списки, указы послам и посланникам и т.д.), в которых нередко можно обнаружить информацию и о внутривнутриполитических делах. До сих пор в литературе, например, не обращалось внимание на первое, по существу, официальное сообщение о мятеже Андрея Старицкого – «память» русскому гонцу Савину Ослябьеву-Емельянову, который 23 декабря 1537 г., через две недели после смерти князя Андрея в тюрьме, был отправлен в Великое княжество Литовское. В этой «памяти» дается оценка мятежа, согласно которой вся вина за случившуюся «замятню» возлагалась только на удельного князя: официальная версия затем претерпела изменения. Этот пример – из числа

¹⁰⁵ Герберштейн С. Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.; Л., 1979. М., 1981; Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные / Подгот. Г. З. Кунцевич // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. XXXI.

¹⁰⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. М.: Л., 1950.

¹⁰⁷ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным имп. Археографической комиссией. СПб., 1864. Т. I. Х в. – 1611 г.: АЗР. Т. II; Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 375. Оп. 1. 1537. Д. 1.

¹⁰⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. I. 1956. Ч. II; Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М., 1952. Т. I; М., 1958. Т. II; М., 1964. Т. III.

¹⁰⁹ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Д. 8; Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1793. Ч. VIII; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II. 1533–1560 // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59.

¹¹⁰ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. I. Писцовые книги XVI века. Отд. 1. Местности губерний Московской, Владимирской, Костромской.

¹¹¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. II.

курьезных, ибо упомянутый выше документ был опубликован еще в середине прошлого века¹¹². В не опубликованных же до сих пор «Крымских делах» имеются важные и интересные сведения, касающиеся как внешней, так и внутренней политики правительства Елены Глинской. Хорошо известны события бегства С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого в Великое княжество Литовское. Опубликованы были и материалы, касающиеся деятельности С. Ф. Бельского за рубежом. Однако не было известно, что Елена Глинская от имени Ивана IV в 1537 г. отправила в Крым опасную грамоту¹¹³ на имя С. Ф. Бельского с предложением ему вернуться на родину: одновременно было дано секретное указание в случае несогласия Бельского – убить его.

Разрядные книги использовались для уточнения биографических данных феодалов¹¹⁴, родословные – для сведений по генеалогии¹¹⁵.

Таков круг основных источников, использованных автором в диссертации.

¹¹² АЗР. Т. II. № 75. С. 321.

¹¹³ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Д. 8. Л. 330–331.

¹¹⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред. В. И. Буганова. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2; 1978. Ч. 3; 1981. Т. II. Ч. 1; Разрядная книга 1559–1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина; Под ред. В. И. Буганова. М., 1974.

¹¹⁵ Редкие источники по истории России. М., 1972: 2. Новые родословные книги XVI в. / Сост. М. Е. Бычкова; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. I; Ч. II.

ГЛАВА II

ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ III И ДИПЛОМАТИКА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ

Завещание Василия III не сохранилось. Сам по себе факт достаточно странный. Ведь духовные грамоты остальных великих князей, начиная с Ивана Калиты, дошли до нас, если не в подлиннике, то в списке.

Пропавшее завещание вызвало оживленные споры. По мнению А. Е. Преснякова, духовная грамота Василия III была уничтожена в годы боярского правления как противоречившая интересам боярства. А. А. Зимин, ссылаясь на актовые материалы и духовную Ивана IV, доказал, что оно не могло быть уничтожено по крайней мере до 70-х гг. XVI в. Присоединяясь к мнению А. А. Зимина, И. И. Смирнов относил исчезновение завещания к концу XVI – началу XVII в., ко времени «смуты» в государстве¹. Упомянутые исследователи были единодушны в одном: такая судьба духовной – не случайность. Обстановка, в которой писалось завещание, была необычной. Смертельно больной великий князь оставлял на престоле трехлетнего наследника – будущего Ивана Грозного. До возмужания юного государя Василий должен был кому-то поручить жизнь сына. Естественно предполагать, что содержанием завещания интересовались те, кто по тем или иным причинам хотел утаить этот документ или его уничтожить.

Спор историков сосредоточился главным образом вокруг вопроса о характере завещательных распоряжений государя. Кому он доверил управление государством? Существовал ли

¹ Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–80; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 25–26; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 225–227; Он же. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. С. 284–286.

совет душеприказчиков? Или управление страной Василий поручил всей Боярской думе в целом? Основываясь на сообщении Псковской летописи, по которой великий князь «приказал» своим «немногим боярам» беречь сына, А. Е. Пресняков делает вывод о передаче государственной власти этим немногим боярам. По тексту летописного рассказа о последних днях жизни великого князя, находящегося в Новгородской IV летописи, историк определил, кому именно была доверена власть. А. Е. Пресняков заметил, что в летописном рассказе расчленены «приказывания» о сыне, великом князе Иване и «устроении земском». Одной группе бояр официально надлежало выполнять все заветы умирающего великого князя, другой же, состоявшей из трех человек, была поручена «опека над положением великой княгини»². В первую группу входили бояре: кн. Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, Михаил Семенович Воронцов, Михаил Васильевич Тучков, казначей Петр Иванович Головин, дьяки Меньшой Путятин, Федор Мишурин; во вторую – Михаил Юрьевич Захарьин, Михаил Львович Глинский, тверской дворецкий Иван Юрьевич Шигона Поджогин. Мнение А. Е. Преснякова активно поддерживал и развивал И. И. Смирнов. Он считал, что обе группы опекунов, с незначительным различием в функциях, составили «правительство», которое просуществовало вплоть до августа 1534 г. Для доказательства существования «правительства» или регентского совета (И. И. Смирнов ставил знак равенства между этими понятиями) он привлек два важнейших свидетельства: показания некоего Войтеха, польского жолнера, бежавшего из русского плена 2 июля 1534 г., и сочинение имперского посла С. Герберштейна³.

«Расспросные речи» Войтеха, по мнению Смирнова, дают «богатейший материал для выяснения политической обстановки в Москве в первый год после смерти Василия»: «А поведает, иж на Москве старшими воеводами (которые з Москвы не мають николи зъехати): старшим князь Василий Шуйский, Михайло Тучков, Михайло Юрьев сын Захарьина, Иван Шигона, а князь Михайло Глинский, тыи всею землею справують и мають справовати до лет князя великого; нижли Глинский ни в чом ся тым воеводам не противит, але што они нарадят, то он к тому и приступает, а все з волею княгини великой справують. А князь Дмитрий Бельский, князь Иван Овчина, князь Федор Мстиславский тыи ж теж суть

² Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79.

³ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 33–37.

старшим при них, але ничего не справують только мають их з людьми посылати, где будет потреба...»⁴ И. И. Смирнов полагал, что в своих показаниях Войтех отмечал состав Регентского совета, который управлял страной. Правда, из 10 опекунов Войтех назвал только пять, но и этому обстоятельству И. И. Смирнов находит объяснение. Трое из них не были боярами: казначей П. И. Головин, дьяки Меньшой Путятин, Федор Мишурин. Пропуск Ивана Шуйского понятен, потому что Войтех упоминает его брата Василия Шуйского. М. С. Воронцов в это время находился в Новгороде и поэтому не мог быть назван Войтехом в перечне опекунов⁵. Из рассуждения И. И. Смирнова осталось непонятным, однако, почему при такой категорической оговорке источника, относившейся к опекунам – «которые з Москвы не моют николи зъехати», – М. С. Воронцов постоянно находился в Новгороде. Как опекун он должен был, по расспросным речам и построению И. И. Смирнова, безвыездно оставаться в Москве и выполнять свои прямые регентские обязанности.

А. А. Зимин, замечая, что выводы И. И. Смирнова неубедительны, писал: «Не может подкрепить гипотезу о “регентском совете” и ссылка И. И. Смирнова на показания польского жолнера Войтеха, ибо среди 6 названных Войтехом “старших воевод” нет И. В. Шуйского и М. С. Воронцова, но зато он упоминает князей Д. Ф. Бельского, Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского и Федора Ивановича Мстиславского (“Тыи теж суть старшими при них”), которых не знает рассказ о событиях 3 декабря»⁶. Сильным аргументом И. И. Смирнова в пользу гипотезы о существовании Регентского совета явилось сочинение С. Герберштейна. Имперский посол дружил с М. Л. Глинским и был неплохо осведомлен о его личных делах. Герберштейн писал, в частности: «Он (Глинский. – А. Ю.) поименован был в числе прочих князей в завещании государя и в конце концов был назначен опекуном своих племянников, Иоанна и Георгия»⁷. Из этого важного свидетельства источника следует, что М. Л. Глинский был «поименован» в завещании среди «прочих князей». Однако какие у нас основания считать, что «прочие князья» – это те бояре (и не только бояре, но и казначей, дворецкий, дьяки), которым по тексту официальной летописи

⁴ АЗР. Т. II. С. 331.

⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 34.

⁶ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 226–227; Он же. Россия на пороге нового времени. С. 394–395.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. С. 9.

государь «приказывал» наследника? Новое объяснение противоречивых фактов дал А. А. Зимин. Он считал, что Василий в своем завещании не упоминал ни о каком Регентском совете, «это было предметом его последующих устных заявлений». В обоснование своей точки зрения он ссылаясь на духовные Василия Темного и Ивана III, где нет упоминания ни о каких советах. И. И. Смирнов, однако, возражал ему: в момент составления этих духовных как наследник Василия II, так и наследник Ивана III не нуждались ни в каком совете. Духовная же великого князя Василия Дмитриевича «включает в себя пункт, которым великий князь “приказывает” своего малолетнего наследника определенной группе лиц»⁸.

В полемике с И. И. Смирновым А. А. Зимин обратил внимание на тот факт, что в завещаниях Василия Темного и Ивана III о «совете сведений нет», есть только «приказывание» наследника определенным лицам⁹. Душеприказчиками Ивана IV, по мнению А. А. Зимина, были Д. Ф. Бельский и М. Л. Глинский. Василий перед смертью объявил боярам: «Приказываю вам своих сестричев князя Дмитрия Федоровича Бельского з братиею и князя Михайло Лвовича Глинского...» А. А. Зимин с сомнением относился к сообщению, что опекуной Ивана IV была назначена сама Елена Васильевна Глинская. Общее руководство делами государства великий князь поручил всей Боярской думе¹⁰: почти со всеми ее членами Василий беседовал о наследнике, а в последний момент обратился со словами «Постоите крепко, чтобы мой сын учинился на государстве государь и чтоб была в земле правда»¹¹.

Попытку по-иному осветить эти вопросы предпринял недавно Р. Г. Скрынников. Автор пришел к выводу, что после смерти Василия была образована «семибоярщина», которая периодически повторялась в разные годы XVI в. и в начале XVII в. По Скрынникову, эти «правительства» всегда состояли из 7 бояр, отсюда и «семибоярщина»¹². Подсчитывая бояр, образовавших правительство после смерти Василия III, историк обнаруживает, что в это мистическое число входил и Андрей Иванович Старицкий. Значит, если быть до конца точным, это была не «семибоярщина», а «шестибоярщина». Во всяком случае, прежде чем отстаивать реальность «семибоярщины» Р. Г. Скрынникову

⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 26.

⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 226–227.

¹⁰ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 395.

¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 558.

¹² Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина. С. 209–213.

необходимо найти доказательства того, что старицкий князь мог быть боярином. По мнению автора, в период реформы конца 40-х – начала 50-х гг. XVI в. на московском горизонте вновь замаячила «семибоярщина». Новую боярскую комиссию возглавил сын Андрея Старицкого – Владимир. После «заговора 1553 г.» руководить боярским правительством стал родной брат Ивана IV – Юрий. В его распоряжении оказалось уже семь бояр. Почему же в этом случае удельный князь не входит в число «семь»? По мнению Р. Г. Скрынникова, Юрий «в счет не шел, ибо был глухонемым от рождения». Таким образом, эта цепочка недоказанных умозаключений не убеждает в верности гипотезы.

В настоящей главе делается попытка связать нерешенные вопросы завещания Василия III с дипломатическим анализом великокняжеских духовных грамот. В этом автор видит ключ к решению спорных проблем.

Завещание составлялось в сложной обстановке. В последней сентябрьской поездке по монастырям Василий III заболел¹³. Его самочувствие постоянно ухудшалось. К ноябрю 1533 г. стало ясно, что великий князь не справится с болезнью. Находясь еще на Волоке, Василий III посылал в Москву стряпчего Якова Мансурова и дьяка Меньшого Путятина, чтобы они привезли духовные грамоты отца и деда, необходимые ему для составления собственной духовной. Свое завещание, а также духовные грамоты своего отца и возможно деда, Василий слушал в присутствии тверского дворецкого И. Ю. Шигоны и дьяка Меньшова Путятина: «И пусти в думу к себе и духовным грамотам...»¹⁴ На этом

¹³ О последних днях князя Василия III сохранилось два летописных рассказа. Первый, по мнению А. А. Зимина (Россия на пороге нового времени. С. 390), наиболее близкий к первоначальной редакции повести смерти Василия III, находится в Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 553–564) и называется «Сказание о Великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, како ездил во свою отчину на Волок на Ламский на осень тешиться и как болезнь ему тамо стала...». Новгородская IV летопись, содержащая текст «Сказания», была, по обоснованной гипотезе А. А. Шахматова, положена в основу недошедшего летописного свода редакции 1543–1544 гг., доведенного в изложении до 1539 г. (Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 168). «Сказание» затем было подвергнуто переработке и вошло в состав Софийской II летописи (ПСРЛ. Т. 6. С. 266–276). Второй, краткий рассказ «О преставлении великого князя Василия Ивановича» вошел сначала в состав Воскресенской летописи ред. 1542–1544 гг., а затем – и в Летописец начала царства ред. 1555 г., где подвергся переработке (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 390). Подробнее о генеалогии этих летописных рассказов см.: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61–74.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 555.

совещании шла речь о том, кого именно из бояр привлечь к обсуждению, а затем и составлению завещания, кому «приказати государев приказ». Не случайно летописец делает дальше такую оговорку: «А бояр тогда было на Волоце с великим князем: князь Дмитрий Федорович Бельский да князь Иван Васильевич Шуйский, да князь Михаил Лвович Глинской, и дворецкие его князь Иван Иванович Кубенский, Иван Юрьевич Шигона»¹⁵. Тогда же приехал к великому князю его брат Юрий Иванович. Однако Василий III, «таяше от него болезнь свою», отпустил его в Дмитров, хотя Юрий и «не хоте ехати». В общем, летописец перечислил тех бояр, кто сопровождал великого князя в его поездке по монастырям. Правда, вскоре по вызову Василия прибыл боярин М. Ю. Захарьин. С этим неполным составом Боярской думы и начал великий князь совещаться, как ему «ехати на Москву». С большими трудностями удалось добраться до Москвы. 23 ноября Василий въехал через Боровицкие ворота в Кремль. В этот же день состоялось новое совещание. На этот раз Василий выбрал из бояр тех, кому больше всего доверял и кого по тем или иным причинам считал кровно связанными с интересами великокняжеской семьи. В число ближней думы вошли: В. В. Шуйский, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин и тверской дворецкий И. Ю. Шигона. При этом присутствовали также дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишури. Д. Ф. Бельский и И. И. Кубенский не были включены в состав этой думы, хотя принимали участие в совещании на Волоке (так же как и М. Ю. Захарьин, И. Ю. Шигона, дьяки Меньшой Путятин, Федор Мишури). Это наталкивает на мысль, что Василий руководствовался в выборе доверенных лиц только личным отношением. «И нача же князь велики думати с теми же бояры и приказывати о своем сыну великом князе Иване и о великой княгине Елене, и о своему сыну князи Юрьи Васильевиче, и о своей духовной грамоте»¹⁶. Тогда же великий князь приказал дьякам писать духовную грамоту. Посоветовавшись с боярами, Василий III решил однако прибавить «к себе в думу к духовной грамоте бояр своих князя Ивана Васильевича Шуйского да Михаила Васильевича Тучкова, да князя Михаила Лвовича Глинского». Важно отметить, что решение прибавить «в думу к духовной грамоте» новых бояр возникло в момент написания духовной и, вероятно, было связано с включением этих фамилий

¹⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 18–19.

¹⁶ Там же. С. 20.

в текст завещания. Функции бояр, находившихся у постели умирающего великого князя, сводились к «думам» о трехлетнем наследнике Иване, его матери, годовалом сыне Юрие и о том, как лучше оформить духовную грамоту. Весть о близкой кончине великого князя быстро распространилась по стране. В Москву съехались дворяне, «слышав государеву немощь». Великий князь призвал их к себе и в присутствии митрополита, братьев Юрия и Андрея, бояр, произнес речь. В ней Василий III призвал всех присутствующих «за один» защищать его сына от «недругов», служить наследнику «прямо и неподвижно». Своего сына Ивана, как свидетельствует Сказание, он приказал «отцу своему Данилу митрополиту всея Руси»¹⁷. В кратком летописном рассказе Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг.¹⁸ есть аналогичное «приказывание»: «А приказывает (Василий III. – А. Ю.) великую княгиню и дети своя отцу своему Данилу митрополиту»¹⁹.

После выступления перед своеобразным «собором» Василий отпустил митрополита, братьев, оставив только членов Боярской думы («князя Дмитрея Федоровича Белского з братиею и Шюиских князеи Горбатых, и Поплевиных, и князя Михаила Лвовича Глинского»). Перед ними он произнес новую речь, которую стоит процитировать: «Мы вам государи прирожденные, а вы наша извечные бояре; и вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь, была в земле правда»²⁰. Далее в источниках наблюдаем расхождение: в Новгородском летописном своде 1539 г. читаем: «Да приказываю вам сестричев князя Дмитрия Федоровича Белского з братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михаил по жене моеи племя, чтобы есте были вопче, дела бы есте делали за один, а вы бы, мои сестричи князь Дмитрей з братьею, о ратных делах и земском строение стояли за один»²¹. Редактор Софийской II летописи тенденциозно исправил текст Сказания, вычеркнув из него упоминание о Д. Ф. Бельском и его братьях. Как уже указывалось, А. А. Зимин на этом основании считал, что опекунами малолетнего наследника были назначены князья Дмитрий Федорович Бельский и Михаил

¹⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 558.

¹⁸ Там же. Т. 8. С. 248–286; *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. С. 375–379; *Она же.* К изучению Воскресенской летописи. С. 689–705; *Она же.* Воскресенская летопись XVI в. С. 402–407; *Она же.* Списки Воскресенской летописи. С. 38–58.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

²⁰ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 558.

²¹ Там же.

Львович Глинский²². Позднее имя князя Д. Ф. Бельского было изъято из состава опекунов, а в Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг., составленной во время правления Шуйских, летописец ограничился тем, что вложил в уста умирающего князя обращение к боярам: «Приказываю вам княгиню и дети своя»²³.

После причастия великий князь снова позвал к себе бояр. Летопись перечисляет уже знакомые фамилии. Это были князья В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. Ю. Захарьин, М. В. Тучков, князь М. Л. Глинский, тверской дворецкий И. Ю. Шигона, казначей П. И. Головин и дьяки Меньшой Путятин, Федор Мишурин²⁴. Собравшиеся бояре пробыли у Василия «от третьего часа до седьмого». По летописному своду 1539 г. великий князь, «приказав им о своем сыну великом князе Иване Васильевичи и о устроенье земском *како бы правити после его государства*»²⁵. Редактор Софийской II летописи тенденциозно исправил текст: «Приказав и о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устроении земском, *и како быти и правити после его государства*»²⁶. После этого Василий отпустил бояр, оставив у себя только М. Ю. Захарьина, М. Л. Глинского, И. Ю. Шигону Поджогина, князя Андрея Старицкого. Предчувствуя близкую смерть, великий князь послал за сыном и женой Еленой Глинской. Своего сына Ивана IV, нового великого князя, он благословил на государство по обычаю «как благословил Петр чудотворец прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича». К жене обратился со словами: «Благословил еси сына своего Ивана государством великим княжением, а тебе еси написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням»²⁷.

По версии Сказания остается все же неясно, какую роль отводил Василий III своей жене, матери великого князя. Иначе содержание речи государя передает официальный источник – Летописец начала царства²⁸. По нему Василий III «приказывает великой княгине Елене своей дети и престол области державствовать

²² Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 227.

²³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 395.

²⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 20.

²⁵ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 559.

²⁶ Там же. Т. 6. С. 272.

²⁷ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 560.

²⁸ О политической тенденции этого памятника см.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 30. По мнению А. А. Зимина, Летописец начала царства был составлен в 1553–1555 гг.

скипетр великия Руси до возмужания сына своего, ведаше бо ея великий государь благолюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея, но от Бога дарованое и таково дарование, яко во всем уподобися великой и благочестной царице Елене изспародительницы Русской великой княгине Ольге, нареченной во святом крещении Елене. И князь великий полагает *на ней все правление великого государства* (курсив мой. – А. Ю.) многога ради разума по подобию и по достоинству и богом и избранну царьскаго правления»²⁹.

Если в Сказании говорится о том, что государь благославил жену «по достоянию, как прежним великим княгиням», то в Летописце подчеркивается, что Елена наследовала царскую власть.

Причем неясная оговорка в Сказании о благословении Елены: «как в прежних духовных грамотех» «прежним великим княгиням» соответствует сравнению ее в Летописце с царицей Ольгой. Как уже упоминалось, рассказ Летописца, по мнению А. А. Зимина, является более поздней переработкой повести «О преставлении великого князя Василия Ивановича», входящей в Воскресенскую летопись³⁰.

В этой повести о великой княгине сказано так: «А приказывает великую княгиню и дети своя отцу своему, Данилу митрополиту; а великой княгине Елене приказывает под сыном своим государство дрѣжати до возмужения сына своего»³¹.

В Степенной книге читаем: «Вся же правления Российскаго царствия завещевает державствовать и по бозе устроить и разсужати с сыном своим, царем и великим князем Иваном, донѣдеже от младости устратится, матери его, а своей великой княгине Елене»³².

Таким образом, как неофициальные, так и официальные источники в один голос утверждают, что преемницей Василия III была его жена Елена. Но была ли она опекуной? А. А. Зимин сомневался в этом³³. Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к духовной Василия Дмитриевича. В первом варианте завещания, написанном около 1406–1407 гг., великий князь благословляет своего старшего сына Ивана третью Москвы, волостями и селами. Ему он также поручает свою жену: «А ты, сын мой, князь

²⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

³⁰ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 390.

³¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

³² Там же. Т. 21. Ч. 2. Книга Степенная царского родословия. С. 613.

³³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 395.

Иван, держи мать свою во чти и в матерстве, как бог рекл, а мое благословенье на тебе»³⁴.

В 1417 г. умирает наследник Иван Васильевич. И Василий Дмитриевич пишет второй вариант завещания. Ситуация уже другая: второму сыну Василия чуть больше двух лет. По-иному звучит и текст духовной: «Приказываю своего сына, князя Василия, своей княгине. А ты, сын, князь Василеи, что мать свою и слушаи свое матери в мое *место, своего отца* (курсив мой. – А. Ю.)»³⁵. В другом месте: «А те волости и села княгине моеи до ее живота, а по ее животе ино сыну моему, князю Василью... А хто иметь служити оу моие княгини бояр, и сын мои, князь Василеи, тех бояр блюдетъ»³⁶. В третьем варианте духовной были повторены эти слова без изменений. Важно подчеркнуть, что формула духовной «Чти мать свою и слушаи свое матери в мое место, своего отца» – неформальный приказ. Василий Темный, передавая власть своему старшему взрослому сыну, писал: «А вы дети мои, чтите и слушаите своего брата старейшого Ивана в мое место, своего отца»³⁷. Василий III при написании духовной использовал завещание отца и деда, Ивана III и Василия Темного. По летописному тексту Сказания, Василий III благословил свою жену Елену Глинскую «как в прежних духовных грамотех отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням». Великий князь не мог не помнить, что подобный прецедент с передачей власти малолетнему наследнику отражен в завещании его прадеда Василия Дмитриевича. После смерти Василия I Софья Витовтовна стала опекуницей, которой по духовной мужа поручалась жизнь сына и управление государством.

Как видно, кроме «богоизбранной» Ольги (в «святом крещении» Елены) была еще и Софья Витовтовна. Отсюда фраза летописного источника – «Как прежним великим княгиням» – приобретает реальный смысл; Василий III поручал наследника своей жене, ей же доверял управление государством. Не случайно поэтому Войтех отметил, что «все (перечисленные бояре. – А. Ю.) з волею княгини великой справують»³⁸. Для средневекового общества характерно, что после смерти мужа вдова сохраняла свое главенство в семье

³⁴ ДДГ. № 20. С. 57; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. VI. С. 291–292.

³⁵ ДДГ. № 21. С. 57–58.

³⁶ Там же. С. 59.

³⁷ Там же. № 61. С. 198.

³⁸ АЗР. Т. II. № 179/11. С. 331.

даже при взрослых сыновьях: после смерти известного опричника Федора Басманова его жена вместе с детьми была сначала послана в Новгород, затем по приказу царя выдана замуж за князя И. К. Курлятева. В октябре 1588 г. ее сыновья разделили некогда конфискованные у отца земли «по благословенью государыни своей матушки княгини Варвары Васильевны»³⁹. В писцовых книгах вотчины и поместья записывались в первую очередь за вдовами, потом за их взрослыми сыновьями. К примеру: «За вдовою за Мотреною за Ивановою женою Коверина да за ее сыном за Иваном, а преж того было за отцом его в поместье». Или: «За вдовою за Федорою за Матвеевою женою Бирева да за ее детми за Микитою, да за Васильем, да за Тотьяною... а преж того было за отцом его за Матвеем...»⁴⁰ Итак, нет оснований сомневаться в том, что великая княгиня Елена была назначена правительницей и опекуншей трехлетнего Ивана IV.

Кого же еще Василий III назначил опекуном? В тексте Сказания есть одна существенная особенность: Василий «приказывает» своего сына боярам, митрополиту, Д. Ф. Бельскому «з братьями» и М. Л. Глинскому. Круг людей, к которым Василий обращался перед смертью, как видно, широк по составу и неоднороден социально. Чтобы выяснить, в каких условиях «приказывание» было формально, а в каких являлось назначением, необходимо под этим углом зрения провести дипломатический анализ великокняжеских духовных грамот.

В конце духовной грамоты Ивана Даниловича Калиты, написанной около 1327 г.⁴¹, читаем: «А приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меньшими детми, по бозе ты им будешь печалник...

А на се послуши: отец мои душевньи Ефрем, отец мои душевньи Феодосии, отец мои душевньи, поп Давыд. А грамоту писал дьяк князя великого Кострома»⁴². В этой духовной грамоте московского князя можно уже отчетливо различить обязательную часть формуляра, состоящую из приказывания сыну, перечисления свидетелей, а также упоминания дьяка, писавшего грамоту. Характерные черты этого формуляра в последующих грамотах

³⁹ Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 59–60.

⁴⁰ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. С. 398.

⁴¹ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 276–279; Черетин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Ч. I. С. 16.

⁴² ДДГ. № 1. С. 8.

соблюдались как нечто непреложное. В духовной Семена Ивановича⁴³ читаем: «А по отца нашего благословенью, что нам приказал жити заодин, тако же и яз вам приказываю, своеи братьи, жити заодин»⁴⁴. В духовных Ивана Калиты, его сыновей Семена и Ивана, «послуси» – духовные отцы⁴⁵. Характер раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси на примере духовной грамоты митрополита Алексея хорошо изучен в работе Г. В. Семенченко. В статье исследуется формуляр самого раннего из дошедших до нас частных завещаний Северо-Восточной Руси. Достаточная традиционность содержания основной части документа (передача в монастырь земли и рабочей силы) позволяет говорить об имеющейся традиции оформления подобных актов. Однако отсутствие клаузул об отце духовном и о послухах заставляет автора предполагать, что «формуляр письменного частного завещания на Северо-Восточной Руси еще не сложился однозначно»⁴⁶.

Иначе обстоит дело с духовными великих и удельных князей. В процессе постепенной централизации государственного аппарата духовная грамота великого князя из акта еще в значительной степени частного превращается в акт публичный, общегосударственного значения⁴⁷. Важнейшие части формуляра⁴⁸: богословская часть, адресат, преамбула, распоряжение, заключение в великокняжеских духовных складываются раньше, чем в частных актах.

В первой духовной Дмитрий Ивановича⁴⁹ послухи – впервые лица светские: «А послуси на сю грамоту: Тимофеи скольничии... Иван Родивонович, Иван Федорович, Федор Ондреевич»⁵⁰. Во втором варианте завещания конструкция формуляра не изменилась, но сам он приобрел новые черты. Осталось традиционное приказывание

⁴³ Духовная грамота вел. кн. Семена Ивановича была составлена около 1353 г. – подробнее см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 280.

⁴⁴ ДДГ. № 3. С. 14.

⁴⁵ Там же. С. 8, 14, 17.

⁴⁶ *Семенченко Г. В.* Духовная грамота митрополита Алексея: К изучению раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России.* М., 1981. С. 14.

⁴⁷ *Семенченко Г. В.* Духовная грамота митрополита Алексея. С. 21–22.

⁴⁸ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 23–26; *Он же.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // *ВИД. Л.*, 1979. Т. X. С. 238–251.

⁴⁹ *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 285; *Черетин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 59.

⁵⁰ ДДГ. № 8. С. 25.

(«А приказывал есмь свои дети своей княгине»), но исчезло слово «послуси». Снова появились отсутствовавшие в первом варианте – духовные отцы: «А писал есмь сю грамоту перед своими отци: перед игуменом Сергием, перед игуменом перед Севастьяном»⁵¹. Названные в первой духовной послухами бояре теперь значились так: «А тут были бояре наши: Дмитрий Михайлович, Тимофеи Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександр Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Аньдреевич...»⁵² Как видно, слово «послуси» логически заменено словосочетанием: «А тут были бояре наши...» Бояре, сменившие послухов духовного звания, стали светскими гарантами завещания⁵³.

В духовной Дмитрия Донского выработался «классический» формуляр заключения, навсегда исчезает термин «послуси». Традиционное приказывание ближайшим родственникам детей, матери, жены встречается теперь не только в заключении, но и в начале и становится таким же обязательным элементом, как и «благословляю»⁵⁴. Термин «приказываю» в контексте духовных означает «завещаю», «оставляю»⁵⁵. В завещаниях он является формальным обращением. Так, в духовной грамоте серпуховского князя Владимира Андреевича⁵⁶, к примеру, после обязательной богословской части следует целый ряд «приказываний»: «Приказываю брату своему старейшему, великому князю Василью Дмитриевичу, княгиню свою и дети свои на бозе и на тебе, брате старейшой, князь велики, чтобы ся им печаловал». За этим приказанием следует новое: «Тако же и бояр своих приказываю брату своему старейшему, великому князю...» И наконец: «Так же приказываю дети свои княгине своей». Кончается вступление, и новая часть – распоряжение – снова начинается с «приказывания»: «А приказываю отчину свою Москву, свою треть, чем мя благословил отец мой»⁵⁷. Насколько неоднозначным для духовной грамоты был реальный смысл «приказывания», можно проиллюстрировать на примере завещания Владимира Дмитриевича. Оно

⁵¹ ДДГ. № 12. С. 36.

⁵² Там же. С. 37.

⁵³ Там же. С. 36–37.

⁵⁴ Там же. № 57. С. 175.

⁵⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. III. С. 415–416.

⁵⁶ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 290–291; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 73.

⁵⁷ ДДГ. № 17. С. 45.

перерабатывалось трижды. В первом варианте вместо традиционного «приказываю» можно прочитать: «А о своем сыне и о своей княгине покладаю на бозе и на своем дяде на князи на Володимире Ондреевиче, и на своем брати...»⁵⁸ Между первым и вторым завещаниями⁵⁹ в политической ориентации московских князей произошли некоторые изменения. В борьбе двух партий, ордынской и литовской, победу в правительстве одержала последняя⁶⁰. Это, как видно, не могло не отразиться на завещании: всю полноту власти при малолетнем сыне Василий I передал регентше Софье Витовтовне, а попечителем назначил своего тестя – отца Софьи, всемогущего литовского князя Витовта⁶¹. В третьей духовной Василия I, написанной между 1419 и январем–февралем 1423 г.⁶², существенных изменений не произошло. Василий I, круто изменив свою политическую ориентацию с востока на запад, надеялся, что после его смерти могущественный Витовт сможет защитить малолетнего наследника от династических притязаний своего брата – Юрия, который по духовной грамоте Дмитрия Донского имел право на занятие великокняжеского стола⁶³.

Сравним политическую атмосферу и характер завещательных распоряжений Василия Дмитриевича с духовной его сына – Василия Темного. «А приказываю свою княгиню, и своего сына Ивана, и Юрья, и свои меньшие дети брату своему, королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, по докончателной нашей грамоте, на бозе и на нем, на моем брате, как ся оучнет печаловати мою княгинею, моим сыном Иваном, и моими детми», – читаем в заключении Василия Темного⁶⁴. В начале же грамоты, как и в духовной отца, он приказывает своих детей матери: «Приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите заодин, а матери своей слушайте во всем, в мое место, своего отца»⁶⁵. Всю полноту власти Василий Темный передал своему старшему сыну – Ивану. «А вы дети мои, чтите и слушайте своего брата старейшего Ивана

⁵⁸ ДДГ. № 20. С. 57.

⁵⁹ *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 291–293; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 84–90.

⁶⁰ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 90.

⁶¹ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 708–715.

⁶² *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 293–294; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 91

⁶³ *Зимин А. А.* В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.). С. 75–76.

⁶⁴ ДДГ. № 61. С. 197.

⁶⁵ Там же. С. 197, 194.

в мое место, своего отца»⁶⁶. Условия, в которых была составлена духовная грамота Василия Васильевича, были совершенно иные, чем при Василии Дмитриевиче. Василий Темный передал бразды своего правления своему двадцатидвухлетнему сыну⁶⁷. Понятно, что при таких обстоятельствах не может быть и речи о назначении попечителей. И тем не менее формуляр приказывания великой княгини, сына Ивана, Юрия и младших братьев польскому королю Казимиру по форме мало чем отличается от предшествующего «приказывания» Василия Дмитриевича. Более того, кажется нелепым при взрослом сыне ставить мать по формуле духовной, «в... место своего отца» и тут же благословлять сына своего государством⁶⁸. По поводу «приказывания» польскому королю детей Василия Темного Л. В. Черепнин выдвинул следующее предположение: «Это был политический жест, ставившей своей задачей поддержать ту систему равновесия между Московским великим княжеством и Литовским государством, которая была создана договором Василия II с Казимиром IV»⁶⁹. «Приказание», как видно, не всегда определяло реальные действия, это был скорее официальный наказ, обращение, которое лишь в некоторых случаях приобретало свое первоначальное значение. В традиции составления духовных важную роль играли бояре, сидевшие «оу духовные» великого князя. Как уже было отмечено, бояре заменили «послухов» со времени завещания Дмитрия Ивановича. С тех пор они стали светскими гарантами выполнения всех предначертаний великого князя. Упоминание бояр в завещании не было связано с малолетством наследника престола, с необходимостью создания опекунского совета и т.д. Они являлись свидетелями акта не только большого политического значения (связанного, кстати, и с проблемой наследования, особенно актуальной для второй четверти XV в.), но также имеющего прямое отношение к передаче владений, имущества. Отсюда – необходимость в таких свидетелях очевидна. Пример тому – духовная грамота Василия Темного. В заключительной части завещания, как обычно, перечисляются бояре-свидетели: «А оу духовные сидели: отец мои духовный... да мои бояре князь Иван Юрьевич, да Иван Иванович, да Василей Иванович, да Федор Васильевич»⁷⁰. К духовной Василия

⁶⁶ Там же. С. 198.

⁶⁷ *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 67.

⁶⁸ ДДГ. № 61.

⁶⁹ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 160.

⁷⁰ ДДГ. № 61. С. 198.

Васильевича была составлена также приписная грамота. В ней, являвшейся дополнением к «большой» духовной грамоте, речь шла о пожалованиях монастырям, частным лицам, членам семьи. Не случайно поэтому здесь находим заключительный формуляр, аналогичный основному тексту завещания: «А оу сее грамоты оу приписные сидели: отец же мои духовны архимандрит Трифон да бояре мои, князь Иван Юрьевич, да Федор Михайлович»⁷¹. Итак, анализ традиции оформления великокняжеских духовных грамот показывает нам, что социальный ранг опекуна был всегда выше положения боярина. Душеприказчиком мог быть только тот, кто являлся членом великокняжеской семьи (например, брат, дядя, тесть). Исключение, правда, составляли митрополиты. Они по традиции считались попечителями великокняжеской семьи. В духовной Ивана Грозного, к примеру, читаем: «А ныне приказываю свою душу, сына своего Федора отцу своему, богомольцу Антонию, митрополиту всея России, да тебе, сыну своему Ивану»⁷².

Бояре же выступали всегда в качестве «послухов» у духовной: этим они отличались от душеприказчиков. Своеобразным «исключением» был Василий Васильевич Шуйский. В 1538 г. он женился на дочери царевича Петра Обреимовича, двоюродной сестре Ивана IV. А. А. Зимин справедливо считал, что «благодаря этому браку Шуйские приобретали в случае смерти малолетнего Ивана IV и его слабоумного брата Юрия права на русский престол»⁷³. В. В. Шуйский был упомянут в духовной Василия боярином-свидетелем. Породнившись с великим князем, он, не имея на то формального права, присвоил себе полномочия опекуна. Иван Грозный писал об этом «казусе» А. М. Курбскому: «И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в *бережение* учинилися, и тако воцарихася»⁷⁴. В своем завещании Василий не мог предоставить боярам дополнительные функции управления,

⁷¹ ДДГ. № 61. С. 199.

⁷² Там же. № 104. С. 444; Веселовский С. Б. Духовное завещание Ивана 1572 г. // Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 302–332. Мне представляется, что установленная традиция оформления духовных грамот распространяется и на завещание Ивана Грозного 1572 г. Не случайно, что в нем упомянут один только душеприказчик – митрополит Антоний. Этому я нахожу два объяснения. Первое – то, что Иван IV уничтожил многих тех, кто мог быть опекуном. И второе: в 1572 г. завершился в основном переход служилых князей на положение бояр, что, конечно же, ограничило круг возможных опекунов. Сама же традиция, повторяю, вряд ли изменилась.

⁷³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 249.

⁷⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76.

кроме тех, какими они уже обладали⁷⁵. В рамках традиции написания подобных документов самое большое, что мог сделать великий князь, – не включить в текст завещания лица, имеющего права быть опекуном. К примеру, Василий Дмитриевич, по понятным политическим соображениям, не упомянул в духовной своего брата Юрия Галицкого в числе тех, кому «приказывал» наследника.

А. Е. Пресняков, а вслед за ним и И. И. Смирнов ошибались, когда писали о «правительстве», созданном Василием III из «немногих бояр»⁷⁶. В. Сергеевич, исследуя деятельность Московской государственной думы, мимоходом заметил, что бояре в духовной грамоте Василия III подписались в качестве свидетелей⁷⁷. А. Е. Пресняков не согласился с этим. Ссылаясь на Псковскую летопись, он полагал, что свидетельство источника местного происхождения о «приказании» немногим боярам «беречи (Ивана IV. – А. Ю.) до 15 лет» опровергает попытку Сергеевича представить бояр свидетелями⁷⁸. Пресняков не заметил, что частное наблюдение Сергеевича подтверждается традицией оформления великокняжеских духовных. В летописных источниках значение слова «приказываю» необходимо рассматривать осторожно, так как оно многозначно. «Приказываю вам» может значить и «оставляю вам», и «завещаю вам», и «поручаю вам» и т. д. В одних случаях это наказ, в других – последняя воля, поручение, словом, не обязательно «приказываю» эквивалентно «назначаю». Отсюда и ошибка И. И. Смирнова, который некритически исследовал летописный текст, и каждое «приказание» рассматривал как акт назначения. В духовной же Василия III бояре могли быть перечислены, вероятно, примерно таким образом: «А оу духовные сидели...» или «А туту были бояре мои». Кто же был опекуном малолетнего Ивана IV? Как уже указывалось, душеприказчиками могли быть только близкие родственники: Елена Глинская, Андрей Иванович Старицкий, Юрий Иванович Дмитровский, Михаил Львович Глинский, а также митрополит Даниил. Все ли они были упомянуты в духовной? Мы уже выяснили, что по праву матери опекуницей была Елена Глинская, она же стала правительницей России. Андрей Иванович, дядя наследника и младший брат умершего Василия, всегда пользовался покровительством последнего. Василий III довольно часто брал собой Андрея, когда отправлялся в поход. Так, старицкий

⁷⁵ Ср.: Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 78–80.

⁷⁶ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 78–80; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 25–26.

⁷⁷ Сергеевич В. И. Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1908. Т. 2. С. 399.

⁷⁸ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 78.

князь в 1510 г. въехал во Псков, в 1513 г. участвовал в Смоленской кампании, а в 1514 г. оставался в Москве вместо великого князя, когда тот в третий раз штурмовал со своими войсками Смоленск. Вместе они возглавили полки, стоявшие на Коломне, ездили по монастырям, охотились. Словом, Андрей, по верному замечанию А. А. Зимина, «был вполне лояльным родичем Василия III»⁷⁹.

В 1533 г. великий князь в знак особой милости разрешил старицкому князю жениться⁸⁰. В последней для Василия III поездке по монастырям Андрей неотлучно находился при великом князе и вместе с боярами участвовал в совещаниях на Волоке и в Москве⁸¹. До последней минуты жизни Василия III старицкий князь⁸² оставался верным слугой. Поэтому несомненно, что Андрей Иванович был упомянут в духовной как душеприказчик.

Другими были отношения Василия III с Юрием Ивановичем. В дни болезни государя они не улучшились, а скорее ухудшились. Узнав, что Василий III заболел на Волоке, Юрий приехал к старшему брату, но встретил холодный прием и был вынужден вскоре вернуться в Дмитров⁸³. Перебравшись в Москву, великий князь совещается с боярами о том, «как строится царству после его». В ходе обсуждения было решено прибавить «в думу к духовной грамоте» новых бояр. Дьяки начали писать духовную. В это время Юрий приехал в Москву. В летописи нет ни слова о том, что удельный князь принял участие в этом обсуждении. Скорее напротив, подчеркивается, что Юрий явился, когда совещание уже завершилось⁸⁴. Не пришлось Юрию участвовать и в других, таких же секретных совещаниях Василия с боярами. Можно предполагать, что изоляция дмитровского князя не была случайной. В беседах о наследнике великий князь не мог не упомянуть об опасности со стороны Юрия. После причащения Василий оставил у себя самых близких бояр, включая и старицкого князя. Великий князь отдавал самые последние распоряжения. Но Юрий в отличие от младшего брата снова не был приглашен.

Словом, факты заставляют думать, что Юрий Дмитровский, как в свое время и Юрий Галицкий при той же ситуации, не был

⁷⁹ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 180–181; *Кашианов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 222.

⁸⁰ Разрядная книга 1475–1593 гг. С. 9, 13.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20–21.

⁸² См. главу 4.

⁸³ ПСРЛ. Т. 34. С. 19; *Тихомиров М. Н.* Князь Юрий Дмитровский. С. 156–169.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 20.

упомянут в духовной. К этому выводу склоняют и два других обстоятельства. Юрий был арестован буквально через неделю после смерти Василия III, около 10–11 декабря (Василий умер в ночь с 3 на 4 декабря). Ему было предъявлено обвинение в заговоре против наследника. Официальные версии, излагавшие это дело, крайне тенденциозны⁸⁵. И все же видно, что обвинения против Юрия имеют следы какой-то поспешности и явной недоработки. Если бы Юрий стал опекуном Ивана IV, то вряд ли бы правительство решилось на такую акцию сразу после смерти великого князя. Следовательно, отстранение Юрия от опекунства явилось для правительства предлогом, чтобы разделаться с князем. Отсюда можно объяснить и ту поспешность, с которой было состряпано это дело: слишком опасно было оставлять на свободе явного претендента на трон. К этому следует добавить одно важное свидетельство А. М. Курбского: «Василий со оною предреченною законопреступною женою, юною сущюю, сам стар будучи, искал чаровников презлых отовсюду, до помогут ему ко плодотворению, не хотяше бо властеля быти брата его по нем, бо имел брата его по нем, бо имел брата Юрья зело мужественнаго и добронравнаго, яко и повелел, *заповедающе* (курсив мой. – А. Ю.) жене своей и окаянным советникам своим, скоро по смерти своей убити его, яко и убиен есть»⁸⁶. Как видно, и А. М. Курбский намекает на то, что Василий «повелел, заповедающе» убить Юрия. В данном случае немаловажно и то обстоятельство, что это поведение относилось к жене Василия Елене Глинской и «окаанным советником». Видимо, А. М. Курбский знал, о чем беседовал Василий III со своими боярами-свидетелями и опекунами от своего деда (по материнской линии), активного участника этих совещаний, Михаила Васильевича Тучкова⁸⁷. Василию III достаточно было не упомянуть Юрия в завещании, чтобы дать повод боярам расправиться с ним.

Сложнее дело обстоит с М. Л. Глинским: неясно, был ли он боярином или до конца жизни оставался служебным князем. А. А. Зимин в работе, посвященной изучению состава Боярской думы, считал М. Л. Глинского боярином. Позднее, анализируя положение служилых князей в Русском государстве, он высказал предположение, что «сам Михаил на положение боярина не

⁸⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 31; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 228.

⁸⁶ Курбский А. М. История о великом князе Московском // РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914. Стб. 130–131.

⁸⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 74.

перешел», оговорившись при этом, что в летописном тексте Сказания М. Л. Глинский назван боярином⁸⁸. В этом вопросе следует разобраться, так как от статуса Глинского зависит, был ли он опекуном или свидетелем. Рассмотрим случаи упоминания М. Л. Глинского боярином в Сказании о последних днях жизни Василия III. «А бояр тогда бысть на Волоце с великим князем: князь Дмитрие Федоровичъ Бельской да князь Иван Васильевич Шуиской, да князь Михаило Лвович Глинской...»⁸⁹ В другом месте: «А оставил у себя бояр своих всех: князя Дмитрея Федоровича Белского з братиею и Шюиских князей Горбатых, и Поплевиных, и князя Михаила Лвовича Глинского»⁹⁰. Характерно, что М. Л. Глинский ни в одном из упоминаний прямо боярином не назван. Обычно встречается такая формула: «А бояр тогда» или «бояр своих всех». Показателен такой пример: «Тогда же князь велики прибави к себе в думу к духовной грамоте бояр своих: князя Михаила Васильевича Шюиского да Михаила Васильевича Тучкова, да князя Михаила Лвовича Глинского»⁹¹. В приведенном отрывке М. Л. Глинский упомянут в числе «бояр своих», и это, казалось бы, свидетельствует о его боярстве. Однако при перечислении бояр М. Л. Глинский назван после М. В. Тучкова, что в свою очередь заставляет критически присмотреться к летописному тексту. В Сказании есть и другое сообщение: «И привезоша духовные деда его и отца его... от всех людей и от великие княгини и крыющиеся и от братьи своя от князя Юрья и от князя Ондreja, и от бояр своих, и от князя (курсив мой. – А. Ю.) Михаила Лвовича Глинского»⁹². Случайно ли автор отделил «бояр своих» от «князя»? Да, возможно. Однако в этом может быть и некая закономерность. Ведь не исключено, что редактор летописи мог просто плохо разбираться в различиях «бояр» и служебных «князей» в 30-х гг. XVI в. И это неудивительно. Немалое количество родовитых «слуг» к этому времени перешло на положение бояр (князья Бельские, к примеру). А поскольку действительные различия бояр и слуг не бросаются в глаза, то летописец легко мог М. Л. Глинского принять

⁸⁸ Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 54; Он же. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. статей, посвящ. памяти А. А. Новосельского. М., 1975. С. 51; Бычкова М. Е. Русско-литовские политические контакты XV – начала XVI вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 144.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 555.

⁹⁰ Там же. С. 558.

⁹¹ Там же. С. 557.

⁹² Там же. С. 554.

за «боярина». Это один вариант объяснения. Возможно также, что летописец не случайно упомянул М. Л. Глинского в числе «бояр своих». Под такой «шапкой» он мог разуметь не бояр – членов Боярской думы, а доверенных лиц государя, имеющих право совещаться у его постели. Ведь недаром в число «бояр своих» упоминаются дворецкие И. И. Кубенский и И. Ю. Шигона. В летописях М. Л. Глинский упоминается без боярского звания. Кажется, это должно неопровержимо свидетельствовать в пользу Глинского – «слуги». К примеру: «Августа в 19 поиман бысть князь Михайло Лвович Глинский в том, что захотел дръжати великое государство Российскаго царствия со единомысленным своим с Михаилом Семеновичем Воронцовым»⁹³. Однако в этом же отрывке М. С. Воронцов, который упоминается в паре с М. Л. Глинским, не назван боярином, хотя и был им⁹⁴. Для летописей, составленных в середине XVI в. и в более позднее время, не было важным различие между боярином и служебным князем. Тем более что само это различие к середине XVI в. становится достоянием истории⁹⁵. В известной челобитной Ивана Яганова, написанной в промежутке между декабрем 1533 г. и августом 1534 г., читаем: «И приехал есми к Якову, и Яков мне которое дело сказал и язъ, государь, часа того послал ко князю к Михаилу (Глинскому. – А. Ю.) и к Шигоне своего человека с грамотою»⁹⁶. В такого рода документах челобитчики старались быть точными в титуляре. И то, что М. Л. Глинский не назван боярином – определенно указывает на его положение «слуги». Имперский посол С. Герберштейн писал, что М. Л. Глинский «поименован был в числе прочих князей в завещании государя и, в конце концов, был назначен опекуном своих племянников, Иоанна и Георгия»⁹⁷. По Герберштейну, М. Л. Глинский – опекун, значит, он не был боярином, такова логика.

Все точки над *i* ставят разрядные книги: «А против боярынь сидели бояре князь Дмитрий Федорович Бельской, князь Василий Васильевич Шуйской, князь Борис Иванович Горбатой, князь Иван Васильевич Шуйской, Иван Васильевич Хабар, Михайло Юрьевич. А в кривом столе сидел князь Михайло Лвович Глинской»⁹⁸. Это

⁹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 420.

⁹⁴ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 52.

⁹⁵ *Он же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. С. 53–56; *Он же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 225–226.

⁹⁶ АИ. Т. I. № 136. С. 197.

⁹⁷ *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. С. 9.

⁹⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 14.

описание свадьбы Андрея Ивановича Старицкого относится к январю 1533 г. Следовательно, до 1533 г. М. Л. Глинский на положение боярина так и не перешел. Маловероятно, что такой переход состоялся в промежутке между январем и декабрем 1533 г. Таким образом, есть все основания полагать, что М. Л. Глинский до конца своих дней оставался «служгой», т.е. служебным князем. Это дает нам право утверждать, что он был опекуном Ивана IV.

Душеприказчиком Василия III стал митрополит Даниил – этого требовала традиция. В летописи читаем: «Приказываю своего сына великого князя Ивана богу и пречистой богородици, и святым чудотворцем, и тебе, отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси»⁹⁹.

Разницу между опекуном великого князя и боярином-свидетелем можно проиллюстрировать на примерах соотношения прав и функций душеприказчиков и «послухов» в частном духовном акте. Формуляры концовки частных и великокняжеских завещаний имеют немало общего. Например, в духовной Патрикея Строева (1392–1427) читаем: «А приказал есмь свою жену свои детки и где што взяти, кому што дати, – брату своему Костену. А над головою сидел отец мои душевны игумен Никон. А на то послуши: Иван Беклемишев, Клим Данилов, Клим Молотило, да Пантельи»¹⁰⁰. В частном акте есть, однако, и свои особенности. На обороте таких грамот обычно записывали, кому и сколько было дано по духовной. Так и в завещании Патрикея Строева есть запись, которую сделал его душеприказчик «брат» Костен: «А по се душевное брата моего, што ми велел двое коньвь продати и долгъ заплатити, – и язъ ихъ продал да заплатил долгъ». С начала XV века к обычному перечислению кому, что дано по духовной, прибавилась новая запись, ставшая со временем традиционной. В духовной Василия Васильевича Галицкого (1433), к примеру, «назади» было написано: «А сия духовная грамота Ионе владыце явлена, а поп Генадей и во всех послухов место туто ж стоял перед владыкою и сказал, что ся духовная грамота перед ним писана. А Иван Васильевич сказал, что сю грамоту он писал»¹⁰¹. Лишь после такого освидетельствования «владычень диак» подписывал духовную и ставил печати, удостоверяющие подлинность документа. В этой процедуре участвовали «послухи», а также лицо, писавшее духовную. Душеприказчики

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20.

¹⁰⁰ АСЭИ. Т. I. № 11. С. 32.

¹⁰¹ Там же. Т. I. № 108. С. 87. Свидетели должны были подтвердить, что грамота писалась перед ними, «при живом» еще человеку. Писавший грамоту обязан был сказать утвердительно, что «руку свою признал». Лишь после этого грамоту подписывал дяк.

крайне редко упоминаются в записи на обороте грамоты. Вот один из таких случаев: «Сия грамота духовная Ионе митрополиту Киевскому и всей Руси явлена; а приказник в сей духовной Федор Васильевич; а за отца духовного и за послуши, да и за дьяка Давыда, Арьсений, старец троецкой, сказал, что сию духовную перед ним писал дьяк Давыд Данилов сын Денежников, и писал своею рукою. А подписал духовную митрополичь дьяк чернец Тихон, месяца генваря в 7 в лето 6963, индикта 3»¹⁰². Но и здесь упоминание «приказника» ничем не обосновано: он не подтверждает перед митрополитом, что видел, как писалась грамота, а просто перечисляется как бывший при процедуре освидетельствования. Возможно, на такую активность душеприказчика повлияли последние распоряжения умершего. Они нашли свое отражение в духовной: «А сию духовную приказываю своему господину Федору Васильевичу и свои дети; а Матфею Григорьевичу есми приказал – велел есми ему по себе правити, а тебе, своему господину Федору Васильевичу, бити челом о всем»¹⁰³. Обязанности опекунов были совершенно иные, чем у свидетелей. Все денежные, имущественные отношения («кому ми што дети, оу кого ми што взяти») умершего с внешним миром решали душеприказчики¹⁰⁴. Обычными были такие записи в духовных: «А што мое село на Москве Шерепово, и то село прикашики мои чем обложат и брат мои Михаило Шарап серебро дать, а прикашики мои тем серебромь долг мои оплатят; а село Шерепово Михаилу и з деревнями»¹⁰⁵. «А приказываю по сей духовной собрати и долг заплатити и душу помянуть и жену и дети управити своему господину князю Семену Ивановичу Ряполовскому, да брату своему Петру Михайловичу, да троицкому старцу Веньямину»¹⁰⁶. «Да приказчики бы мои дали зятю моему Василью Бусыгину тягиляи камчат, да однорятка аспидна с пугвицами серебряными. Да жене его Марфе летник тафтян, да торлоп белей хрептов. Да Ивану Тючеву охабень зуфен, черн, да конь гнед зверской, да саадак»¹⁰⁷. «А дадут приказшики мои по моей душе к Рождеству пречистый рубль да к Николе на Ижво рубль, к Успенью пречистой в Щуко-

¹⁰² Духовная Василия Матвеева (1455 г.) // АСЭИ. Т. I. № 253. С. 182.

¹⁰³ АСЭИ. Т. I. № 253. С. 183.

¹⁰⁴ АРГ. № 2. С. 9; № 59. С. 64–65; № 65. С. 71–72; № 108. С. 110–112; № 179. С. 176–177; № 251. С. 254–255.

¹⁰⁵ АСЭИ. Т. I. № 501. С. 308.

¹⁰⁶ Там же. № 562. С. 442.

¹⁰⁷ АФЗХ. Ч. II. № 97. С. 92.

лово полтину, да отцу моему духовному рождественскому Семену два рубля»¹⁰⁸.

Итак, анализ формуляра великокняжеских и частных духовных грамот показывает, что социальный статус опекуна был всегда выше положения боярина (удельный князь, служебный князь). Опекунами при Иване IV были Елена Глинская, митрополит Даниил, Андрей Иванович Старицкий, Михаил Львович Глинский. Они и составили нечто вроде регентского совета. Боярами-«послухами» были назначены доверенные люди Василия III, принимавшие активное участие в обсуждении и составлении духовной: В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. Ю. Захарьин, М. В. Тучков, тверской дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин, казначей П. И. Головин. Функции бояр как свидетелей не имели прямого отношения к управлению государством.

¹⁰⁸ Там же. № 257. С. 283.

ГЛАВА III

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО ВАСИЛИЯ III

§ 1. «Поимание» удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского

В ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. умер великий князь Василий III. Опекунами малолетнего наследника были назначены М. Л. Глинский, вдова Елена Глинская, митрополит Даниил, удельный князь Андрей Иванович Старицкий. Подписавшие духовную грамоту бояре-свидетели составили ближайшее окружение Елены Глинской, фактической правительницы России.

Политическая обстановка после смерти Василия была очень сложной: от участия в составлении завешания был фактически отстранён Юрий Дмитриевский, старший из родных братьев Василия; это, вероятнее всего, означало, что в недошедшем завешании великого князя он не был упомянут в числе опекунов. Такого рода прецедент известен истории: умерший в 1425 г. Василий Дмитриевич, отец Василия Тёмного, в своей духовной не упомянул родного брата Юрия Галицкого среди тех, кому «приказывал» наследника¹. Юрий претендовал на престол и, как известно, после смерти Василия Дмитриевича начал борьбу с малолетним Василием Васильевичем². Отношения Василия III и Юрия Дмитриевского стали особенно напряжёнными после того, как в 1526 г. великий князь женился на Елене Глинской, а через четыре года у них родился первенец – сын Иван³. Рождение наследника явилось сильным ударом по честолюбивым замыслам Юрия.

¹ ДДГ. № 21, 22.

² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... С. 745–763.

³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 367.

24 августа 1531 г. была составлена окончательная грамота Василия III и Юрия Ивановича⁴. «Весь пафос окончания 1531 г. состоял в том, что князь Юрий отказывался от претензий на великокняжеский престол и приносил присягу на верность не только Василию III, но и его сыну Ивану»⁵. Это был уже не первый договор между братьями. В царском архиве хранились более ранние «списки з доначальных грамот княж Юрьевы... с великим князем Василием»⁶.

На рубеже 1532 г. отношения Василия и Юрия вновь обострились. В Литве стало известно, что князь Юрий взял Рязань и поднял на великого князя татар. Проверить, в какой степени слух отражал реальное положение в стране, трудно. Для нас важно то, что в Литве могли допустить возможность такого «розтырка» в отношениях между братьями⁷. О том, что эти отношения не улучшились и в 1533 г., свидетельствует текст летописной повести о последних днях жизни Василия⁸. Примирение между братьями могло произойти в тот момент, когда Юрий приехал на Волок навестить тяжело заболевшего Василия. Но великий князь, «таяше от него болезнь свою», отпустил его в Дмитров, хотя Юрий и «не хоте ехати».

Юрий был отстранён и от участия в предсмертных совещаниях Василия с боярами и с Андреем. На этих заседаниях разговор шёл о наследнике, малолетство которого усложняло политическую обстановку, обсуждалось, кому «приказать» наследника, кого из бояр вписать в духовную в качестве свидетелей и т. д. Не исключено, что на совещаниях речь шла и о самом Юрии. Василий, отстраняя брата от составления духовной, фактически санкционировал будущую расправу с ним. Страх за наследника мог явиться причиной такого разлада в отношениях братьев. По выражению Ключевского, «удельный князь был крамольником, если не по природе, то по положению»⁹.

Буквально через неделю после смерти Василия, вероятно 11 декабря, Юрий был арестован и посажен в тюрьму. В августе 1536 г. он умер в заточении¹⁰.

⁴ ДДГ. № 101.

⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 377.

⁶ Описи царского архива XIV в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. Ящик 27. С. 21.

⁷ Акты Литовско-Русского государства. М., 1900. Вып. 1. С. 240.

⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 19; Кашианов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 278–281; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 23.

⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2. С. 133.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 90.

Рассмотрим подробно, что произошло между 4 и 11 декабря 1533 г., каковы причины «поимания» Юрия, характер официальных версий и влияние этих событий на ход политической борьбы¹¹.

События «поимания» князя Юрия Ивановича представлены в официальном летописании двумя версиями. Краткий летописный рассказ содержится в Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг., пространный – в Летописце начала царства ред. 1553–1555 гг.¹² Обе версии крайне тенденциозны, хотя и в различных направлениях¹³. По Воскресенской летописи все началось с того, что 11 декабря Юрий Иванович прислал к князю Андрею Шуйскому дьяка своего Третьяка Тишкова. От имени князя Третьяк звал Андрея Шуйского на службу к Юрию. Шуйский отвечал: «Князь ваш вчера целовал крест великому князю, что ему добра хотети, а ныне от него людей зовет». Третьяк возражал ему, что «князя Юрья бояре приводили заперши к целованию, а сами князю Юрию за великого князя правды не дали: ино то какое целование? то невольное целование». Андрей Шуйский рассказал о встрече с Тишковым своему брату князю Борису Горбатову. Тот донёс содержание разговора боярам, которые в свою очередь сообщили об этом Елене Глинской. По Воскресенской летописи, эти события произошли в течение дня. Елена «берегучи сына и земли», велела арестовать Юрия и заточить его в тюрьму. По пространному рассказу Летописца начала царства, причина размолвки Юрия и правительства Елены заключалась в том, что извечный враг человечества – дьявол – «вложи боярам великого князя мысль неблагу» – «поймать» князя Юрия¹⁴. До этого, утверждает Летописец, отношения Василия и Юрия были хорошими: князь Юрий «при великом князе Василе и крест ему целовал, что ему брату своему великому князю Василью и его детям никоторого лиха не делати...»¹⁵.

Присягу удельный князь соблюдал. После смерти Василия Юрий целовал крест великому князю и его матери, что «ему великому князю и его матери великой княгине лиха никакова не

¹¹ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства... С. 28–32; *Каиштанов С. М.* Из истории последних уделов. С. 275–302; *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор... С. 182–195; *Тихомиров М. Н.* Князь Юрий Дмитровский. С. 155–169.

¹² ПСРЛ. Т. 8. С. 286; Т. 29. С. 10–11.

¹³ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства... С. 30.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

¹⁵ Там же.

мыслити, ни думати, ни государств под ним великих княженей, чем его благословил отец его».

В Летописце далее объясняется, почему бояре были недовольны Юрием: «Только не поимати князя Юрия Ивановича, ино великого князя государству крепку быти нельзя, потому что государь еще млад, трех лет, а князь Юрьи совершенный человек, люди приучити умеет, и как люди к нему пойдут, и он станет под великим князем государства его подискивати»¹⁶. В доказательство того, что «государству крепку быти нельзя», пока великий князь молод, а взрослый Юрий может «приучить» к себе людей, Летописец сообщает, что Андрей Шуйский после смерти Василия «восхотел» отъехать на службу к Юрию. Между тем в краткой версии Воскресенской летописи речь идёт о том, что Юрий Иванович в ответ на приглашение служить у него получил от Шуйского демонстративный отказ¹⁷.

Редакция Воскресенской летописи относится к 1542–1544 гг. Как доказано в работах С. А. Левиной, текст летописи редактировал явный сторонник Шуйских¹⁸.

Он стремился обелить Шуйского, – и в этом проявлялась его тенденциозность. Надо ли отсюда делать вывод, что версия Летописца начала царства точнее и правдивее рассказа Воскресенской летописи? А если политическая тенденция краткой версии изначально совпадала с реальными событиями? Ещё Н. М. Карамзин, подчеркивая, что «сказания летописцев несогласны», отдавал предпочтение рассказу Летописца начала царства¹⁹. С. М. Соловьев, полемизируя с Карамзиным, решает вопрос о предпочтительности известий в пользу Воскресенской летописи. Аргументация историка сводилась к тому, что Летописец был составлен позже, чем Воскресенская летопись, и содержание рассказа Воскресенской летописи производит впечатление большей обстоятельности²⁰.

И. И. Смирнов совершенно правильно указывал, что объективную картину событий можно восстановить «не путём выбора одной из двух версий», а исходя из анализа обеих версий, «что даёт

¹⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

¹⁷ Там же. Т. 8. С. 286.

¹⁸ *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. С. 375–379; *Она же.* К изучению Воскресенской летописи. С. 689–705; *Она же.* Воскресенская летопись XVI в. С. 402–403; *Тихомиров М. Н.* Князь Юрий Дмитриевский. С. 166; *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып. 1. (Т. 1 (XXXIV)). С. 89.

¹⁹ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VIII. С. 7–10.

²⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. С. 398.

возможность использовать фактические данные, содержащиеся в них (с учётом тенденциозности освещения этих данных)»²¹.

Коснувшись вкратце характера тенденции Воскресенской летописи, посмотрим теперь, как излагает дальнейшие события Летописец начала царства, попытаемся обнаружить тенденцию этого источника, точки соприкосновения обеих версий.

В Летописце далее говорится, что и ранее, т.е. до смерти Василия, князя Андрей Михайлович и Иван Михайлович Шуйские пытались отъехать к Юрию²². А. А. Зимин предполагал, что отъезд состоялся в 1527/28 г. В связи с этим отъездом с князей Шуйских была взята поручная запись²³.

По летописи, князь Юрий не сообщил тогда великому князю об отъезде к нему князей Шуйских – «нимала не пререкова от них». Вскоре однако это стало известно в Москве, и от великого князя в Дмитров были посланы князь Юрий Дмитриевич Пронский и дьяк Елизар Цыплатев. Они возвратили беглецов в Москву. Василий III «положил на них свою опалу, велел их, оковавши, розослати по городом»²⁴. После смерти Василия «по печалованию» митрополита, бояр Елена Глинская пожаловала опальных и они были возвращены в Москву.

Обвинительная формула поручной записи июня 1528 г. звучала так: «За отъезд и за побег в дву тысячах рублех и до его живота»²⁵. Проанализируем факты. Если в поручной записи речь идёт о попытке бегства (или отъезда, неясно), то в летописи, напротив, сообщается об отъезде Шуйских как о факте: для возвращения князей Шуйских в Москву были посланы Ю. Д. Пронский и Е. Цыплатев.

После взятия с князей Шуйских «записи» и последовавшей опалы они в разное время упоминаются в разрядах после 1528 г., тогда как официальная версия Летописца утверждает, что опала произошла при Василии, а отпущены они были во время правления Елены. Имеют ли отношение июньские события 1528 г. к той опале, на которую ссылается Летописец? Обратимся к разрядным книгам, где упоминается служба обоих Шуйских.

А. М. Шуйский впервые появляется в разрядах в 1523/24 г. воеводой на Угре²⁶. В сентябре-октябре 1531 г. он уже воевода правой

²¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 31.

²² ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

²³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 227.

²⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

²⁵ СГД. Ч. I. № 156. С. 430–432; Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор... С. 188.

²⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2. С. 189.

руки передового полка в Нижнем Новгороде²⁷. После долгого перерыва А. М. Шуйский упоминается в июне 1540 г. воеводой большого полка в Коломне²⁸. Последняя запись о нём относится к 1542 г.: «Ондрей Михайлович Шуйский вскоре на службу не пришел»²⁹. О его гибели официальная летопись сообщала: «Великий государь велел поимати (1543 г. – А. Ю.) первосоветника... князя Андрия Шуюскаго, и велел его передати псарем, и псари взяша и убиша его, влекуще к тюрьмам»³⁰. Иван Михайлович Шуйский упоминается в разрядах с 1530/31 гг. В 1532 г. – он воевода на Угре. В феврале 1533 г. упомянут в числе гостей на свадьбе Андрея Старицкого. И. М. Шуйский вновь появляется в 1537/38 гг. воеводой большого полка на Угре.

После «совместного» упоминания братьев в июне 1531 г. Андрей и Иван на некоторое время исчезают из разряда. У Андрея этот промежуток растянулся надолго. Иван Шуйский появляется в феврале 1533 г., а затем, как и брат, пропадает из поля зрения. Вновь он упомянут в 1537/38 гг.

В майской разрядной росписи 1533 г., т.е. сразу после свадьбы Андрея Старицкого, имя И. М. Шуйского отсутствует³¹. Если верить данным официальной версии Летописца о том, что оба брата попали в опалу при Василии, а выпущены были из «поимания» в период правления Елены, то предполагать можно следующее: где-то в марте–апреле 1533 г. князья Шуйские оказались вновь в опале, а в начале декабря 1534 г. отпущены на свободу.

По летописцу Андрей Шуйский – злодей: «Мало побыв тако, паки мыслил ко князю Юрье отъехати, и не только отъехати, но и на великое княжение его поднати; а у князя сего на мысли не было, понеже бо крест целовал великому князю: како было ему изменить»³².

Летописец начала царства был составлен в 1553–1555 гг. А. А. Зимин связывал создание летописи с именем А. Адашева³³. Объясняя тенденцию Летописца в рассказе о «поимании» Юрия, А. А. Зимин, в частности, писал: «Оценка деятельности князя Юрия Ивановича объяснялась посмертной реабилитацией дмитровского князя в 50-х годах XVI в.»³⁴

²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1–2. С. 228.

²⁸ Там же. С. 287.

²⁹ Там же. С. 300.

³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 145.

³¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1–2. С. 238.

³² ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

³³ Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 31.

³⁴ Там же. С. 33.

Ранее Н. Ф. Лавров высказал мнение, что Летописец был составлен вскоре после болезни Ивана Васильевича в 1553 г., поэтому политические настроения, проявившиеся в тот момент, были весьма сходными с настроениями в минуту воцарения Ивана Грозного³⁵.

При такой противоречивости источников трудно дать однозначную оценку событий (упрощая это, скажем, до схемы «заговора» удельной оппозиции против наследника)³⁶. Единственный, на мой взгляд, верный путь решения вопросов, естественно возникающих после прочтения диаметрально противоположных версий, лежит через реконструкцию общей картины происходивших событий. Использование в этом случае «здравой логики» не повлечёт за собой искажение действительности, так как оно является лишь способом объяснить то, что недоговаривает источник. Разумеется, такой путь ограничен кругом имеющихся источников.

Летописец далее рассказывает, что Андрей Шуйский «помышляше злое православному христианству», сказал свой «совет» своему брату Борису Горбатову³⁷. Этот совет заключался в том, что «посылает по него (А. Шуйского. – А. Ю.) князь Юрьи, и он к нему хочет отъехать»³⁸. В тексте Летописца, где каждое слово оправдывает действия удельного князя Юрия, сообщение источника, что к Шуйскому кто-то явился от Юрия с предложением служить у него – важная деталь, проговорка источника.

Эта проговорка Летописца подтверждает сообщение рассказа Воскресенской летописи, что к Андрею Шуйскому приходил дьяк Третьяк Тишков. Можно считать бесспорным тот факт, что между Юрием и Андреем Шуйским были какие-то переговоры.

В тексте Летописца дословно цитируется то, что сказал А. Шуйский своему брату: «А здесе нам не служить и нам не выслужити, князь великий еще молод, а се слова носятя про князя Юрья. И только будет князь Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим»³⁹. Борис Горбатый не захотел отъехать к князю Юрию и уговаривал Андрея Шуйского не совершать этого. Видя, что «неугоден явися совет его князю Борису», А. М. Шуйский донёс Елене Глинской на брата, сказав, что тот приходил к нему и звал ехать к Юрию, «а к нему хотят

³⁵ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. С. 89.

³⁶ Ср.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 28.

³⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

³⁸ Там же. С. 10–11.

³⁹ Там же. С. 11.

будто многие». При расследовании этого дела выяснилось, что А. М. Шуйский лгал, а его брат говорил правду.

Шуйского вновь посадили в тюрьму. По Воскресенской летописи это произошло 11 декабря⁴⁰. В источниках утверждается, что разговор между А. М. Шуйским и дьяком Третьяком Тишковым шёл о переходе Шуйского на службу к Юрию. Однако Воскресенская летопись рисует Юрия явным крамольником, пренебрегшим крестным целованием. Причем, по этой летописи, Юрий приглашает к себе служить с расчётом, что ему удастся стать великим князем и он не забудет заслуги тех, кто перейдёт на его сторону. Не случайно поэтому дьяк Третьяк Тишков в разговоре с А. М. Шуйским объявляет «невольным» крестоцелование Юрия после смерти Василия⁴¹.

По Летописцу, обвинение против Андрея Шуйского содержит тот же смысл, что и преступный умысел Юрия по Воскресенской летописи: Андрей зовёт своего брата Бориса Горбатого отъехать на службу к Юрию с тем, чтобы выслужиться перед будущим великим князем.

Посадив А. М. Шуйского в тюрьму, бояре требовали у великой княгини «поймать» князя Юрия. Елена, будучи в великой «кручине» по великому князю, сказала боярам: «Как будет пригоже, и вы так делайте». Бояре призадумались. В этой части летописного текста редактор Летописца яростно защищает удельного князя: «А у князя некоторого же помышления лихово не было». Наоборот: его бояре и дворяне советовали ему вернуться в Дмитров. По Москве ходили слухи, что Юрия собираются арестовать; это беспокоило дмитровских дворян. Но Юрий им отвечал: «И мне как крестное целование преступити. Готов есмь по своей правде и умерети». Московские бояре, подумав, решили арестовать Юрия. Они сказали свою «думу» Елене. Великая княгиня ответила им: «То ведаете вы». И судьба Юрия была решена: его посадили в тюрьму, откуда он уже не вышел.

Летописец, как видно, пытается изобразить Юрия непричастным к делу А. М. Шуйского, Елену невинной в «поимании» князя Юрия. Эта политическая тенденция вполне соответствовала событиям после мая 1553 г.⁴² Но так ли это? До нас дошла челобитная Ивана Яганова великому князю Ивану Васильевичу, из которой, между прочим, видно, что ещё при Василии осуществлялся тайный над-

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 286.

⁴¹ Там же.

⁴² Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 33.

зор за Юрием, его боярами, дворянами («И яз государю сказывал, а которые дети боарские князь Юрьевы Ивановича приказывали и отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз государь, те все дела государю доносил»).

В челобитной Иван Яганов жалуется великому князю на несправедливое отношение к нему: за очередной донос его посадили в тюрьму – «и меня, и моего человека велели оковати и в заточенье посадити». При Василии он числился платным осведомителем – «и яз, государь, те все дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловати своим жалованьем...». После его смерти некоторое время он продолжал так же верно служить князю М. Л. Глинскому и И. Ю. Шигоне Поджогину⁴³.

Почему так резко изменилось отношение к тайному агенту? В достаточно завуалированной форме Иван Яганов рассказывает об этом так: «И ныне, государь, приказал ко мне княж Юрьев Иванович сын боярской Яков Мещеринов, который наперед того некоторыми делы отцу твоему служил... и язь, государь, то сказал Ивану Юрьевичу Шигоне; и Шигона молвил: “поед к Якову, нечто будет у него которое дело государево поновилось, и ты и с Яковым ранее ездил к Москве; и язь Якова и его службу скажу государю”; и приехал есми к Якову, и Яков мне которое дело сказал и язь, государь, часа того послал ко князю Михаилу и к Шигоне своего человека с грамотою, а велел тебе государю сказати, а сам поостался у Якова побыти, доведатись про то дело полных вестех; Иван Шигона моего человека к нам отпустил, а велел нам быти к Москве, и мы часа нарядились к Москве ехать, и ты, государь, по нас прислал своих детей боарских, велел нас Москве взяти. И здесь, государь, перед твоими бояры, Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышел, сказывает, у княж Юрьевых детей боарских; а которые речи Яков мне сказывал о Дмитровских делах, и язь тех речей список дал твоим боаром...»

Из челобитной Ивана Яганова видно, что кроме него в уделе был осведомителем и Яков Мещеринов⁴⁴. «Некоторое дело», ради которого И. Яганов вместе с Я. Мещериновым уехали в деревню, означало, вероятно, что они вели какое-то наблюдение за дмитровскими детьми боярскими. С. М. Соловьев справедливо полагал, что этот донос вряд ли относился к замыслам Юрия, так как со времени

⁴³ АИ. Т. I. С. 197. О И. Яганове см.: *Тихомиров М. Н.* Князь Юрий Дмитровский. С. 166–167.

⁴⁴ *Андреева Л. Е.* Феодалное землевладение в XVI в. в Дмитровском уезде: Дипломная работа, защищенная в МГПИ им. В. И. Ленина (машинопись). М., 1976. С. 183.

смерти Василия до ареста Юрия прошло немного времени (всего около недели)⁴⁵. К тому же Юрий из Москвы не выезжал, а в челобитной речь идёт о какой-то поездке, по всей видимости, в Дмитровский удел. Для нас важно, что руководство тайной слежкой за удельными князьями осуществлял князь М. Л. Глинский и тверской дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин, лица очень влиятельные, близкие к семье умершего князя⁴⁶.

В руках М. Л. Глинского и И. Ю. Шигоны Поджогина находился аппарат платных осведомителей, доставшийся им по наследству от Василия. Можно почти с уверенностью сказать, что то, о чём беседовали дмитровские дворяне, скоро становилось известно правительству Елены Глинской. Агентура доносчиков была направлена главным образом против удельных князей, и в особенности против Юрия⁴⁷. Поэтому та атмосфера незнания и благородного выжидания, характерная для тенденции Летописца начала царства, не только не соответствует действительности, но и противоречит ей.

Иван Яганов, как считал С. М. Соловьев, был посажен в тюрьму за ложный донос. Отсюда история делает вывод, что это наказание за донос показывает, насколько правительство не было расположено верить всякому слуху «относительно удельных князей и что если оно решилось заключить Юрия, то имело на это основания». Советский историк И. И. Смирнов развил эту мысль С. М. Соловьева до логического завершения: «Поведение самого Юрия (которого пришлось приводить к присяге Ивану “заперши”), и действия его доверенных лиц, и поведение Шуйских с очевидностью указывали на готовящийся мятеж (если даже не придавать значения рассказу летописи о том, что планы мятежников были выданы самим Андреем Шуйским). Это заставило правительство принять решительные меры против заговорщиков»⁴⁸.

С. Б. Веселовский писал о двусмысленности в поведении удельного князя Юрия. При этом он отмечал: «Не одной великой

⁴⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 399.

⁴⁶ Подробнее о М. Л. Глинском и И. Ю. Шигоне Поджогине см.: Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. С. 49–51; Он же. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. С. 180–206; Тихомиров М. Н. Князь Юрий Дмитровский. С. 166–167.

⁴⁷ Ф. И. Голубой Ростовский был одним из тех, кто доносил на удельного князя Андрея Старицкого – Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222; ПСРЛ. Т. 34. С. 72. В уделе Владимира Андреевича Старицкого таким доносчиком был Савлук Иванов. (ПСРЛ. Т. 29. С. 321).

⁴⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 29.

княгине Елене, а всему московскому боярству следует приписать то, что князь Юрий непосредственно после смерти великого князя был посажен в тюрьму и умер “нужной смертью”, а его удел как выморочный был присоединён к великому княжению»⁴⁹. Мнения историков, как видно, разошлись. С. М. Каштанов считает правдоподобным сообщение Никоновской летописи о попытках А. М. Шуйского возвести Юрия на престол. По мнению Каштанова, Юрий строил планы по захвату престола и очень надеялся на скорейшую смерть великого князя⁵⁰. Несколько иную позицию занимал А. А. Зимин, который считал, что «подавляющее большинство представителей боярской знати стремилось предотвратить сепаратистские тенденции, обнаруживающиеся в политике старицкого и дмитровского князей»⁵¹. Ещё С. М. Соловьев, а вслед за ним и Тихомиров обращали внимание на важный фактор, который необходимо учитывать при анализе событий «поимания» Юрия – краткость, быстрота, моментальность произошедшего⁵². Обе летописи сообщают, что арест А. М. Шуйского произошёл 11 декабря. По Вологодско-Пермской летописи, князя Юрия арестовали 12 декабря⁵³. Некоторые источники отодвигают дату ареста Юрия на 9-й и 10-й день после смерти великого князя⁵⁴. Однако вероятнее всего официальная датировка ареста дмитровского князя (11 декабря)⁵⁵.

А. М. Шуйский мог явиться в Москву сразу после смерти Василия, т.е. 4–5 декабря. О близкой кончине великого князя многие догадывались. Его болезнь, начавшаяся осенью на Волоке, уже тогда не оставляла почти никаких надежд. В. В. и И. В. Шуйские могли заблаговременно предупредить об этом своих сородичей и заранее договориться об их помиловании. Этот фактор необходимо учитывать при анализе событий⁵⁶.

Как уже указывалось, вторая опала на князей Шуйских произошла, вероятно, в марте–апреле 1533 г. Шуйские оказались в опале при Василии, а освобождены были по «печалованию»

⁴⁹ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 104.

⁵⁰ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 278.

⁵¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 227.

⁵² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 399; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 165.

⁵³ ПСРЛ. Т. 26. С. 315, 321.

⁵⁴ Там же. Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841. С. 199; Т. 22. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 г. С. 523.

⁵⁵ Два противоположных по традиции источника дают одну и ту же датировку.

⁵⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 399.

митрополита, бояр сразу же после смерти великого князя. Отъезд князей Шуйских произошёл в марте–апреле 1533 г., поэтому взятие поручной записи с князей Шуйских в 1528 г. не имеет отношения к этим событиям. Однако и здесь есть свои неувязки. Если бы отъезд князей Шуйских к Юрию состоялся в 1533 г., то в числе опальных наверняка был бы и сам Юрий. Этого, как известно, не произошло.

Не исключено также, что сам по себе отъезд не имел отношения к переходу князей Шуйских на службу к удельному князю. Как по Летописцу начала царства, так и по Воскресенской летописи, возможный отъезд А. М. Шуйского на службу к дмитровскому князю рассматривается через призму борьбы Юрия с наследником за власть и престол. Расчёт прост: бояре и дворяне великого князя переходят служить к Юрию, это подрывает силу великокняжеской власти; Юрий, став великим князем, жалует в первую очередь тех, кто перешёл к нему на службу в самом начале борьбы за власть. Именно в таком ключе Летописец передаёт речь А. М. Шуйского, обращённую к брату: «А здесе нам служить, и нам не выслужити, князь великий еще молод, а се слова носятя про князя Юрья. И только будет князь Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим»⁵⁷. В данном случае не важно, был этот разговор между братьями или нет. Для нас имеет значение другое – сознание современников, что такой вариант перехода на службу к Юрию мог быть выгодным для феодалов. Иной была политическая ситуация весной 1533 г. Никто ещё не мог знать, что осенью великий князь тяжело заболевает, а в декабре умрёт. Ничто не предвещало новой вспышки династического кризиса. Именно поэтому мне кажется сомнительным факт *реального отъезда* князей Шуйских к Юрию в 1533 г. Хотя официального запрещения переходить на службу к удельному князю не было и в докончании 1531 г. между Василием и Юрием, формально разрешался этот переход: «А бояром, и детем боярским, и слугам промеж нас вольным воля», такой отъезд был не только не выгодным для феодалов, но и опасным. Возможно, это был просто служебный визит в Дмитров, использованный врагами Шуйских для того, чтобы обвинить их в «отъезде».

Итак, возвратившись в Москву, князь А. М. Шуйский, как свидетельствует Летописец, «мало побыв», вновь решил попытать счастье – отъехать к Юрию. К А. М. Шуйскому действительно приходил

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

дьяк Третьяк Тишков⁵⁸. Можно только предполагать, о чём они говорили. Возможно, Юрий через дьяка хотел пригласить Шуйского служить у него. Правда, в этом случае Юрий слишком явно обнаружил свои намерения против наследника и правящей верхушки, так как обращался к человеку ещё недавно осуждённому за «отъезд» к нему и вернувшемуся из ссылки буквально несколько дней назад. Многолетняя борьба Юрия против Василия III, тайная и явная, надо думать, научила его осторожности. Визит Третьяка Тишкова к Андрею Шуйскому в этом смысле отличался большим риском.

Если, действительно, состоявшийся разговор Третьяка Тишкова с Андреем Шуйским касался перехода последнего на службу к Юрию, то, по крайней мере, странной покажется позиция А. М. Шуйского по Летописцу начала царства.

Только что вернувшийся из ссылки, прощённый правительством Елены, он не просто соглашается, но и активно призывает к этому своего брата Бориса Горбатого. По Воскресенской летописи А. М. Шуйский на предложение Третьяка Тишкова ответил демонстративным отказом. В рамках предполагаемого разговора версия Воскресенской летописи мне кажется более последовательной и здравой. Однако могло произойти и так, что обычной беседе, не имевшей целью (со стороны Юрия) открыто пригласить А. М. Шуйского к себе на службу, приписали в ходе расследования те мотивы, которыми оперирует Воскресенская летопись.

М. Н. Тихомиров предполагал, что «донос» на князя Юрия подал сын боярский сын Тишков. О нём известно, что в 1532 г. по приказу великого князя Василия III у «паробка» князя Юрия Афони Микитина сына Тишкова была отписана его вотчина с. Петровское в Горетовском стане Московского уезда за какое-то разбойное «дело»⁵⁹. «Человек, замешанный в разбойном деле, и стал доносчиком» – так считал М. Н. Тихомиров⁶⁰. Однако это неверно. В летописях речь идёт не о «паробке», который попал в опалу за разбойное дело, а о дьяке удельного князя Юрия. «Паробок» Афанасий Никитин Тишков был лишь однофамильцем дмитровского дьяка Ивана Третьяка Клементьева сына Тишкова.

Подытоживая сказанное об удельном князе Юрии Дмитровском, нужно ещё раз остановиться на его отношениях с Василием III. По словам А. М. Курбского, Василий III повелел «заповедающе

⁵⁸ Государственный архив России XVI столетия. Вып. 1. С. 155.

⁵⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 36; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. № 74. С. 200.

⁶⁰ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. С. 36.

жене своей и оканным советником своим, скоро по смерти своей убити его (Юрия. – А. Ю.), яко и убиен есть»⁶¹. Написать об этом прямо, разумеется, Василий III не мог. Иначе звучат слова Курбского, когда становится известным, какую роль при малолетнем наследнике играли близкие родственники умершего великого князя. Юрий был отстранён от составления завещания, а значит, и не был опекуном.

Такая акция великого князя была расценена московским боярством и опекунами великого князя как знак, разрешающий расправу над Юрием.

Удельный князь, видимо, догадывался о грозящей ему опасности. Многие его дворяне советовали ему вернуться в Дмитров: «...а здесе тебе жить, и нас слухы доходят, кое, государь, тебе быти одноконешно поиману», – говорили они⁶². Летопись изображает Юрия как человека верного и преданного великому князю. «...и мне как крестное целование преступити? – спрашивает Юрий, – готов есми по своей правде и умереть». Однако Юрию в этот момент нельзя было выезжать из Москвы: по обычаю нужно было дожидаться «сороковин», т.е. сорокового дня после смерти Василия. Отъезд Юрия из столицы рассматривался бы как враждебный акт, означал бы начало открытой борьбы, к которой он, видимо, не чувствовал себя готовым.

§ 2. Политический статус Елены Глинской

При изучении событий периода правления Елены Глинской уделялось внимание главным образом различным аспектам внутренней политики правительства: денежной реформе, имунитетной политике, строительству новых городов и крепостей и т. д.⁶³ Неисследованным, однако, оказался вопрос о политическом статусе Елены Глинской как регентши при малолетнем Иване IV.

⁶¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. Стб. 130–131.

⁶² ПСРЛ. Т. 8. С. 286.

⁶³ Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910. С. 62–67; Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1534 г. С. 547–548; Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. С. 214–354; Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской. С. 245–250; Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской. С. 66–67; Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича. С. 77–133; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 275–326; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 19–74; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 225–248; Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления

С. М. Соловьев как-то верно подметил двойственность положения матери юного великого князя, но не развил свои мысли: «Грамоты давались от имени великого князя Иоанна; при описании посольских сношений говорится, что великий князь рассуждал с боярами и решал дела; но это всё выражения форменные; после этих выражений встречаем известия, что всё правление было положено на великой княгине Елене, видим также, кто был главным её советником: желая мира, литовский гетман Радзивилл отправлял послов к боярину конюшему, князю Овчине-Оболенскому»⁶⁴.

В литературе не обращалось внимание на то, какой формулой обозначался политический статус Елены Глинской и в каких источниках он отразился. Правильно заметил С. М. Соловьев, что в «грамотах» упоминается только Иван, а при «описании посольских сношений говорится, что великий князь рассуждал с боярами и решал дела». Формула регентства, выражавшая политический статус Елены Глинской, имела ограниченное распространение в источниках. Она присутствует в летописях и некоторых документах официального и полуофициального характера, отсутствует же в публично-правовых актах и документах, связанных с внешней политикой государства. Происхождение этой формулы, её тенденция, связь с конкретной политической борьбой – вот те вопросы, которые пытается решить автор в настоящей главе.

В последнее время повысился интерес к терминологическим исследованиям и, в частности, к изучению титулатуры. В ряде работ советских и зарубежных исследователей⁶⁵ под различными углами зрения изучается великокняжеская титулатура, её связь с конкретными внутривнутриполитическими и международными обстоятельствами. Так, А. Л. Хорошкевич в статьях, посвящённых истории великокняжеской титулатуры в XIV–XV вв., показала связь изменений в титуле удельных и великих князей с процессом объединения и начавшейся централизации Русского государства⁶⁶.

Русского государства первой половины XVI века; *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 101–131; *Rüß H.* Elena Vasil'evna Glinkskaja. S. 482–498; *Donnert E.* Iwan Grosny «der Schreckliche». S. 61–69; и др.

⁶⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. С. 421.

⁶⁵ *Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger. S. 223–259.

⁶⁶ *Хорошкевич А. Л.* Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV – начале XV вв. (на примере Московского княжества и Русского государства) // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. М., 1980. С. 26–30; *Она же.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XVI века // ИСССР. 1974. № 5. С. 129–139; *Она же.* К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV – начале XV века // ВИ. 1980. № 6. С. 170–174;

С. М. Каштанов, изучая иммунитетную политику конца XV в., отдельно выделял «вопрос о политическом статусе наследников Ивана III», исследуя же внутреннюю политику Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича, он специально останавливался на особенностях титулатуры Ивана IV⁶⁷. Х. Ловмянский попытался определить место и время присвоения титула «всея Руси» русскими князьями⁶⁸. В. А. Кучкин обратился к истории великокняжеского титула в конце XV в. в связи с передатировкой написания Буслаевской псалтири⁶⁹. Я. С. Лурье проанализировал великокняжеский титул в начале феодальной войны XV в.⁷⁰ Бегло этой теме касались А. А. Зимин и Л. В. Черепнин⁷¹. С обобщающей статьёй по истории владельческого титула московских великих князей с середины XV до первой четверти XVI века выступила недавно болгарская исследовательница И. Й. Илиева⁷².

В русском летописании неоднозначно оценивался политический статус Елены Глинской в 1533 г. В Новгородской IV летописи (далее – НIV) содержатся два разных рассказа о последних распоряжениях Василия III. В тексте «Сказания о великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, како ездил во свою отчину на Волок на Ламьской на осень тешится, и как болезнь ему тамо сталася...» сообщается, что братья умершего великого князя, Юрий и Андрей, княжата, бояре и дети боярские целовали крест «князю Ивану Васильевичу всеа Руси и его матере великой княгине Елене»⁷³. По мнению А. А. Шахматова, этот рассказ является вставкой мо-

Она же. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Она же.* Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 405–422.

⁶⁷ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 21–70; *Он же.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 427–437.

⁶⁸ Ловмянский Х. Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 269–275.

⁶⁹ Кучкин В. А. О времени написания Буслаевской псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 218–225.

⁷⁰ Лурье Я. С. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. С. 147–152.

⁷¹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 140–141; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... С. 855–874.

⁷² Илиева И. Й. Владельческий титул Московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI века) // Bulgarian Historical Review. 1984. № 2. Р. 75–87.

⁷³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 563.

сковского происхождения⁷⁴. Между тем в этой летописи о последних распоряжениях Василия III есть сообщение и новгородского происхождения: «А благословил на великое княжение сына своего государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, яко трилетна сущи: и целоваху ему животворяще крест вси князи и бояре, сановницы, и вси крестияне, по всем градом вотчины его государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси. Княжение великого князя Ивана Васильевича всеа Руси»⁷⁵. Здесь уже ни слова не говорится о матери Ивана IV.

По Воскресенской летописи (редакция 1542–1544 гг.; далее – ВЛ), Василий III благославляет своего сына Ивана, вручает ему «скипетр великия Руси...», хотя и добавляет, что «Елене приказывает под своим сыном государство держати до возмужания сына своего»⁷⁶. В Летописце же начала царства (создан около 1553–1555 гг.; далее – ЛНЦ) смысл распоряжений несколько иной: Елена Глинская наследует не только «престол», но и «скипетр великия Руси», с прежней оговоркой – «до возмужания сына»⁷⁷.

Первые сообщения НIV (после известия о смерти Василия III) излагаются ещё в традиционной манере: «Того же лета изымал князь велики Иван Васильевич всеа Руси князя Юрия Ивановича...», «Того же лета повеле государь князь Иван Васильевич всеа Руси заложити каменную стену вкруг своего града Китая...»⁷⁸. Формула регентства фактически начинается с известия, что в «осенинах» 7043 г. (осенью 1534 г. – А. Ю.) «государь князь велики Иван Васильевич всеа Руси и мати его благочестивая Елена прислали к своему богомольцу архиепископу Великово Новагорода и Пскова владыке Макарию...»⁷⁹.

Также не сразу новая формула возникает и в другом неофициальном источнике – Вологодско-Пермской летописи (далее – ВПЛ). Лишь в рассказе о «поимании» Андрея Старицкого (1537 г.), в котором, кстати сказать, вся вина за случившуюся «замятню» возлагается на Елену, появляется новая формула: «...и крест князю

⁷⁴ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 58.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 565. По обоснованной гипотезе А. А. Шахматова, Новгородская IV летопись, содержащая известия с 1480 по 1539 г., была положена в основу недошедшего летописного свода редакции 1542–1544 гг., доведённого в изложении до 1539 г. – Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 168.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

⁷⁷ Там же. Т. 29. С. 9–10. О политической тенденции этого памятника см.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 30.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 566–567.

⁷⁹ Там же. С. 566–567. С. 568.

Ондрею князь Никита и князь Иван Оболенский целовали на том, что его государю великому князю Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене пожаловати и вотчины ему придати, и не двинути его ничем»⁸⁰.

В официальной ВЛ, составленной по предположению С. А. Левиной в годы правления князей Шуйских⁸¹, формула регентства, в соответствии с сообщением этого источника о последних распоряжениях Василия III, появляется буквально с первого известия о действиях новой высшей власти. Причём в этой летописи формула принимает уже несколько иной вид: «Повелением великого князя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены»⁸². В отличие от неофициальных НІV и ВПЛ здесь наблюдается большее «равенство» в личных титулах: Иван не назван «государем». В сокращённой же формуле иногда исчезала обычная концовка титула Ивана IV «вся Руси»: «...князь же великий и мати его великая княгиня Елена...»⁸³

Отмеченные особенности формулы регентства как в НІV, ВПЛ, так и в ВЛ следует отнести отчасти за счёт специфики самих летописных источников. Механизм образования рассматриваемой формулы сводился, видимо, к следующему. К прежней традиционной титулатуре, обозначавшей великокняжескую власть (в НІV – «государь князь велики... вся Руси»; в ВЛ – «князь велики... вся Руси»), прибавлялось «и мати его великая княгиня Елена». Однако всё обстоит не так просто, как может показаться на первый взгляд. В ЛНЦ формула регентства приобретает, в сравнении с упомянутыми источниками, новые черты. В этой летописи Елена Глинская официально названа «государыней»: «Великий государь Иван Васильевич и великая государыня мати его Елена...». Согласно ЛНЦ имеем дело в результате с двумя «государями», что хотя резко нарушает традицию, но всё же отвечает концепции этого источника о политическом статусе Елены Глинской⁸⁴. В ЛНЦ, как и в ВЛ, прослеживается стремление редактора как бы уравнивать личные титулы Ивана IV и Елены Глинской, особенно это касается

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 323; *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской... С. 168; *Он же.* О Вологодско-Пермской летописи. С. 155.

⁸¹ *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. С. 375–379; *Она же.* К изучению Воскресенской летописи. С. 689–705; *Она же.* Воскресенская летопись XVI в. С. 402–407; *Она же.* Списки Воскресенской летописи. С. 38–58.

⁸² ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

⁸³ Там же. С. 288.

⁸⁴ Там же. Т. 29. С. 9.

сокращённой формулы, в которой не упоминается обязательная часть для полного титула – «всёя Руси»: «И князь великий Иван Васильевич и великая княгиня Елена»; «Великий государь Иван Васильевич и великая государыни мати его Елена...». Ведь полное равенство могло быть в том случае, если бы часть «всёя Руси» стояла после титула Елены Глинской, как это было во время регентства Софьи Алексеевны в конце XVII в.⁸⁵

В связи с этим представляет интерес, как в миниатюрах Лицевого свода⁸⁶ (Синодальном томе и Царственной книге) изображалось правление Елены Глинской. Верно отметил В. В. Морозов, что «художники Лицевого свода стремились дать миниатюру, полностью адекватную тексту, т.е. полностью, буквально до слова ему соответствующую»⁸⁷. В тексте летописей, послуживших источником для Никоновского летописного свода и Царственной книги (кстати, ЛНЦ был одним из источников Царственной книги⁸⁸), не было указаний, как и какие рисовать уборы на головах Елены Глинской и Ивана IV. Поэтому в зависимости от того, какие уборы, обозначавшие символы власти, изображал художник на их головах, можно говорить о тенденциях, господствовавших в момент оформления Лицевого свода⁸⁹.

В Синодальном томе Лицевого свода наблюдается вполне определенная тенденция в изображении этих символов власти⁹⁰: Иван IV предстаёт в княжеской шапке (очень редко в короне), Елена – только в убрусе⁹¹. Картина меняется в царственной книге: здесь уже нет той законченности, как в Синодальном томе ЛС. Более того, по-разному, и кажется, без всякой закономерности миниатюристы изображают головные уборы Ивана IV и Елены

⁸⁵ «Божею милостью мы великие государи, цари и великие князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна Софья Алексиевна, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы...» (Лакиер А. Б. История Титула Государей России // ЖМНП. 1847. Т. 56. Сент.–нояб. С. 131).

⁸⁶ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. С. 204–211.

⁸⁷ Морозов В. В. Иван Грозный на миниатюрах Царственной книги. С. 233; об этом же см. также: Арциховский А. Е. Древнерусские миниатюры как исторический источник; Шмидт С. О. В. И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII вв. С. 42–66.

⁸⁸ Морозов В. В. Об источниках царственной книги. С. 75.

⁸⁹ Спорным является вопрос о времени происхождения Лицевого свода. Подробно о различных точках зрения см.: Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения лицевого свода Ивана Грозного. С. 6–36.

⁹⁰ ГИМ. Син. № 962. Л. 10 об., 15, 16, 20 об., 21–24, 25 об., 26–32 об., 36, 36 об., 37, 27 об., 40, 40 об., 41–43 об.

⁹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 459.

Глинской. Чаще всего они в коронах⁹², гораздо реже – Иван в княжеской шапке, а Елена в убрусе⁹³. В Царственной книге (в отличие от Синодального тома) ощущается резкое изменение политического статуса Елены. В этом незавершённом варианте официальной лицевой летописи упомянутые изменения не были унифицированы. С чем связаны эти новшества Царственной книги? Однозначно ответить невозможно. Не исключено, что инициатива пересмотра задним числом политического статуса Елены Глинской исходила от самого Ивана Грозного. В первом послании Андрею Курбскому он назвал Елену «благочестивой царицей»: «Тако не изволися судьбами божиими быти, родительнице благочестивой царице Елене преити от земного царствования на небесное...»⁹⁴ И в другом месте: «...такое же и дед твой, Михайло Тучков, на представление матери нашея, великие царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече...»⁹⁵ Этому представлению Ивана Грозного о своей матери больше подходило изображение её в короне, чем в убрусе.

Итак, летописные источники противоречиво оценивают политический статус Елены Глинской. Это – косвенно указывает на то, что формула регентства возникала постепенно. Прежде чем перейти к изучению начальной фазы её образования, сделаем несколько предварительных замечаний.

По мере удаления от описываемых событий в официальных летописях усиливается тенденция возвеличивания Елены. В ЛНЦ – она уже наравне с Иваном IV – «государыня». Значит ли это, что летописный источник «задним числом» проставлял не существовавшую в реальности форму регентства?

Обратимся к синхронным источникам. В челобитной Андрея Михайловича Шуйского, обращённой к новгородскому архиепископу Макарию, читаем: «Государь архиепископ Макарие! Пошли мне свою милость, правословному *государю великому князю Ивану Васильевичу и его матери, государыне великой княгине к Елене*, печалуйся чтобы *государя* милость показали, велели на поруку дати»⁹⁶. В посольских делах отложилась переписка между

⁹² ГИМ. Син. № 149. Л. 18, 18 об., 24, 24 об., 27, 29, 29 об., 32, 36, 38 об., 47, 48 об., 49, 64 об., 65, 73 об., 75 об., 76 об., 79, 80 об., 86 об., 89, 97, 97 об., 98, 101, 104, 106, 107, 118 об., 120, 122, 124, 125, 125 об., 127, 127 об., 128–130, 136, 143–168.

⁹³ ГИМ. Син. № 149. Л. 28 об., 31, 41 об., 43, 43 об., 45 об., 46 об.

⁹⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 27.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ДАИ. Т. I. № 27. С. 27; А. М. Шуйский попал в опалу в декабре 1533 г. по делу Юрия Дмитровского.

попавшим в литовский плен (в августе 1535) наместника Стародуба – Ф. В. Оболенским и его всемогущим двоюродным братом И. Ф. Овчиной Оболенским⁹⁷. 22 сентября 1535 г. из Великого княжества Литовского в Москву прибыл слуга Ф. В. Оболенского с «грамотою», в которой пленник просил позаботиться о его семье. И. Ф. Овчина отвечал: «Да писал еси, господине, к нам, чтоб нам бити челом государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и матери его государыне великой княгине Елене, чтоб государь князь великий и государыня великая княгиня Елена пожаловали, семью твою и сына твоего велели побережи...»⁹⁸ В 1536 г. тот же слуга по поручению своего патрона писал его сыну Дмитрию Фёдоровичу: «И отец твой, государь мой, князь Федор Васильевич мне приказывал, чтоб яз к тебе писал, чтобы ты государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси бояром и дьяком бил челом, чтобы государя великого князя бояре и дьяки сами отца твоего жаловали, а *государю великому князю Ивану Васильевичу и матери его, государыни великой княгини Олене печаловались, чтоб государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси и мати его государыня великая княгиня Олена* отца твоего у короля... в полону не уморили»⁹⁹.

Итак, в полуофициальной переписке того времени употреблялась официальная формула, близкая к той, которую находим в ЛНЦ. Отсюда следует, что сама формула не была фикцией, выдумкой летописца; она реально существовала, хотя имела свои ограничения. Общая тенденция в распространении формулы регентства, как уже упоминалось, состояла в том, что она относилась только к внутрисполитическим делам государства; во внешней же политике России Иван IV, несмотря на малолетство, оставался (с формальной стороны) единственным, полновластным государем. Упомянутое письмо И. Ф. Овчины, находящееся в посольской книге, соседствует там с утверждением, рассчитанным уже на иностранные государства: «А как великого князя Василия Ивановича всеа Руси в животе не стало, а учинился на государстве государем сын его князь великий Иван...»¹⁰⁰

Необходимо выяснить, образовалась формула регентства сразу после смерти Василия III или она возникла в результате политической борьбы. Уже указывалось, что в неофициальной НIV летописи не сразу после сообщения о смерти великого князя

⁹⁷ ПДС. Т. II. С. 14–15, 27–29.

⁹⁸ Там же. С. 15.

⁹⁹ АЗР. Т. II. № 188. С. 340.

¹⁰⁰ ПДС. Т. II. С. 7.

появляется новая формула. Сопоставим известия, содержащие упоминания о формальной процедуре принятия правительственных решений: до возникновения формулы регентства и после.

Май 1534 г.	Осень 1534 г.	Июнь 1435 г.
Того же лета на весне государь князь велики Иван Васильевич всея Руси в первое лето государства своего, по представлении отца своего, великого князя Василия Ивановича, <i>помысли с своею материю великою княгиню Еленю и с митрополитом Даниилом и своими доброты князи и бояры, повеле у себе на Москве поставити град деревья по посадке...</i>	...государь князь велики Иван Васильевич всея Руси <i>и матери его благочестивая Елена прислали к своему богомольцу архиепископу... Макарию...</i>	И государь князь велики Иван Васильевич <i>и матери его благочестивая великая княгиня Елена, помысля с своими бояры, повелеша...</i>
С. 566	С. 568	С. 571

Из этого сравнения видно, что между весной и осенью 1534 г. произошёл *коренной перелом* в обозначении политического статуса Елены: из числа подданных, с кем «государь и великий князь» Иван IV «помысли» в мае 1534 г., Елена Глинская к осени того же года превратилась в ту единственную, которая на равных с государем могла не только советоваться со «своими бояры», но и повелевать ими. Конечно, это не значит, что подобная метаморфоза произошла в реальности. Скорее это свидетельство возросшей политической активности правительницы, желавшей, видимо, «узаконить» свою, действительно большую власть, иначе говоря институционализировать фактическое положение.

Подобное явление можно проследить и по ЛНЦ. В этом источнике традиционная формула великокняжеской власти была подчинена уже упомянутому правилу: она употреблялась в тех случаях, когда речь шла о внешнеполитических аспектах политики России. При этом в тексте ЛНЦ есть два весьма симптоматичных исключения из только что приведённого правила, на которых необходимо остановиться.

Первое сообщение ЛНЦ внешнеполитического характера относится к декабрю 1533 г. «О послах крымских. Той же осени князь велики Иван Васильевич всеа Руси посоветова с материю своею с велики княгиней Еленой и з бояры, Саип-Гиреевых

царевых и Ислам Гиреевых люди к их государством отпустил»¹⁰¹. Итак, здесь Елена – только первая из советчиков государя. Иначе предстаёт она в сообщении ЛНЦ от 27 августа 1534 г.: «...приидоша к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и послы нагаиские... И князь великий и его мати нагаиских послов *пожаловали*, гостем их велел торговати...»¹⁰² В другом известии сообщается, что 28 ноября 1536 г. из Казани в Москву «...к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и к его матери к великой княгине Елене» приехал Данилко Смагин, который привез «от царя и от князей казанских грамоты»¹⁰³.

Вряд ли случайно, что формула, переводящая мать великого князя из числа его советников в ранг соправительницы, возникает в ЛНЦ именно в конце августа 1534 г., а не раньше, являя собой яркую противоположность тому, что сообщала та летопись в декабре 1533 г.

О том, что формула регентства возникла не сразу после смерти Василия III, свидетельствуют не только летописи, но и некоторые документы. Проанализируем две челобитные. Одна была написана Иваном Ягановым (бывшим платным осведомителем Василия III) в промежутке времени между декабрем 1533 г.¹⁰⁴ и августом 1534 г. Основания для подобной датировки следующие: в челобитной Ивана Яганова, посаженного в тюрьму при Елене Глинской за очередной донос, упоминается М. Л. Глинский, арестованный 19 августа 1534 г. В самой же челобитной Иван Яганов обращается только к Ивану IV: «Бьет челом государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси Иванец Еганов... а ведома, государь, моа служба Михаилу Лвовичу да Ивану Юрьевичу Поджогину... И буду, государь, виноват про то, чтоб тебе государю служу и земле твоей добра хочу и ты, государь, вели нас всех казнити...» и т.д. И лишь в конце челобитной он упоминает Елену Глинскую, но это упоминание – ещё не формула регентства: «Яз, государь, тебя государя и твою мать благоверную великую княгиню Елену, от николких смертоносных пакостей избавлял: яз же нынеча в тебе кончаю нужную мукою живот свой»¹⁰⁵.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

¹⁰² Там же. С. 13.

¹⁰³ Там же. С. 23.

¹⁰⁴ Василий III умер в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г.

¹⁰⁵ На обороте грамоты было написано: «Ивана Яганова запись, да жалобница, великой княгине чтена» (АИ. Т. I. № 136. С. 197–198).

Другую челобитную, написанную Андреем Михайловичем Шуйским, в отличие от первой, трудно датировать даже сколько-нибудь приблизительно. А. М. Шуйский оказался в опале по делу удельного князя Юрия Ивановича. В своей челобитной он обращается к посреднику – архиепископу Макарию, употребляя при этом уже сложившуюся формулу регентства: «Государь архиепископ Макарие! Пошли мне свою милость, православному государю и великому князю Ивану Васильевичу и его матере, государыне великой княгине Елене, печалуйся, чтобы государи милость показали, велели на поруку дати»¹⁰⁶. Из сравнения двух челобитных видно, что писались они в разное время – их отделяет *момент* возникновения самой формулы регентства.

Итак, анализ документов и летописных известий показывает, что момент возникновения формулы регентства, по всей вероятности, относится к августу 1534 г., когда противостояние внутри правящей верхушки закончилось победой группировки, которую возглавляла Елена Глинская.

Поводом к событиям августа 1534 г. явилось бегство из Серпухова за рубеж русских воевод – Семена Федоровича Бельского и Ивана Васильевича Ляцкого¹⁰⁷. В Великом княжестве Литовском беглецов радушно встретил Сигизмунд, который, судя по его письму к гетману Радзивиллу от 16 августа 1534 г., сам был несколько удивлён этой новостью. Не теряя чувства юмора, он писал гетману: «Мы слышаючи таковую ласку милостивого бога, иж тыи неприятели наши сами в руки наши прибегают, тому есми велико вдячны»¹⁰⁸. Вероятно, и для русского правительства эта новость была неожиданной, но она не могла не встревожить. Ведь

¹⁰⁶ ДАИ. Т. I. № 27. С. 27.

¹⁰⁷ В официальном летописании нет точной даты бегства воевод, говорится в общей форме – «августа» (ПСРЛ. Т. 13. С. 79). По Постниковскому летописцу, бегство произошло 3 августа: «Августа 3 день отъехал в Литву князь Семен Федорович Бельский да Иван Ляцкий из Серпухова. Много учинили пакости земли Московской. Иван Ляцкий оставя на Москве мать и жену и дочь девицею» (ПСРЛ. Т. 34. С. 24). По сведениям московских перебежчиков, о бегстве воевод в Пскове стало известно 10 августа (АЗР. Т. II. № 179. С. 332).

¹⁰⁸ АЗР. Т. II. № 180. С. 333. Впоследствии С. Ф. Бельский стал одним из организаторов целого ряда походов на Русское государство, претендуя ни много ни мало на «земли Рязанское, дедизны свое» (АЗР. Т. II. № 189. С. 341). С. Ф. Бельский, в частности, был инициатором известного похода на Русь Саиб-Гирея в 1541 г. (АЗР. Т. II. № 206. С. 372; № 213. С. 378; № 217. С. 381–382; № 218. С. 383). Правительство Елены Глинской в 1537 г. пыталось вести переговоры с С. Ф. Бельским о его возвращении на родину. В крымских делах (ЦГАДА) отложилась опасная грамота, отправленная в Крым в апреле 1537 г. на имя С. Ф. Бельского (ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Д. 8. Л. 330–331).

если верить сообщению Вологодско-Пермской летописи, воеводы бежали не одни: «С ними многие дети боярские, великого князя дворяне»¹⁰⁹. Приехавшие в Полоцк из Пскова «три москвитина» сообщили полоцкому воеводе Яну Глебовичу о том, что если, «его милость князя Семена Бельского а Ивана Лядцкого добре пожалует, иж дей там на Москве як тое послышат, многие князи и дети боярские великие хотят ехати до короля»¹¹⁰.

В Москве последовали опалы. Официальная Воскресенская летопись сообщает, что «советников» бежавших воевод – И. Ф. Бельского и И. М. Воротынского «з детми» по повелению великого князя и его матери Елены Глинской – «оковав, за прыставы» посадили¹¹¹. Был арестован Б. Я. Трубецкой¹¹². Русские перебежчики так объясняли эти акции: «А имали их для того, иж их обмовлено, иж бы мели до Литвы ехати»¹¹³. Поручные записи были взяты с Д. Ф. Бельского – «и кони у него отняты и статок переписан»¹¹⁴. Временно отстранёнными от дел, связанными с русско-литовскими дипломатическими отношениями, оказались М. Ю. Захарьин и дьяк Меньшой Путятин¹¹⁵. Но, пожалуй, главная акция правящей группировки была осуществлена 19 августа: в этот день был арестован и брошен в тюрьму опекун малолетнего Ивана IV – М. Л. Глинский. По Воскресенской летописи, его обвинили в том, что он «дал великому князю Василью зелье пить в его болезни...»¹¹⁶. Впоследствии эта версия видоизменялась. Согласно ЛНЦ, М. Л. Глинский упомянут в числе опальных по делу о бегстве воевод¹¹⁷. По сообщению же Царственной книги, он вместе с М. С. Воронцовым «захотел дръжати великое государство Российского царства»¹¹⁸.

Таким образом, источники весьма противоречиво освещают события августа 1534 г. Это в свою очередь определило и различные мнения историков. Основываясь на «расспросных речах» Войтеха¹¹⁹, польского жолнера, бежавшего из московского плена 2 июля 1534 г., И. И. Смирнов (нисколько не сомневаясь

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 321.

¹¹⁰ АЗР. Т. II. № 179. С. 333.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

¹¹² АЗР. Т. II. № 179. С. 333.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

¹¹⁷ Там же. Т. 29. С. 13.

¹¹⁸ Там же. Т. 8. С. 420; Морозов В. В. Об источниках царственной книги. С. 75–87.

¹¹⁹ АЗР. Т. II. № 179. С. 333.

в достоверности информации этого источника) считал, что происшедшие опалы были связаны с раскрытием «заговора» Михаила Львовича Глинского¹²⁰. В целом же политическое положение в Москве до августа 1534 г. он рассматривал как противостояние трёх основных группировок: «бояр-правителей, Глинского и Овчины Оболенского», хотя и признавал, что «политическую ситуацию в Москве определяли не только эти группировки»¹²¹. Нелогичной выглядит позиция И. И. Смирнова в отношении Елены Глинской. Утверждая, что Елена была полновластной правительницей, он в то же время считал, что её фаворит И. Ф. Овчина Оболенский был лишён власти, хотя и рвался во временщики. Выходит, что назначенный Василием III, по определению Смирнова, «совет регентства» не только не допускал к руководству И. Ф. Овчину, но и ограничивал власть самой Елены Глинской.

А. А. Зимин полагал, что события августа 1534 г. были обусловлены расколом в Боярской думе. Поводом же послужило бегство воевод. А. А. Зимин справедливо сомневался в правильности концепции И. И. Смирнова о «заговоре» М. Л. Глинского¹²², считая, что он некритически воспринял сведения Царственной книги, тенденциозность приписок которой была доказана Д. Н. Альшицем. Предлагая свое объяснение этого эпизода политической борьбы, он писал: «В составе правительства Елены Глинской шла напряженная борьба между различными группировками. Сторонниками сохранения политического курса на укрепление государственного аппарата выступали и М. Л. Глинский, и Бельские, и М. Ю. Захарьин, и дьяк Меньшой Путятин. Во внешней политике группировка княжат, выходцев из западных и юго-западных земель Русского государства, отстаивала необходимость мирных отношений с Польшей и Литвою... Этой группировке противостояла партия Шуйских, сторонница войны с Литвою, активная защитница боярских прав и привилегий... Шуйские воспользовались этим случаем также и для того, чтобы бросить в опалу одного из регентов — князя М. Глинского, наиболее мешавшего их планам»¹²³.

А. А. Зимин, как и И. И. Смирнов, недооценивал роли великой княгини¹²⁴: вся политическая борьба шла как бы в стороне от неё —

¹²⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 33–44.

¹²¹ Там же. С. 38.

¹²² Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 231.

¹²³ Там же. С. 231–232.

¹²⁴ А. А. Зимин сомневался в том, что Елена была опекушкой Ивана IV. См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 395.

и даже арест М. Л. Глинского не связывался прямо с действием Елены. Между тем её политическая активность прослеживается буквально с первых дней после смерти Василия III. В тексте «Сказания о великом князе Василье Ивановиче всеа Руси...», находящемся в составе Новгородской IV летописи¹²⁵, среди тех, кто сопровождал Елену Глинскую при похоронах великого князя, упоминается И. Ф. Овчина, известный затем фаворит правительницы. При дальнейшей переработке текста Сказания в Софийской II летописи упоминание его имени было снято¹²⁶. В литературе считается, что И. Ф. Овчина получил боярство в январе 1534 г.¹²⁷ Но стал он боярином, видимо, раньше – в декабре 1533 г., ибо, как свидетельствует уже упомянутое Сказание, И. Ф. Овчина сопровождал Елену на похоронах Василия III в числе «бояр»¹²⁸. В июле 1534 г. боярство получил муж сестры Елены Глинской – И. Д. Пенков¹²⁹.

Чтобы оценивать фактическую роль Елены в событиях августа 1534 г., необходимо проанализировать состав боярской думы в этот момент. К августу 1534 г. дума состояла из 14 человек¹³⁰ (кн. И. Ф. Овчина, кн. В. В. Шуйский, И. В. Шуйский, кн. Д. Ф. Бельский, кн. И. Ф. Бельский, М. С. Воронцов, кн. А. А. Хохолков-Ростовский, кн. И. В. Горбатый, кн. Б. И. Горбатый, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин, кн. И. Д. Пенков, В. Г. Морозов, И. Г. Морозов). В июле-августе больше половины из них отсутствовали в Москве. И. Ф. Овчина, М. В. Горбатый, Д. Ф. Бельский, И. Ф. Бельский, И. Д. Пенков в июле упоминаются в разрядных книгах воеводами различных полков, стоящих в Коломне¹³¹, М. С. Воронцов и Б. И. Горбатый –

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 564; Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи. С. 61.

¹²⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 390; ПСРЛ. Т. 6. С. 276. Об И. Ф. Овчине подробнее см.: Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 54; Он же. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы... С. 213; Кобрин В. Б. Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV–XVI веков: диссертация на соиск. ученой степени д-ра ист. наук. М., 1982 (машинопись). С. 490.

¹²⁷ Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 54.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 564.

¹²⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 229; биографию И. Д. Пенкова см.: Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 292–295.

¹³⁰ Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 52–54.

¹³¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 83–85.

наместники в Новгороде¹³², А. А. Хохолков-Ростовский, И. Г. Морозов в июле упоминаются в Боровске¹³³. Из троих окольничих (Я. Г. Морозов, И. В. Ляцкий, Ф. И. Карпов) двое, Морозов и Ляцкий, также отсутствовали в Москве¹³⁴. И. В. Шуйский в 1534 г. – наместник на Двине¹³⁵.

Итак, к августу 1534 г. в столице находились: В. В. Шуйский, И. Г. Морозов, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин. Был в Москве и «прямой слуга», опекун Ивана IV – М. Л. Глинский. Этот расклад политических сил в Боярской думе показывает нам, что ни Шуйские¹³⁶ (в думе этот клан представлял один В. В. Шуйский), ни тем более И. Ф. Овчина¹³⁷ (находившийся в Коломне) не могли быть непосредственными организаторами расправы с М. Л. Глинским. Все нити заговора против М. Л. Глинского вели в покои его правящей племянницы. Именно она более, чем кто-либо, заинтересована была в падении своего дяди.

Источниковедческое изучение летописных известий о недошедшем завещании Василия III¹³⁸, а также установление путём дипломатического анализа духовных грамот великих князей традиции оформления подобных документов позволило автору этих строк прийти к выводу, что по социальному статусу бояре не могли быть опекунами малолетнего великого князя. В великокняжеских завещаниях они всегда выступали в роли свидетелей. Душеприказчиками могли быть только ближайшие родственники великого князя, социальный статус которых был всегда выше статуса боярина (служебный или удельный князь). Исключение составляли митрополиты. Перед своей смертью Василий III назначил душеприказчиками Елену Глинскую, митрополита Даниила, М. Л. Глинского, Андрея Старицкого. Юрий Дмитровский, по своей видимости, не был упомянут в духовной в числе тех, кому великий князь «приказывал» Ивана IV. Разумеется, митрополит не был соперником Елене, Андрей Иванович постоянно находился в Старице. Только

¹³² Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 231; Он же. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. С. 35.

¹³³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 84.

¹³⁴ Там же. С. 84–85.

¹³⁵ Зимин А. А. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. С. 30; Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 9.

¹³⁶ Ср.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 232.

¹³⁷ Ср.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 39–40.

¹³⁸ Статья «Завещание Василия III и дипломатика великокняжеских духовных грамот» принята к печати в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины».

Глинский, благодаря своему родству с новым великим князем, былой славе, уму и таланту государственного деятеля мог претендовать (имея для этого все основания) на роль главного выразителя интересов Ивана IV. Не случайно имперский посол С. Герберштейн, рассказывая о событиях женитьбы Василия III на Елене Глинской в 1526 г., писал: «Дети государевы в таком случае (женитьба Василия III. – А. Ю.) имели бы, в качестве дяди, Михаила Глинского, мужа выдающейся опытности в редкой доблести. Именно, у государя были ещё живы два родных брата Георгий и Андрей, и поэтому он полагал, что если у него родятся от какой-либо супруги дети, то они при жизни его братьев не будут безопасно править государством. Вместе с тем, он не сомневался, что если он вернёт свою милость Михаилу и дарует ему свободу, то родившиеся от Елены дети его, под охраною дяди будут жить гораздо спокойнее...»¹³⁹ Насколько верна эта характеристика потенциальных возможностей М. Л. Глинского, настолько же трудно согласиться с мнением имперского посла, что Михаил Львович поссорился со своей племянницей из-за недостойного её поведения: «Но впоследствии, видя, что сразу по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином, по прозвищу Овчиной, заключила в оковы братьев мужа, свирепо поступает с ними и вообще правит слишком жестоко, Михаил, исключительно по чувству родственной любви и долга чести, неоднократно наставлял её жить честнее, целомудреннее, но она отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала придумывать, каким бы образом погубить его. Предлог был найден: как говорят, Михаил через немного времени был обвинен в измене, снова свергнут в темницу и в конце концов погиб жалкою смертью»¹⁴⁰.

Трудно представить, что поведение племянницы побудило в её дяде (известном в Европе своим авантюризмом) целомудрие и благонравие. Правда, Герберштейн неакцентированно намекает и на другое: из его слов можно уловить и те нотки, которые вернее, точнее определяют отношения двух опекунов: «Заключила в оковы братьев мужа, свирепо поступает с ними, и вообще правит слишком жестоко...»¹⁴¹ Реальное возвышение Елены неизбежно снижало влияние М. Л. Глинского. И он, конечно, как мог противился тому, что немного позднее А. М. Курбский

¹³⁹ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. С. 39.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. С. 39.

окрестит как «беззаконие»: «Князя Михаила Глинского, славного рыцаря, егоже погубила неповинне мати его, сущаго стрыя своего, обличающе ее за беззаконие»¹⁴².

Елена не желала уступать дяде пальму первенства. Рождение формулы регентства сразу после августовских событий 1534 г. вполне объяснимо: падение М. Л. Глинского открыло Елене путь к полновластию.

Августовские опалы имели важные последствия. Резко усилилась личная власть правительницы. И. Ф. Овчина, будучи главным проводником политики правительства, сместил Д. Ф. Бельского с важнейшего государственного поста – в руководстве русско-литовскими дипломатическими отношениями¹⁴³. Опалы на неугодных правительству бояр и княжат укрепили правящее ядро.

Возвращаясь к вопросу о начальной фазе образования формулы регентства, хотелось бы в осторожной форме высказать следующее предположение. Изучаемая формула, по существу, не имеет прецедента: во время регентства Софьи Витовтовны такой формулы не было создано. Но отразилась ли в каких-нибудь летописях деятельность Регентского совета, реально существовавшего в малолетство великого князя Василия Васильевича? В сообщении об отправке в 1425 г. митрополита Фотия к мятежному Юрию Галицкому для заключения перемирия говорится: «Князь же велики со отцом своим Фотием митрополитом и с материю своею великою княгинею Софьею, и з дядями своими, князем Андреем, и Петром и Константином Дмитриевичи, обосла же ся тогда и з братом своим и дедом великим князем литовским Витофтом, и со всеми князи и бояры, здумаша послати ко князю Юрию отца своего митрополита Фотея...»¹⁴⁴ Состав Регентского совета менялся в трёх духовных Василия Дмитриевича. В первой¹⁴⁵ это – Владимир Андреевич, Андрей Дмитриевич, Петр Дмитриевич; во второй¹⁴⁶ – Витовт, Андрей Дмитриевич, Петр Дмитриевич, Константин Дмитриевич, Семен

¹⁴² Сочинения князя Курбского. Т. I. Стб. 285.

¹⁴³ АЗР. Т. II. № 175.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 183; см. также: Т. 28. С. 96; Т. 25. С. 246; Т. 27. С. 100; Т. 12. С. 2.

¹⁴⁵ ДДГ. № 20. С. 57; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 86.

¹⁴⁶ ДДГ. № 21. С. 59; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 88.

Владимирович, Ярослав Владимирович; в третьей¹⁴⁷ – Витовт, Андрей Дмитриевич, Петр Дмитриевич, Семен Владимирович, Ярослав Владимирович. В приведённом выше летописном отрывке упомянут Регентский совет при малолетнем Василии Васильевиче, хотя и неполный. Отсутствуют Семен Владимирович и Ярослав Владимирович, дети Владимира Андреевича¹⁴⁸. В третьей духовной Василия Дмитриевича, нет Константина Дмитриевича, в летописном тексте последний перечислен как опекун¹⁴⁹.

Это летописное известие о первой акции нового правительства при малолетнем Василии II можно сравнить с уже цитированным подобным сообщением в НІV, относящимся к 1534 г., где Иван IV «помыслили с своею матерію», а также с митрополитом и боярами.

Перечисление «советчиков» малолетнего Ивана IV сближает это сообщение с подобными, относящимися к 1425 г. Не исключено, что существовала некая традиция (в случае малолетства великого князя) упоминать в летописях советниками той или иной акции опекунов и ближайшее окружение. Образование формулы регентства в таком случае означало бы, что этот гипотетически реконструируемый обычай был Еленой нарушен.

Итак, августовские события 1534 г. обусловили рождение новой формулы. В последующие годы сама формула, по существу, не изменилась. Однако появился самостоятельный титул – «государыни великой княгини Елены», зафиксированный в ЛНЦ, а также в ряде документов. В летописной статье ЛНЦ «О Шигалее царе» повествуется о том, что в сентябре 1535 г. в мятежной Казани составил заговор «казанских князей» в пользу Шигалея. Заговорщики обратились к русскому правительству с такой просьбой: «Ковгоршад царевна и Булат князь в головах и все уланы и князи великому князю изминили и Яналея царя убили, а на Казань взяли царем изс Крыма Сара-Кирея царевича... И государь бы нас пожаловал, Шигалею бы царю гнев свои отложил и к себе ему велел на Москву быти...»¹⁵⁰ 12 декабря 1535 г. прощённый царь приехал в Москву.

¹⁴⁷ ДДГ. № 22. С. 62; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 89–90.

¹⁴⁸ Возможно, летописный источник зафиксировал тех опекунов, которые к этому моменту находились в Москве. Не исключено, что Семен и Ярослав не смогли приехать в Москву из-за начавшегося «мора»: оба они умерли в 1426 г. (ПСРЛ. Т. 26. С. 184).

¹⁴⁹ См. об этом выше.

¹⁵⁰ О Шигалее подробнее см.: *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // УЗ Каз. пед. ин-т. Казань, 1970. Вып. 80. С. 145; ПСРЛ. Т. 29. С. 20.

Шигалею в Москве был оказан традиционный приём¹⁵¹. Однако в летописной статье вдруг (не раньше, а в январе 1536 г.) объясняется, почему малолетний Иван IV ещё не может вести самостоятельных переговоров и поэтому Шигалею необходимо обратиться к Елене Глинской. «Царь Шигалей бил челом великому князю, чтобы ему великий государь велел быти у матери своеи у великие княгини Елены и бити челом великой государыни. Лета 7044. И *благочестивая царица великая княгини Елена о том посоветовала з бояры*, что пригоже и у нее быти царю, занеже еще великий государь млад, а положение царского скипетра державы великия Русиия все есть богом положено на неи и врученное от бога на сохранение и на соблюдение всего благочестия православия...»¹⁵²

В описании приёма Шигалея больше уделяется внимание Елене, чем Ивану IV. «И как царь и бояре с ним пришли в сени перед полату, и князь великий пожаловал почтил царя, сам великий государь встретил его в сенях да с ним бояре, и пошел князь великий со царем к матери своеи и к великой княгине государыни в полату. И царь, вышед к великой государыне, ударил челом в землю и рек: “Государыня великая княгиня Елена... И вы, государи мои, меня холопа своего, пожаловали, таковую мою преступку мне отдали и меня, холопа своего, в том пощадили и очи свои государские мне холопу своему, дали видети...” И князь великий велел царю сести, и *великая государыни Елена* велела ему речь молвити Федору Карпову...»¹⁵³

Итак, летописная статья «О Шигалее царе» фиксирует появление личной титулатуры Елены Глинской, которая самостоятельно (и это уже не скрывается) принимает решение. Здесь же летописный источник обосновывает это «новшество» тем, что власть в государстве вручена была Елене самим Богом. В рассказе уже не так жёстко, как ранее, соблюдается формула регентства, которая иногда распадается на два отдельных титула («И князь велики велел царю сести, и великая государыня Елена велела...»). Причём в этом случае

¹⁵¹ Царя обычно встречали бояре и провожали до палаты великого князя. В сенях к царю подходил великий князь, приглашая войти в хоромы. Именно так и был встречен Шигалей в январе 1536 г. — Белокуров С. А. О приездах в Москву и приемах здесь казанского царя Шиг-Алея в 1552, 1558, 1562 и 1564 годах // ЧОИДР. 1889. Кн. 4. Отд 5. С. 1–8.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 29. С. 22.

¹⁵³ Там же.

нет даже обычного равенства личных титулов (Иван IV – великий князь; Елена – великая государыня)¹⁵⁴.

Характеризуя общую концепцию ЛНЦ, А. А. Зимин писал: «Разбор известий, помещённых в Летописце, и источников, использованных его составителем, приводит нас к выводу об официальном происхождении этого памятника и о государевой казне, как той канцелярии, с которой следует связывать его появление... Памятник обнаруживает прекрасное знакомство с посольскими делами, с документами разрядного характера и другими материалами государевой казны»¹⁵⁵. Летописная статья (А. А. Зимин совершенно правильно указывает на её происхождение из государственной казны) синхронна тем событиям, о которых в ней идет речь. Следовательно, она вполне репрезентативна для исследования.

Появление самостоятельного титула Елены Глинской зафиксировано и в синхронных документальных источниках. В момент обострения отношений с правительством в апреле 1537 г. Андрей Старицкий послал в Москву Ф. Д. Пронского. В Наказных речах, которые тот повёз, Андрей Старицкий обращается сначала к Ивану IV, затем к Елене Глинской¹⁵⁶. Конечно, подобная структура Наказных речей была в какой-то степени, обусловлена формальным «двоевластием»: не случайно миниатюрист Лицевого свода изображал Ивана IV и Елену Глинскую сидящими на тронах¹⁵⁷. И тем не менее появление самостоятельного титула правительницы («Да князю Федору же говорити государыни великой княгине Елене: князь Андрей Иванович велел тебе, государыни своей, челом ударити...»¹⁵⁸) объясняется не только характером самих Наказных речей, но и возрастающей политической активностью Елены, стремившейся быть не просто хозяйкой в государстве, но хозяйкой, имеющей на это закреплённое в официальных летописях и документах формальное право. Изменения в политическом статусе Елены не поспевали за ростом ее могущества. В конце Наказных речей Андрей Старицкий признал себя в отношениях с Еленой

¹⁵⁴ Весь рассказ «О Шигалее царе» был проиллюстрирован в Лицевом своде (ГИМ. Син. № 962. Л. 10 об.; Син. № 149. Л. 118 об., 120, 122, 124, 125, 126 об., 127 об., 129, 129 об.).

¹⁵⁵ Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 30; см. также: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 365.

¹⁵⁶ СГД. Ч. II. № 30. С. 38.

¹⁵⁷ Именно так миниатюрист изобразил Ивана IV и Елену Глинскую, иллюстрируя приезд Ф. Д. Пронского в Москву (ГИМ. Син. № 962. Л. 29 об.).

¹⁵⁸ СГД. Ч. II. № 30. С. 38.

не вассалом, как было бы естественно, а *подданным*¹⁵⁹: «Князь Андрей Иванович челом бьет: и вы б, государи, пожаловали, показали милость, огрели сердце и живот, *холопу* своему своим жалованием, как бы, государыня, мочно и надлежно холопу вашему, вашим государским жалованьем, вперед быть бескорбно и безкручинно, как вам, государям, бог положит на сердце»¹⁶⁰.

Об усилении личной власти Елены Глинской после августовских событий 1534 г. свидетельствует и возросшее политическое влияние её ближайших советчиков – И. Ф. Овчины Оболенского и В. В. Шуйского. Смерть Елены в апреле 1538 г. сделает их врагами, и фаворит правительницы поплатится жизнью за своё первенство и могущество, а пока они довольно часто упоминаются вместе как доверенные лица Ивана IV. Так в феврале 1538 г. крымский гонец от Саиб-Гирея просил, чтобы великий князь прислал в качестве посла «доброго человека» – «князя Василия Шуйского или Овчину»¹⁶¹. В этом же месяце в Крым был отправлен русский гонец к Саиб-Гирею, которому, в частности, было поручено ответить на просьбу Саиб-Гирея. Вот что говорится в наказе: «...князь Василий Васильевич Шуйский и князь Иван Федорович у государя нашего люди великие и ближние, государю их пригоже при себе держати, заньже государь великой, а леты еще млад...»¹⁶²

Уже упоминалось, что события августа 1534 г. повлияли на смену руководства в русско-литовских дипломатических отношениях. И. Ф. Овчина сменил полуопального Д. Ф. Бельского¹⁶³. 26 августа 1536 г. великий князь Иван IV принимал литовского посла Никодима. «И звал князь великий Никодима к руце, а берегли у великого князя, стоячи у его места, боярин князь Василий Васильевич Шуйский да князь Иван Федорович Оболенский Овчина»¹⁶⁴. И далее: «И встав князь великий с своего места молвил: Никодим! брату нашему *Жигимонту* королю от нас поклонись. Да звал его к руце, а берегли его руки князь Василей Васильевич Шуйской, да князь Иван Овчина»¹⁶⁵.

Итак, подводя итог, отметим, что политический статус Елены Глинской *изменялся* в острой политической борьбе. Особое

¹⁵⁹ Этот факт остаётся ещё неясным и неисследованным.

¹⁶⁰ СГД. Ч. II. № 30. С. 37–38; «Ответные речи» для Андрея Старицкого были составлены от имени Елены Глинской («государыня наша, великая княгини, велела говорити...»).

¹⁶¹ ЦГАДА. Крымские дела. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. Л. 474 об.–475.

¹⁶² Там же. Л. 485.

¹⁶³ АЗР. Т. II. № 175. С. 231.

¹⁶⁴ Там же. С. 253.

¹⁶⁵ Там же. С. 258.

значение в образовании формулы регентства имели события августа 1534 г., когда пал М. Л. Глинский, конкурент Елены, претендовавший на роль первого человека в государстве и главного выразителя интересов Ивана IV. В закреплении за Еленой Глинской статуса *единственного* регента и соправительницы Ивана IV состоял смысл появившейся формулы регентства. И кто знает, как сложились бы отношения некоронованной правительницы с самодержавным сыном, будущим Иваном Грозным, если бы не её ранняя, даже для того времени (около 30 лет), смерть. Ведь и в образовании формулы, и в появлении личной титулатуры прослеживается увенчавшееся успехом стремление Елены Глинской к полновластию.

ГЛАВА IV

СТАРИЦКИЙ МЯТЕЖ

§ 1. Постановка вопроса

После смерти Василия III в 1533 г. обострились отношения правительства с братьями умершего великого князя Юрием Дмитровским и Андреем Старицким. Потенциальным претендентом на занятие великокняжеского трона в случае смерти малолетнего наследника был Юрий Иванович. Но бояре, группировавшиеся вокруг Ивана IV, боялись и прямого, открытого выступления старшего дяди против родного племянника. Их отцы и деды могли ещё помнить, как более ста лет назад, в 1425 г., после смерти великого князя Василия Дмитриевича, его родной брат – Юрий Галицкий, пользуясь малолетством вступившего на престол Василия и фактическим правом наследования трона по духовной Дмитрия Донского, начал против наследника вооруженную борьбу, получившую в исторической науке название феодальной войны¹.

Ситуация могла повториться в 1533 г. Долгие годы Юрий надеялся, что у Василия III не будет наследника в браке с Соломонией Сабуровой. Однако развод Василия с Соломонией и его новая женитьба на Елене Глинской подорвали эту надежду, а рождение сына – Ивана IV – привело чуть ли не к разрыву отношений между братьями. Страх Елены Глинской и бояр, окружавших её, за свою судьбу и судьбу наследника способствовал тому, что буквально через неделю после смерти великого князя Юрий был «пойман» и брошен в темницу, где в июне 1536 г. скончался². Смерть Юрия Ивановича в 1536 г.

¹ Черетний Л. В. Образование Русского централизованного государства... С. 745–762.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 90.

поставила последнего из оставшихся в живых братьев Василия – Андрея в положение претендента на великокняжеский трон вне зависимости от того, хотел он этого или нет. До тех пор пока был жив Юрий (точнее, до того как его посадили в тюрьму), старицкому князю многое доверяли, с ним считались. По недошедшей духовной грамоте Василия Ивановича, Андрей был назначен одним из опекунов малолетнего Ивана. Но стоило Юрию угодить в тюрьму, и взаимоотношения удельного князя с правительством Елены Глинской стали напряжёнными.

Они особенно ухудшились после кончины Юрия Ивановича в тюрьме. Взаимное недоверие и страх, посеянный различными провокационными разговорами неизвестных «лихих людей», несчастное стечение обстоятельств: болезнь Андрея и начавшаяся война с Казанью довели эти отношения до крайнего обострения, явились фоном и отчасти причиной бегства Андрея и Старицы в мае 1537 г.³

Прежде чем приступить к подробному рассмотрению причин и предпосылок этого конфликта, вкратце осветим историографию этого вопроса.

В дореволюционной исторической науке, начиная с Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, события «поимания» Андрея Старицкого специально не рассматривались. В той или иной мере дореволюционные историки подробно пересказывали историю «поимания» Андрея, основываясь на двух источниках – Воскресенской летописи и «Повести о князе Андрее»⁴. Но такой пересказ являлся, как правило, своеобразным аргументом в пользу той или иной концепции автора. Именно поэтому сложился традиционный источниковедческий подход к изучению материала – в основе хронологии событий неизменно лежали факты, взятые из Воскресенской летописи. Там, где в Воскресенской летописи было мало деталей, как дополнительный источник использовалась «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

Такой подход к источникам был характерен как для дворянской, так и для буржуазной исторической науки в целом.

В советской исторической науке «мятежу» старицкого князя были посвящены специальные статьи многих учёных. М. Н. Тихомиров впервые опубликовал «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», входившую в состав

³ Там же. С. 91–98.

⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. VIII. С. 16; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 401–404.

Уваровской летописи⁵. И. И. Полосин специально рассмотрел «Повесть» как источник «для истории опричнины Грозного». Он видел в борьбе Москвы со старицким князем разрушение «опричнины» Андрея Ивановича (разумея под «опричниками» старицкого князя «территориальные дворянские ополчения», которые требовали от старицкой феодальной знати «земли и крестьян»). Отметив, что «изучаемая повесть прекрасно передаёт своеобразную напряженную атмосферу обречённости удельного двора за 30 лет до развернутого наступления на удельную опричнину опричников Ивана Грозного», И. И. Полосин не обнаружил, однако, ценности этого памятника как источника непосредственно по истории мятежа старицкого князя⁶.

Во вступительной статье и публикации «Повести» М. Н. Тихомиров впервые подробно коснулся характера, происхождения и политической тенденции известий «Повести», чётко разграничив (по политической тенденции) источники официальные и неофициальные. К официальным источникам он отнёс рассказ Воскресенской летописи, сюда же причислив сообщения Софийской II и Львовской летописей, к неофициальным – Вологодско-Пермскую летопись и публикуемую им «Повесть». М. Н. Тихомиров считал, что «официальная версия плохо уживалась с действительным характером событий 1537 г.», поскольку в Вологодско-Пермской летописи «прямо говорится, что великая княгиня Елена, “здумав” с боярами, вызвала князя Андрея в Москву, чтобы здесь захватить его в свои руки».

Других аргументов учёный не привёл. Из его вступительной статьи осталось всё же неясно, почему неофициальные источники правдивее освещают события 1537 г. Первой обобщающей работой по истории последних уделов на Руси была статья С. Б. Веселовского⁷. В ней автор, не углубляясь в анализ источников по истории «поимания», отмечал, что из неясных и сбивчивых показаний летописей о старицком князе видно всё же, что Андрей Иванович стал «жертвой обстоятельств, не зависящих от его воли».

Иную позицию занимал И. И. Смирнов. Он, в частности, писал: «...мятеж, поднятый Андреем Старицким, представлял собой попытку мобилизации всех реакционных сил для борьбы против централизованного государства в лице Ивана IV и

⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 220–224.

⁶ Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. С. 58–63.

⁷ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 101–131.

московского правительства, попытку повторить в новых условиях утвердившегося и окрепшего централизованного государства нечто вроде Шемякиной войны 30–40-х годов XVI в.»⁸

В обобщающей монографии, посвящённой реформам Ивана Грозного, А. А. Зимин оспаривал концепцию И. И. Смирнова о характере политической борьбы в 30-х гг. XVI в.⁹

В монографии событиям мая–июня 1537 г. посвящён короткий рассказ об уже известных фактах. Однако высказанные А. А. Зиминим источниковедческие замечания по поводу некритического прочтения И. И. Смирновым тенденциозного рассказа Воскресенской летописи явились, на мой взгляд, весьма ценными и плодотворными.

С. М. Каштанов исследовал иммунитетную политику правительства Елены Глинской по отношению к старицкому князю. «Иммунитетные грамоты, – по мнению исследователя, – показывают то, чего нет в летописных памятниках, – вполне целенаправленную систему политических актов правительства, сводившуюся к изоляции Андрея Старицкого от поддержки влиятельных духовных и светских феодалов на территории, непосредственно граничившей со Старицко-Верейским уделом, и в тех районах, на которые Андрей претендовал...»¹⁰

В ряде работ советских историков была изучена также связь выступления Андрея Старицкого с волнениями городских низов, началом проведения губной реформы¹¹.

Однако ещё недостаточно исследованы все имеющиеся летописные известия о «поимании» Андрея; вызывают спор учёных хронологические построения Воскресенской летописи и «Повести о князе Андрее», отсюда неясны причины и внешний повод бегства старицкого князя. В настоящей главе проводится сравнительный анализ всех дошедших летописных источников.

⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 73–74.

⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 224–225; *Он же*. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 179–184; ср.: Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII в.) М., 1955. С. 112–113. Глава написана Я. С. Лурье.

¹⁰ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 319.

¹¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 74; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. Т. I. С. 105; Бахрушин С. В. Классовая борьба в русских городах XVI – начала XVII века // Бахрушин С. В. Научные труды. М.; Л., 1952. Т. I. С. 208; Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 291–292.

§ 2. Источники

Основными летописными источниками, повествующими о событиях «поимания» удельного князя Андрея Ивановича Старицкого в 1537 г., являются известия Воскресенской¹², Новгородской IV (Ростовской)¹³ и Вологодско-Пермской¹⁴ летописей, Летописца начала царства¹⁵ и «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»¹⁶. Краткие, но не встречающиеся в других источниках сообщения находим в Постниковском летописце¹⁷, Новгородской II Архивской летописи¹⁸, Хронографе 1512 г.¹⁹

Важнейшими официальными источниками по истории «поимания» Андрея Ивановича являются Воскресенская летопись редакции 1542–1544 гг. и Летописец начала царства редакции 1553–1555 гг. Ростовская летопись, хотя и является полуофициальной, но по обоснованной гипотезе А. А. Шахматова, содержит известия о событиях с 1480 по 1539 г., заимствованные из недошедшего Новгородского летописного свода редакции 1542–1548 гг., доведённого в изложении до 1539 г.²⁰

Сравнение рассказов Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг. и Летописца начала царства редакции 1553–1555 гг. о «поимании» Андрея Ивановича Старицкого в 1537 г. показывает, что эти две редакции тесно связаны.

Степень их близости и взаимоотношения можно установить при помощи сравнительного текстологического анализа.

Задача такого анализа состоит в том, чтобы проверить, существует ли текстуальная близость обоих рассказов, в какой степени поздняя редакция Летописца²¹ зависит от предшествующей и как изменилось отношение официального летописания к «мятежу» Андрея Старицкого в 50–60-х гг. XVI в.

¹² ПСРЛ. Т. 8. С. 292–295.

¹³ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 576–578; Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 168.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 317–318; Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. С. 137–155.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 29–30.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 220–224.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 25–26.

¹⁸ Там же. Т. 30. С. 204.

¹⁹ Там же. Т. 22. С. 524.

²⁰ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 168.

²¹ Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 29–30; см. также: Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. С. 79.

На текстологическую близость двух редакций указывает следующее сопоставление текстов.

Воскресенская летопись**Летописец начала царства****I**

По дьяволу действу и
лихих людей възмущением
учиниша велику замятню...

ПСРЛ. Т. 8. С. 292

Тоя же весны по дияволу действу и лихих
людеи възмущением учиниша замятню велику
и возмутиша князя Ондreja Ивановича.

ПСРЛ. Т. 29. С. 29

II

начаша вадити вели-
кому князю и его матери
великой княгине на князя
на Ондreja, что князь Ан-
дрей на великого князя и
на его мать на великую
княгиню гнев дрѣжит что
ему вотчины не придали, а
хочет бежати... (С. 292)

Начаша лихие люди клеветати князю
Ондрею Ивановичю и рекоша тако: «князь
великий держит на тебя гнев и мати его
великая княгиня, а хотят тебя поимати». И
князь Ондрей то положил себе по злых людеи
речем в страхование, и лихие люди начаша
того злее смущати, а великому князю и его
матери вадиша на князя Ондreja, что будось
князь Ондрей хочет бежати. (С. 29)

История взаимоотношений Андрея Старицкого с правительством Елены Глинской излагается в Воскресенской летописи со слов: «А наперед того, лета 7042, генваря, после великого князя представления, не съезжаа с Москвы в свою отчину, после сорочин, бил челом князь Андрей...»²²

Вся сложная запутанная предыстория отношений удельного князя с Москвой, изложенная в Воскресенской летописи, в Летописце сокращена до одного-двух предложений: «А князь Ондрей лихих людей речем учал верити, а собя в страхование в великом учинил и в Москву не поехал, учал о том с своими бояры советовати о своем страху. И лихие люди начаша того горе ему смущати и князя подмольвливати, чтобы он из своее отчины выехал, а Новгородцы Великого Новагорода будут ему ради; а великому князю сказывают и его матери, что будто князь Одрей хочет бежати из своеи вотчины»²³.

Близость источников вновь обнаруживается, когда речь идёт об отправлении в Старицу духовных иерархов.

²² ПСРЛ. Т. 8. С. 292.

²³ Там же. Т. 29. С. 29.

Воскресенская летопись

...и князь великий и велика княгини послали за князем за Ондреем Крутицкого владыку Досифея да отца его духовнаго протопопу Спаского Семиона, а велели ся им имати по великом князе и по его матери великой княгине, что у них лиха в мысли нет никоторого. А нечто будет князь Андрей владыке и архимандриту и отцу своему духовному не поверит, а побезжит, и князь велики того для послал за князем за Ондреем бояр своих... (С. 293)

И увидел князь Ондреи великого князя плъки, и не захотел с великим князем бою поставити, и нача с князем с Иваном ссылатися; а у князя Ивана учал правды просити что его великому князю не поимати и опалы на него великие не положить; а князю Ивану то от великого князя не наказано, что ему правду дати князю Андрею, и князь Иван, не обославшись с великим князем, да князю Ондрею правду дал да со князем Андреем вместе и на Москву поехал. (С. 294)

Летописец начала царства**III**

И князь велики и его мати великая княгини, чаюти того, что князь Ондрей к Москве не едет, послал ко князю Андрею владыку Досифея Крутицкого да архимандрита Симановского Филофея да князь Андреева отца духовнаго Семиона протопопу в том его увещевати, что промеш их таковая смута: хто тое смуту чинит? И велел князь великий и мати его великая княгиня дати слово свое правое, что у них нет лиха никоторого. А на Волок послал князь велики бояр своих на бережение князя Пикиту Васильевича да князя Ивана Феоровича Овчину Оболенских того для: нечто будет князь Ондреи не поверит владыце и отцу своему духовному, а побезжит из своєї отчины... (С. 29)

IV

И дошел князя Ондрея князь Иван в Тюхале, и князь Ондреи нача ссылатися со князем Иваном, у князя Ивана учал правды просити, чтобы его князь великий не велел поимати и опалы бы своею на него не положил. И князь Иван Овчина, с великим князем не обослався, да князю Ондрею правду дал, да со князем Андреем на Москву вместе князь Иван к великому князю и к его матери к великой княгине приехал, и князь великий и его мати великая княгини на князя Андрея гнев свой и опалу положили в том, чтобы впред такие замятни и волнения не было, понеже многие люди Московские поколебались были. (С. 29)

Обе редакции, как это видно из сопоставления текстов, близки. Редактор Летописца начала царства в целом сохранил тенденцию рассказа Воскресенской летописи, сократив и изменив немного. Об этом немного необходимо сказать.

По Воскресенской летописи, причина «замятни» в отношениях Андрея и правительства заключалась в том, что старицкому князю «вотчины не придали». Как показал А. А. Зимин, «гнев» Андрея на Елену Глинскую был, вероятно, небезосновательным. К старицкому князю по духовному завещанию Василия, как его реконструирует А. А. Зимин, должен был перейти Волоцкий удел²⁴. Однако вместо этого Андрея Ивановича «почтили», как и прежних братьев умершего великого князя, придав дополнительно лишь кубки, шубы, коней.

В Летописце о «вотчинах» ни слова. Вина Андрея рассматривается несколько иначе: «лихие» люди начали клеветать ему на великого князя и его мать, будто те хотят «поймать» его. В Москве же они наговаривали на Андрея, что он хочет бежать. Причины «замятни», таким образом, по Летописцу, выглядят более завуалированными, чем в Воскресенской летописи. Несомненно, редакторской обработке намеренно, а не случайно подвергли этот пункт обвинений. А. А. Зимин был прав, считая, что обвинения против Андрея в Летописце начала царства были смягчены в связи с тревожной обстановкой 1553 г.²⁵

При несомненной текстологической близости текстов IV группы видно, что редакторская правка Летописца незначительна. Объясняя причины опалы на старицкого князя, редактор Летописца поучительно добавляет: «Чтобы впред такие замятни и волнения не было, понеже многие люди Московские поколебались были». Эта интерполяция могла возникнуть в связи с желанием автора придать тексту морализирующий характер. Не исключено также, что редактор располагал какой-то дополнительной информацией о колебаниях среди москвичей. Во всяком случае очень маловероятно, чтобы редакция 1553–1555 гг. использовала в этом случае неизвестный источник: слишком уж незначительное расхождение с редакцией 1542–1544 гг.

Рассмотрим теперь, насколько текстологически не близкие части редакции Летописца зависят или, наоборот, не зависят от редакции 1542–1544 гг.

²⁴ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. С. 286.

²⁵ Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 34.

ЛНЦ: «И лихие люди начаша того горее смущати и князя подмольвливати, чтобы он из свое отчины выехал, а Новгородцы Великого Новагорода будут ему ради»²⁶.

По редакции ВЛ 1542–1544 гг.: «лихие люди» говорили Андрею о близкой опале, но не сказано о том, что они с самого начала стали «подмольвливати» князя выехать из Старицы и поднять на мятеж Новгород²⁷.

Редактор ЛНЦ в этом случае мог по-своему понять пространный рассказ Воскресенской летописи и сделать вставку, соответствующую его представлениям о том, как было на самом деле. Новых же фактов, отсутствующих в Воскресенской летописи, нет.

ЛНЦ: «И как бояре на Волок приехали, а владыка и архимарит и отец его духовныи еще князя не доехали, а княже Ондеев сын боярской Яков Веригин с Волока пригонил ко князю Ондрею в Старицу, а сказал князю, что будто бояре великого князя едут имати. И князь Ондрей от того дрогнул да из вотчины из своеи побежал, месяца мая в 2 день в Новгород в Великий, и не дошед князь Андреи до Великого Новагорода, да своротил влево к Русе, да стал в Тюхале, от Заечского Яму за пять верст»²⁸.

В редакции 1542–1544 гг. читаем: «И в ту пору пригонил с Волока в Старицу князь Адреев сын боярской Яков Веригин, а сказал, что “приехали на Волок великого князя боаре князь Никита да князь Иван Овчина Оболенские, с многими людми, а едут тобя имати”. И князь Андрей часа того побежал и с княгинею, и с сыном маиа 2 день... а князь Андрей от Заечного яму своротил влево к Русе. И князь Иван Овчина доехал князя Андрея в Тюхоли, от Заечного яму верст с пять»²⁹.

Таким образом, мы здесь снова встречаемся с сокращением в ЛНЦ текста ВЛ. Впрочем, при почти текстологической близости этих отрывков есть и небольшое различие. «Новым» в ЛНЦ является сообщение о том, что духовные иерархи «не доехали» (куда, в Старицу или на Волок, не указано) к тому времени, когда войска Оболенских уже стояли на Волоке, и Яков Веригин сообщил об этом старицкому князю.

Причина появления этого «нового» факта в ЛНЦ – в самом характере новой редакции. Редактор, сокращая сравнительно большие части рассказа ВЛ, уточнил то, что в редакции 1542–

²⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

²⁷ Там же. Т. 8. С. 292.

²⁸ Там же. Т. 29. С. 29.

²⁹ Там же. Т. 8. С. 294.

1544 гг. рисуется нечётко: по ВЛ действительно непонятно, где находились духовные иерархи в тот момент, когда Сатин и Яков Веригин сообщил Андрею о прибытии на Волок войск великого князя.

ЛНЦ: «И велел князя Андрея поимати и посадити его в полате за сторожи, а княгиню его с сыном посадити в городе же на Берсенеvском дворе за приставы; а бояр княж Андрееvских, которые подмолвливали, тех велел соромотити торговою казнью да пометати в Наугольную стрельницу. А которые дети боярские те наугородские, как князь Ондрей из Старицы поехал в Наугородщину, и оне ко князю приехали служить, и тех велел князь великий казнити смертною казнью»³⁰.

ВЛ: «А князя Андрея велели поимати и в полату посадити, и тягость на него положили, а княгиню его да и сына посадили в городе за приставы на Берсенеv дворе. А на боар его: на князя Федора Дмитриевича Пронского, да на князя Ивана Андреевича Оболенского Пенинского, да на дворецкого на князя Юрия Андреевича Меншого Пенинского Оболенского, да на конюшого на князя Бориса Ивановича Палецкого, да на князей и на детей боярских, на тех, которые у него в избе были и его думу ведали, на князя Юрия Ондреевича Болшого Пенинского Оболенского, да на Ивана на Умного сына Лобанова Колычева, да и на шурина княжего на князя Ивана Ондреевича Хованского, опалу свою положили, велели их пытати да и казнити торговою казнью, да и сковавши велели в наугольную стрелницу посадити: и боярина его князя Федора в той нуже не стало. А которые дети боярские великого князя помещики Наугородские, а приехали в ту пору к князю Андрею да и к Новугороду были пошли с князем, и тех детей боярских, Ондрея Иванова сына Пупкова да Гаврила Володимерова сына Колычевых с товарищи тридцати человек, велел князь великий бити кнутьем на Москве да казнити смертною казнью, вешати по Наугородской дорозе, не вместе и до Новагорода»³¹.

Эта часть Летописца начала царства – явное сокращение текста Воскресенской летописи: в редакции 1553–1555 гг. сохранилась даже последовательность, в которой расположены факты в рассказе Воскресенской летописи.

³⁰ Там же. С. 30.

³¹ Там же. Т. 8. С. 295.

Итак, редакция 1553–1555 гг. использовала в качестве протографа лишь рассказ Воскресенской летописи³². В одних случаях сокращая текст, в других сохраняя текстуальную близость, новая сокращённая редакция не внесла в текст новых фактов. Вместе с тем анализ этой редакции позволяет говорить о некоторой трансформации взглядов официальных кругов на мятеж Андрея Старицкого по сравнению с более ранней, официальной, редакцией Воскресенской летописи.

А. А. Зимин, отмечая противоречивость тенденции рассказа Летописца о «поимании» Андрея Ивановича, писал: «В обстановке 1553 года, когда в среде Избранной рады было много сторонников князя Владимира Андреевича, составитель Летописца начала царства изменил или несколько смягчил ответственность старицкого князя за мятеж. Однако в целом он оправдывает решение московского правительства, бросившего князя Андрея в заключение... Составитель летописного рассказа, следовательно, отнюдь не сочувствовал князю Андрею и являлся решительным врагом всякой замятни»³³.

Воскресенская летопись редакции 1542–1544 гг., являвшаяся протографом для Летописца, в рассказе о «поимании» Андрея Старицкого крайне тенденциозна³⁴. Составитель Воскресенской летописи был близок князьям Шуйским и враждебен к И. Ф. Овчине Оболенскому. Так, в источнике говорится, что И. Ф. Овчина обещал Андрею Старицкому, что после возвращения в Москву его отпустят в Старицу, простив вину перед великим князем. При этом официальная версия указывает на то, что И. Ф. Овчина «дал правду» Андрею, «не обославшись» с великим князем. За это в Москве его подвергли словесной «опале». В других же летописных сводах говорится о «поимании» удельного князя без какого-либо указания на «самовольство» И. Ф. Овчины³⁵.

Хронологическая и повествовательная канва рассказа Воскресенской летописи построена таким образом, чтобы снять с правительства Елены всякую ответственность за «поимание» Андрея. В оглавлении рассказа источником и причиной «великой замятни» в отношениях Андрея с Москвой объявляются неизвестные «лихие люди», якобы рассорившие правительницу с

³² Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 33–34.

³³ Там же.

³⁴ Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. С. 689–705; Она же. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века. С. 375–379.

³⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 247.

удельным князем³⁶. При сравнительном анализе всех имеющихся по истории «поимания» Андрея летописных известий и документов обнаруживается не только обнажённая тенденция Воскресенской летописи, но и недостоверность, особенно в хронологии событий Старицкого мятежа.

Между тем источник без критического рассмотрения широко привлекался как дореволюционными историками, начиная с Н. М. Карамзина и С. М. Соловьёва, так и по традиции некоторыми советскими³⁷. Отсюда сложилась неточная картина событий «поимания» удельного князя Андрея Ивановича в 1537 г.³⁸ А. А. Зимин отмечал, что в московских сводах (имея в виду прежде всего Воскресенскую летопись) «даётся иная последовательность событий, чем в “Повести о князе Андрее”». Правительство якобы получило сведения о намерении князя бежать из Старицы и, чтобы предотвратить побег, послало туда экспедицию И. Ф. Оболенского. Узнав об этом, князь Андрей бежал из своей удельной столицы. Эта версия нам в отличие от И. И. Смирнова представляется тенденциозной: данных о том, что князь Андрей заранее замышлял побег, у него нет. Версия “Повести о князе Андрее” ближе к истине. Она соответствует рассказам как Вологодско-Пермской, так и Ростовской летописи, основанной на новгородских сведениях³⁹.

В споре с И. И. Смирновым А. А. Зимин не выдвинул новых аргументов, кроме указания на то, что «Повесть о князе Андрее» соответствует рассказам Вологодско-Пермской и Ростовской летописей. И тем не менее это наблюдение А. А. Зимина открывает путь к решению проблемы.

Рассказ Воскресенской летописи и сокращённая редакция 1553–1555 гг. вошли в Никоновский летописный свод⁴⁰. В отдельности рассказ Воскресенской летописи был заимствован Пискаревским летописцем⁴¹, Александро-Невской летописью⁴², а также вошёл в состав так называемой Царственной книги⁴³.

³⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 29–30.

³⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. VIII. С. 16; Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 401–404; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 54–74.

³⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 60–65.

³⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 245.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 91–97, 117–118.

⁴¹ Там же. Т. 34. С. 171–173.

⁴² Там же. Т. 29. С. 132–134.

⁴³ Там же. Т. 13. С. 428–431.

Сокращённая редакция 1553–1555 гг. была включена в Софийскую II и Львовскую летописи без каких-либо изменений в тексте⁴⁴.

Важнейшим неофициальным источником является «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», входящая в состав Уваровской летописи. В своей политической тенденции она противоположна Воскресенской летописи. Характерен уже самый заголовок «Повести»: «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божим, грех ради наших». Автор «Повести» – сторонник претензий князя Андрея⁴⁵. Он решительно осуждает правительство Елены за преднамеренные действия против удельного князя. По словам неизвестного автора, князь Андрей Иванович «пошол» из Старицы, «истерпевшись» от своих «великих обид».

М. Н. Тихомиров предполагал, что автором «Повести» был человек, близкий к князьям Оболенским, так как в источнике особенно подчёркивается роль князей Пенинских Оболенских, служивших у Андрея⁴⁶.

Думается, что автор «Повести» был также и непосредственным участником описываемых событий. В рассказе о пытке А. Валуева автор использовал подробности и детали, запомнить которые мог лишь очевидец: «Каше же Огаркову повеле людем своим Ондрею Валуеву связать руце и нозе и вергоша его в озерко в одной срачици, а главу выскитиша на брег озерка того, дабы не залился, и пыташа у него»⁴⁷. Хронология известий в «Повести» иная, чем в Воскресенской летописи. Это даёт возможность провести сравнительный анализ текста обоих памятников.

Вологодско-Пермская летопись, как и «Повесть», относится к неофициальным источникам. Оба памятника роднит не только происхождение, но и тенденция.

Вологодско-Пермская летопись

Здумав великая княгиня Елена
з бояры имати князя Андрея Ивано-
вича.

(ПРСЛ. Т. 26. С. 317–318)

Повесть о князе Андрее

...мать его великая княгиня Елена
нача помышляти как бы им князя
Андрея Ивановича изымати.

(Тихомиров М. Н. Малоизвестные
летописные памятники. С. 222.)

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Львовская вторая летопись. С. 442–443.

⁴⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 220–221.

⁴⁶ О князьях Пенинских подробнее см.: Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 181.

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222–223.

Как видно из сопоставления источников, оба рассказа в преамбуле обнаруживают близость не только в излагаемых ими фактах, но и текстуальную. Далее источники расходятся и не имеют общих мест в повествовательной канве.

В известиях Вологодско-Пермской летописи до 1526 г. сохраняется близость с Воскресенской и Софийской II летописями. С 1526 г. основной текст летописи расходится с официальным летописанием. «...последняя часть Вологодско-Пермской летописи, – писал М. Н. Тихомиров, – даёт текст, неизвестный по другим летописям и сложившийся из двух летописных источников московского происхождения». М. Н. Тихомиров считал, что этот источник «в полном своём варианте» был доведён до 1539 г., а составлен вскоре после 1540 г., «вернее в промежутке между 1540 и 1550 г.».

История «поимания» Андрея Ивановича Старицкого не ограничивается одними летописными известиями. Дошедшие до нас черновые и беловые варианты «Наказных речей» правительства Елены Андрею Старицкому – важный источник, свидетельствующий о подготовке правительства к «поиманию» удельного князя⁴⁸. Черновой вариант «речей» был сначала помечен 29 апреля, эта дата зачеркнута и поставлена новая – 5 мая. Новый текст был официально принят уже после бегства Андрея из Старицы. Для выяснения хронологии событий это имеет большое значение. Ценную информацию можно почерпнуть также из «Наказных речей» Андрея Старицкого московскому правительству.

Чрезвычайный интерес представляет инструкция («память»), данная правительством Елены Глинской русскому гонцу Савину Ослябьеву Емельянову⁴⁹, отъехавшему в Великое княжество Литовское 23 декабря 1537 г. – через две недели после смерти Андрея Старицкого. Этот наказ (не замеченный исследователями) даёт первую, официальную версию событий поимания Андрея Старицкого. Документ содержит некоторые детали, которые не встречаются в летописных источниках.

Своеобразно освещают события мятежа старицкого князя миниатюры Лицевого свода, ранее не привлекавшиеся для изучения политической борьбы времени правления Елены Глинской⁵⁰.

⁴⁸ СГГД. Ч. II. № 30, 31, 32. Ч. 1; № 163; ЦГАДА. Ф. 375. Оп. 1. 1537. Д. 1.

⁴⁹ АЗР. Т. II. № 175. Оп. 321.

⁵⁰ Подробнее см.: § 3. Ход мятежа.

Трагическая судьба князя Андрея Старицкого вызвала неоднозначные оценки как историков, так и современников XVI в. В первом официальном сообщении (упомянутой выше «памяти» русскому посланнику) о мятеже старицкого князя вина за случившееся возлагалась только на Андрея. «А вспросят Савина: а князь Андрей ныне где, и что его дело... и Савину говорити: как Божья воля сталась, отца государя нашего, великого государя Василья в животе не стало, а государьству своими всеми пожаловал сына своего государя нашего великого князя Ивана; и князь Андрей государю нашему крест целовал, что ему государю нашему служить прямо, а не лихо ни на которое не умышляти; и он государю нашему учял великие неправды делати, и умышляти учял на самого государя и под ним государств достати»⁵¹.

Меняется тенденция в Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг.⁵² Уже не Андрей (хотя и он отчасти виноват), а неизвестные «лихие люди», рассорившие удельного князя с правительством Елены Глинской, были главными виновниками «замятни». Старицкий князь реабилитирован наполовину.

В Летописце начала царства, как уже указывалось, обвинения против удельного князя несколько смягчены по сравнению с протографом – рассказом Воскресенской летописи. В сообщении о смерти Андрея Старицкого Летописец даже отходит от прежней враждебности, проникаясь сочувствием к его судьбе: «Того же месяца 10, с понедельника против вторника, в 7 час ночи преставися князь Андрей Иванович в нуже, страдальческою смертью... а положен в Архангеле на Москве, идеже лежат великие князи». Несколько ранее – в царском «рукописании» для собора 1551 г. Иван IV реабилитировал своих дядей: «Яко помрачени умом, дерзнули поимати и скончати братию отца моего. И егда хошу воспамянути нужную их смерть и немилостливое мучение, весь слезами разливаюся и в покаяние прихожу и прощения у них прошу за юность и неведение»⁵³.

В посланиях Андрею Курбскому Иван Грозный находит оправдание Андрею, обвиняя бояр в измене. «Ино то ли доброхотство, которых ты хвалиши? И тако ли за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити?» – спрашивает Грозный своего политического оппонента. И сам отвечает. По мысли царя не «лихие люди» были виновниками «мятежа», и не удельный князь,

⁵¹ АЗР. Т. II. № 175. С. 321.

⁵² Подробнее об этом см. § 3.

⁵³ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. II. С. 263.

поверивший лживым речам этих «лихих людей» (как излагает дело Летописец), а бояре – вечные «изменники» государей⁵⁴.

«Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменники на нас подьяша, и с теми изменники пошел был к Новугороду... и в те поры от нас отступили и приложились к дяде нашему ко князю Андрею, а в головах твой брат...»⁵⁵

Во втором послании Курбскому Грозный ещё более усиливает мотив невинности Андрея Старицкого: «А князю Володимеру почему было на государстве? От четвертово удельново родился. Что его достоинство к государству, которое его поколение, развее наши измены к нему, да его дурости? Что моя вина перед ним? Что ваши дяди и господины отца его уморили в тюрьме, а его и с матерью тако ж держали в тюрьме. И я его и мать от того освободил и держал во чти урядстве; а он был уже оттово и отшол»⁵⁶.

Как видно, отношение к «мятежу» Андрея Старицкого со стороны официальных кругов менялось. Резкие выпады против претензий старицкого князя и лично против него в 30–40-х гг. сменились в 50-х сочувственным отношением к его трагической судьбе, а в 60-х гг. наступила полная реабилитация личности «дяди» царя и великого князя Ивана Васильевича, возникла другая крайность – резкие выпады в адрес бояр-«изменников».

§ 3. Ход мятежа

Конфликт старицкого князя с правительством Елены, как свидетельствует Воскресенская летопись, относится к январю 1534 г. На «сорочин», т. е. на сороковой день после смерти Василия, Андрей «учал» просить у великой княгини «к своей отчине городов чрез (сверх. – А. Ю.) отца своего благословенье и чрез духовную грамоту». Елена Глинская ответила ему отказом. Но перед отъездом Андрея в Старицу она «почтила» его, как и прежде это бывало после смерти великих князей, дав ему даже «свыше». Однако Андрей был недоволен полученными в подарок кубками, конями, шубами. По приезде в Старицу он «учал» на великую княгиню «гнев держати о том, что ему отчины не придали»⁵⁷.

⁵⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76.

⁵⁵ Там же. С. 27.

⁵⁶ Там же. С. 105.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

Ситуация, описанная Воскресенской летописью, вызывает сомнения в ее психологической достоверности. Андрей был напуган событиями «поимания» Юрия Дмитровского. Последствия ареста, а затем и смерти Юрия не мог не понимать старицкий князь. В этом случае странным кажется категорическое требование Андрея (относительно придачи ему новых городов), ничем не обоснованное и незаконное, как утверждает Воскресенская летопись.

На это обстоятельство обратил внимание А. А. Зимин, когда исследовал княжеские духовные грамоты. Он предложил оригинальное объяснение претензий старицкого князя. «Действительно, – писал А. А. Зимин, – Андрей Иванович требовал земель сверх (“через”) тех, какие отошли к нему по духовной грамоте Ивана III, так как свои претензии он основывал на завещании Василия III»⁵⁸.

Из обоснованной гипотезы А. А. Зимина видно, что претензии Андрея Старицкого не были беспочвенными: они основывались на не дошедшем до нас завещании Василия III.

Воскресенская летопись называется виновниками «замятни» в отношениях московского правительства со старицким князем – неизвестных «лихих людей». В Старице к Андрею «присташа» некие «лихийи люди» и стали наговаривать ему, что великая княгиня собирается его «поимать». В положении старицкого князя поверить в это было нетрудно, если учесть сообщение той же Воскресенской летописи о конфликте Андрея с правительством по вопросу о землях, которые он должен был наследовать согласно завещанию Василия III. Об этих разговорах в Старице стало известно в Москве. Елена Глинская послала в Старицу Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Путятина «в том его (Андрея. – А. Ю.) увещевати, что то слова неправые, а у великого князя Ивана и у его матери у великие княгини Елены лиха в мысли нет никоторого». Андрей поверил посланцам и приехал в Москву. В столице он рассказал великой княгине и митрополиту о слухах, по которым его якобы собирались арестовать. Елена на это ему отвечала: «А у нас про тебя на сердце лиха нет никоторого, а объяви нам тех людей, которые меж нами сорят, чтоб вперед лиха никоторого не было». Старицкий князь «имянно» никого не назвал, но сказал, что к нему «пришло» мнение.

Возвратившись домой, Андрей должен был, казалось, успокоиться: в столице ему обещали, «что у великого князя и у и

⁵⁸ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. С. 286.

великие княгини у матери его на князя на Андрея лиха в сердце нет никоторого»⁵⁹. Однако Воскресенская летопись сообщает, что Андрей хотя и дал «крепкое слово» не верить слухам, но все же «мнения и страху не отложил». А тут еще «присташа» к нему «лихие люди» с разговорами о тайных замыслах великой княгини. В Москве эти же неизвестные сообщали Елене Глинской, что старицкий князь собирается бежать. По Воскресенской летописи, Елена этим речам не поверила, так и «наперед того меж ими многие неправды говорили».

Новые события обострили конфликт.

В начале января 1537 г. земли Нижегородского уезда подверглись нападению казанских войск. Отношения с Казанским ханством стали враждебными после переворота в сентябре 1535 г., когда был убит ставленник Василия III, казанский хан Яналей. Вместо него заговорщики царевна Кавегоршад и князь Булат «взяли к себе на Казань царем» крымского царевича Сафа Гирея. Тогда же, в декабре 1535 г., правительство Елены Глинской в ответ на эту измену выпустило из «нятства» Шигалея в надежде сделать его ханом Казани, восстановив таким образом «дружественные» отношения⁶⁰.

Правительство Елены Глинской потребовало участия Андрея Старицкого в войне с Казанью. За ним послали в Старицу, но Андрей «сказался» больным и в столицу не поехал. Прибывший в Старицу по приглашению князя врач осмотрел больного и в Москве докладывал, что болезнь «легкая». Однако Андрей отказался явиться на общий военный сбор. В Старицу на этот раз отправили «посланников» к Андрею «о здоровье спрашивать и о иных делех», а заодно тайно узнать «какой слух и почему к Москве не поехал».

По официальной версии, «посланники» приезжали в Старицу только раз. В Москве они докладывали, что у князя беспокойно, есть какие-то «прибылые люди, которые не всегда у него живут, и те им сказывают тайно, что князь лежит за тем, к Москве ехать не смеет»⁶¹.

В «Наказных речах», адресованных Елене Глинской, Андрей иначе излагает эти события. «Посланники» ездили в Старицу не один раз. Первым после врача Феофила был сын боярский князь Василий Федорович Оболенский. Ему Андрей жаловался на болезнь и просил передать Елене, что приехать не сможет. Елена Глинская, однако, не поверила в искренность слов удельного

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 292–298.

⁶⁰ Там же. С. 291.

⁶¹ Там же.

князя и послала в Старицу нового человека. «И ты, государь, – писал Андрей в «Наказных речах», – после того присылал к нам своего сына боярского князя Василия Семеновича Серебряного, а велел еси, государь, нам к себе ехати, и мы к тебе ко государю, с ним приказывали, что нам к тебе, ко государю, в своеи болезни ехати немочно»⁶².

Чтобы не навлечь на себя опалу за отказ подчиниться, Андрей посылает в Москву своего парламентаря князя Юрия Андреевича Оболенского Пенинского бить челом великому князю, чтобы он «пожаловал... гнева своего не подержал»⁶³.

Неизвестно, чем бы кончились эти странные переговоры, если бы в апреле 1537 г. Елена не послала в Старицу своего представителя князя Бориса Щепина Оболенского с ультимативным требованием «к себе (в Москву. – А. Ю.) ехати, с великим запрещением единолично, как ни иметца»⁶⁴. В «Наказных речах» Андрей отвечал на ультиматум Елены упреком: «...а прежде сего, государь, того не бывало, что нас к Вам, государем, на носилках волочили».

Вместо себя в Москву он послал князя Федора Дмитриевича Пронского⁶⁵. Трудно сказать, был ли Андрей болен. Возможно, легкое недомогание он хотел представить более серьезным, чтобы не ехать в Москву и не повторить судьбу Юрия Ивановича. Ведь ехать действительно было опасно: в Москве уже считали Андрея злоумышленником, что видно из инструкции посланнику С. Ослябьеву-Емельянову: «Милосердный бог тот его (Андрея. – А. Ю.) умысл разрушил и его думы: то государю сказали, что он думает негораздо»⁶⁶. Как бы там ни было, а находившийся в Старице Щепин Оболенский, не теряя времени, действовал, как ему было предписано.

В источнике неофициального происхождения – «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» говорится, что представителю Москвы в Старице было велено от имени великого

⁶² СГГД. Ч. II. № 30. С. 37. По непонятной причине И. И. Смирнов не упомянул об этом важном документе, описывая ход событий до бегства Андрея из Старицы.

⁶³ Там же. Об Ю. А. Оболенском Пенинском см.: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 181; Государственный архив России XVI столетия. Вып. 3. С. 494; АФЗХ. Ч. II. № 207. С. 208.

⁶⁴ СГГД. Ч. II. № 30. С. 37.

⁶⁵ Ф. Д. Пронский был боярином и старицким наместником. Об этом см.: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 182; ПСРЛ. Т. 28. С. 257.

⁶⁶ АЗР. Т. II. № 175. С. 321.

князя послать в Коломну воеводу Ю. А. Оболенского Большого⁶⁷, «а с ним детей боярских многих». В дальнейшем источник поясняет, кого именно послал Андрей в Коломну: «дворян своих многих и детей боярских городовых, старичен, олексинцев, и вереич и вышегородцев»⁶⁸.

Б. Д. Щепину Оболенскому было велено также проследить («повеле то видети») за отправкой войска и одновременно узнать его величество («колько с ним пошлет детей боярских»).

Нетрудно догадаться, какие планы вынашивало правительство Елены относительно Андрея: в случае, если старицкий князь не явится «однолично» в Москву, попытаться, как заявляет «Повесть», «от князя Андрея людей его от нево отвести», а потом обезоруженного «поймать». На существование такого плана действий указывает и Вологодско-Пермская летопись: «Здумав великая княгиня Елена з бояры имать князя Ондreja Ивановича и посла от него в Старицу»⁶⁹.

Дело шло к развязке: документальным подтверждением этих сложных и напряженных отношений может служить Опись Посольского приказа 1614 г.: «Свяска, а в ней грамоты от великой княгини и от сына ее, великого князя Ивана Васильевича всеа Руси ко князю Ондрею Ивановичу и от князя Ивана Васильевича всеа Руси ко князю Ондрею Ивановичу и от князя Ондreja Ивановича к великой княгине Елене и сыну ее к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, до царева венчания, и к митрополиту Данилу и к боярам, как присылал бити челом за свои вины в 7045 году»⁷⁰.

Инициатива в этой борьбе за власть принадлежала правительству. И. И. Смирнов, однако, полагал, что Андрей уже в самом начале борьбы «готовил мятеж». Посылка войск в Коломну, а также дипломатические переговоры оказались не более чем «демонстрацией лояльности в отношении великого князя необходимой для того, чтобы рассеять подозрения в отношении

⁶⁷ Старицкому князю служили три брата: Иван, Юрий Большой и Юрий Меньшой Оболенские Пеннинские.

⁶⁸ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 317. И. И. Смирнов писал, что «в действительности к этому моменту правительство Елены Глинской было уже осведомлено через своих посланников, ездивших в Старицу... о его планах и исходило теперь в своей политике в отношении Андрея не из стремления урегулировать отношения... а из решения... о ликвидации "мятежа" и "поймания" самого Андрея» (Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 57–58).

⁷⁰ ДДГ. С. 446.

себя в глазах правительства Елены Глинской и вместе с тем выиграть время для завершения подготовки мятежа»⁷¹.

Никаких данных о том, что такой мятеж готовился заранее, у нас нет. Напротив, в «поимании» Андрея было крайне заинтересовано правительство. Это видно из тех задач, которые поставила Елена Глинская перед Б. Д. Щепиным Оболенским. Тем не менее позиция удельного князя, отказавшегося принять условия «посланников» Елены, давала повод к обострению отношений.

Итак, 12 апреля 1537 г. Андрей посылает в Москву боярина Ф. Д. Пронского с «Наказными речами» для правительства⁷². В них он жалуется Елене, что приехать не может, а явится в Москву «однолично», «как ни иметца» не в состоянии, так как «прежде того не бывало, что нас к вам, государям, на носилках волочили»⁷³. Вместе с Ф. Д. Пронским в Москву отправился и дьяк Варган Григорьев⁷⁴.

«Повесть» сообщает, что «в селе Павловском в Яковлеве Поплевина на реке на Истре за 30 поприщ от Москвы» Ф. Д. Пронского встретил отряд И. Ф. Карпова, специально посланный из Москвы: «...и яша князя Федора и ведоша его к Москве и возвестиша о нем великому князю»⁷⁵.

Иван IV, как сообщает источник, распорядился посадить его на дворе старицкого князя. Очень важно, что в логической нити рассказа «Повести» это сообщение предшествует событиям 2 мая, когда, «истерпевшись от своих великих обид», Андрей Иванович «пошел» из Старицы.

В официальной Воскресенской летописи эти же факты излагаются в иной хронологической последовательности: «А как князь Федор Пронский от князя Андрея из Старицы еще *не приехал* (курсив мой. – А. Ю.), и в то время сын боярский княж Андреев, князь Василей княж Федоров сын Голубого, Ростовских князей из Старицы прислал тайно ночью к великому князю человека своего Еремку, что князю Андрею одноконешно на утро бежати»⁷⁶.

В. Ф. Голубой Ростовский посылал к И. Ф. Овчине своего человека накануне 2 мая («одноконешно на утро бежати»). В «Повести», не связанной с официальной версией, есть

⁷¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 57–58; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 243.

⁷² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 57.

⁷³ СГД. Ч. II. № 30. С. 37.

⁷⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 133.

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

подтверждающее сообщение: «А наперед себя он (Голубой Ростовский. – А. Ю.) еще из Города из Старицы послал к Москве слугу своего Еремку к великого князя дьяку и Федору и Мишуруину с той вестью, что князь Ондрей Иванович пошел из Старицы»⁷⁷.

Андрей Иванович «пошел» из Старицы 2 мая на христианский праздник святых Бориса и Глеба: отъездом в этот день он намекал, что не хочет повторить злополучную судьбу князей-мучеников. Можно предполагать, что гонец добрался до Москвы за два дня, т.е. числа 4–5 мая⁷⁸ он уже сообщил новость И. Ф. Овчине Оболенскому.

Но Воскресенская летопись утверждает, что князь Федор Пронский еще не приехал в Москву, в то время как В. Ф. Голубой Ростовский уже послал к И. Ф. Овчине Еремку с сообщением о предстоящем бегстве Андрея. Значит, вплоть до 2 мая Ф. Д. Пронский, отъехавший из Старицы 12 апреля, еще находился в пути⁷⁹.

«Повесть» прямо указывает на то, что Ф. Д. Пронский был арестован в с. Павловском до 2 мая. Из Павловского его препроводили в Москву «и ведоша его к Москве и возвестиша о нем великому князю». Парламентер был посажен в тюрьму до 2 мая. Косвенно это подтверждает и миниатюра Лицевого свода, изображающая, как Андрей послал в Москву Ф. Д. Пронского для переговоров. В ней показано, что посланец удельного князя прибыл в столицу и предстал там перед Иваном IV и Еленой Глинской, хотя в тексте, комментирующем миниатюру, говорится, что он «еще не приехал»⁸⁰. Не исключено, что эту хронологическую неувязку Воскресенской летописи миниатюрист исправил по-своему, желая придать своей иллюстрации более правдоподобный характер.

Ответной реакцией правительства Елены на сообщение из Старицы была посылка к Андрею духовных иерархов – крутицкого владыку Досифея, архимандрита Филофея, а также духовного отца Андрея – Семиона, протопопа Спасского, с официальным

⁷⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222.

⁷⁸ В Летописце начала царства есть сообщение о том, что 17 августа 1551 г. бояре Юрий Михайлович Голицын и Иван Иванович Хабаров посылали гонца из Казани в Москву. 28 августа гонец добрался до столицы. От Казани до Москвы около 800 км. Чтобы покрыть это расстояние за 11 дней, ему необходимо каждый день в среднем проезжать 70–80 км (средняя скорость аллюра – 10–12 км/ч). Отсюда – расстояние 160–180 км (между Старицей и Москвой) гонец вполне мог проехать за два дня. – ПСРЛ. Т. 29. С. 66; Советская военная энциклопедия. М., 1976. С. 151.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁸⁰ ГИМ. Син. № 262. Л. 29 об.

заявлением, что «лиха в мысли (правительства. – А. Ю.) нет никоторого»⁸¹.

На тот случай, если Андрей «не поверит, а победит», в Старицу были посланы войска Никиты Васильевича и Ивана Федоровича Оболенских. Причем из официального источника следует, что войска были посланы одновременно с духовной миссией.

И. И. Смирнов считал, что объяснить посылку делегации высших церковных иерархов за князем Андреем можно тем, что правительство Елены «все еще не хотело отказаться от своего плана ликвидировать группировку Андрея Старицкого, не прибегая к вооруженной борьбе»⁸².

Елена Глинская, по мнению И. И. Смирнова, хотела «продемонстрировать перед московскими кругами свое благожелательное отношение к дяде великого князя». Из двух версий, излагающих эти события, И. И. Смирнов отдает предпочтение версии Воскресенской летописи, полагая, что пользу официального источника «говорит характер рассказа... так и мероприятия, предпринятые правительством Елены Глинской с целью не допустить отъезда Андрея из Старицы, в частности, посылка к Андрею делегации из представителей высших церковных иерархов»⁸³.

Безоговорочно принимая хронологическую последовательность рассказа Воскресенской летописи, И. И. Смирнов писал, что только после получения предупреждающего известия из Старицы «правительство Елены принимает решение о посылке двух военных экспедиций: одной на встречу Федору Пронскому с предписанием “его поимать да на Москву привести”, другой – “за князем Андреем”»⁸⁴.

Как уже указывалось, «Повесть» датирует арест Федора Пронского временем до 2 мая. Зная это, И. И. Смирнов тем не менее пытается объяснить противоречие в тексте следующим образом. На заданный вопрос «...почему Федор Пронский, посланный на Старицы к Ивану IV еще 12 апреля, так и не доехал до Москвы?» он отвечает: «Такое поведение Ф. Д. Пронского следует поставить в связь с напряженностью политической обстановки. Остановившись в с. Павловском, Пронский или добывал там

⁸¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁸² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 61.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 62.

сведения о политическом положении в Москве, или ожидал дополнительных инструкций от Андрея»⁸⁵.

Вслед за официальной версией, И. И. Смирнов считал, что Андрей «часа того бежал со княгиней и с сыном» по направлению к Торжку, лишь после того как узнал об аресте Ф. Д. Пронского в с. Павловском и о движении войск князей Оболенских.

Маловероятно, однако, что Ф. Д. Пронский, уже арестованный в с. Павловском, мог добывать сведения о политическом положении... в Москве. Тем более в «Повести» недвусмысленно говорится, что задержки в с. Павловском не было, Ф. Д. Пронского сразу же отправили в Москву.

В столице Ф. Д. Пронский и дьяк Варган Григорьев были приняты Еленой Глинской. В ответ на привезенные «Наказные речи» от Андрея Елена Глинская письменно заверила «посланников» в том, что «на нево (Андрея. – А. Ю.) мнения никоторого нет»⁸⁶.

Официальный ответ Елены Глинской «посланникам» старицкого князя не датирован. Несомненно, что такой ответ мог быть дан до получения известия из Старицы, что удельный князь бежал из своей резиденции. Гонец из Старицы прибыл в Москву 4–5 мая.

К этому времени относится известие о посылке в Старицу духовной делегации. Об этом нам известно из Воскресенской летописи. Рассказ Летописца о «поимании» Андрея – лишь сокращенная редакция пространного рассказа Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг.⁸⁷ А. А. Зимин обратил внимание на то важное обстоятельство, что текст «Наказных речей», составленный от имени духовных иерархов для Андрея Старицкого, был заготовлен правительством Елены еще до бегства удельного князя из Старицы. Черновой вариант «речей» был составлен от имени митрополита Даниила.

К этому времени старицкий князь уже подходил к Новгороду. Об этом сообщает Новгородская II архивная летопись: «Того же лета мая в 6 день бысть смещение в Великом Новгороде от князя Ондреа Ивановича, брата великого князя»⁸⁸.

По официальному источнику, послав «за Андреем» войска, Елена Глинская распорядилась, чтобы «по боярина по княж

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «А... коли к нам приказал о утвержение, и мы, жалучи его и любовь свою к нему держали, велели крест целовати боярину своему князю И. В. Шуйскому, да дворецкому своему тверскому Ивану Юрьевичу Поджогину, да дьяку своему Меньшому Путятину на том, что у нас на него мнения никоторого нет». СГГД. Ч. II. № 31. С. 39.

⁸⁷ См. предыдущий параграф.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 30. С. 204.

Андреева по князя Федора Пронского послали встречу и велели его поимати да и на Москву привести»⁸⁹.

Значит, по Воскресенской летописи, Ф. Д. Пронский до 5–6 мая находился в пути. Напомню, что он выехал из Старицы 12 апреля. Расстояние в 160–180 км, если принять сообщение официального источника, он мог преодолеть за три недели лишь в том случае, если не ехал, а шел пешком. В официальном источнике между тем говорится также, что Ф. Д. Пронский «на Москву еще не приехал», а в это время В. Ф. Голубой Ростовский посылал к И. Ф. Овчине Оболенскому Еремку. Так ли это?

«Повесть» определенно указывает на то, что в с. Павловском Ф. Д. Пронского не задержали, а тут же отправили в Москву и поселили на дворе Андрея Старицкого⁹⁰. Известно, что Елена Глинская затеяла с посланниками Андрея дипломатическую игру. Из «Наказных речей», предназначенных для Андрея, видно, что они были составлены до получения известия о бегстве старицкого князя, т. е. до 5–6 мая. Трудно предположить, что, послав войска «за Андреем» (или собираясь это сделать), Елена могла санкционировать составление «Наказных речей», в которых она уверяла посланников Андрея в том, что, дескать, «лиха в мысли (правительства. – А. Ю.) нет никоторого»⁹¹. Ф. Д. Пронского доставили в Москву до 2 мая, так как с 12 апреля до начала мая прошло не менее двух недель, что вполне достаточно для того, чтобы добраться до Москвы.

После ареста Ф. Д. Пронского в с. Павловском, как сообщает Воскресенская летопись, в Старицу бежал сын боярский Судок Дмитриев сын Сатин. Он рассказал Андрею, что боярина Ф. Д. Пронского «поимали» и, по слухам, великая княгиня послала в Старицу войска во главе с князьями И. Ф. и Н. В. Оболенскими, которым поручено арестовать и самого старицкого князя.

«И в ту пору» – замечает официальный источник – с Волока в Старицу «пригонил» еще один сын боярский Яков Веригин, который сказал Андрею, что на Волок приехали князья Оболенские «со многими людьми» – «А едут тебя имати»⁹². Оба известия, в рамках рассказа, занимают центральное место в хронологической и повествовательной канве. По Воскресенской летописи, сообщения

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁹⁰ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222.

⁹¹ Елена Глинская велела боярину Ивану Васильевичу Шуйскому и дворецкому Ивану Юрьевичу Погодину, дьяку Меньшому Путятину крест целовать на том, что «лиха в мысли нет никоторого». СГГД. Ч. II. № 31. С. 39.

⁹² ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

его слуг о движении к Старице войск явилось причиной бегства удельного князя из Старицы⁹³.

И. И. Смирнов не усомнился в хронологии событий официального источника⁹⁴. Вследствие этого не критического подхода к тексту получалось, что Андрей испугался, узнав о движении войск, и поэтому бежал из старицы.

«Поимание» Ф. Л. Пронского, по официальной летописи, должно было состояться после того, как в Москве узнали о предстоящем бегстве Андрея из Старицы, т.е. после 5–6 мая. Значит, Сатин мог прибежать к Андрею из Павловского не раньше 5–6 мая. То же самое относится и к Якову Веригину. Он «пригонил» в Старицу к Андрею также после 5–6 мая, так как войска были посланы по Воскресенской летописи, лишь тогда, когда стало известно, что князь Андрей «пошел» из Старицы. И Яков Веригин, и Сатин не могли, следовательно, явиться к удельному князю, ибо он бежал из Старицы 2 мая.

Ясно, что Сатин сообщил Андрею о поимке его посла в с. Павловском до 2 мая. Сложнее дело обстоит с Яковом Веригиным. Весьма вероятно, что он, хорошо зная обстановку, догнал бежавшего удельного князя в Бернове, где последний сделал остановку⁹⁵. Из Берново в Москву бежал В. Ф. Голубой Ростовский. Он рассказал Елене, что «Андрей еще не приговорил на которое ему место бежати»⁹⁶. Берново находилось в Новоторжском уезде, в 60 верстах от Старицы. Далее путь Андрея мог пролегать в двух направлениях: через Торжок – за рубеж в Литву или в Новгород⁹⁷. Старицкий князь решил двигаться к Новгороду.

«Повесть» подробнейшим образом рассказывает о продвижении войск Андрея к Новгороду, сообщая при этом ценные сведения о настроениях в среде старицкого дворянства. На третьем стане, «проехав Волочек Вышний на реке на Цне» – из лагеря Андрея Старицкого «побегоша дети боярские два Валуевых, Василий да Ондрей Мешковы братья Валуева, да Проня Бекетов сын Дедевишина, да Вешняк Дурной Ефимов сын Харламова, и те убогоша...»⁹⁸.

⁹³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 245; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 62.

⁹⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 62.

⁹⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

⁹⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 58–59.

⁹⁸ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 222.

Одного из беглецов, Андрея Валуева, «стража ухватиша» и привели к удельному князю. Андрей Иванович повелел Каше Агаркову его «блюсти крепко». В свою очередь, Каша Агарков «повеле» своим людям связать Валуева по рукам и ногам и пытаться: «многих ими в думе был измените князю». Беглеца раздели «и вергоша его в озерко в одной срачици, а главу ему выскитиша на брег озерка того, дабы он не залился»⁹⁹. А. Валуев не выдержал пытки и сказал «на многих». Об этом тотчас донесли Ю. А. Оболенскому. Тот взял с собой Кашу Агаркова, привел к старицкому князю и доложил «все порядку, что Каша сказывал Ондреевы речи».

Реакция старицкого князя на доклад В. А. Оболенского и «речи» Агаркова до конца не ясна. Узнав об измене старицких детей боярских, он «повелел то закрыть, понеже не всех тех переветати бе бо их умножиася изменников тех, грех ради государевых, которых князь Ондрей Иванович чаял себе испринним слугам, те все с ним ездisha во отступление ума своего, богатства ради, понеже бо у них остались жоны и животы их сильные и не разсудиша того, где то хто взял у кого выслужили, и забыша бога и правды, и все с ним ездisha весеце вел (так в рукописи. – А. Ю.) и упився безумьем своим яко пьяни»¹⁰⁰.

По тексту «Повести» не совсем ясно, что значит «повеле то закрыть». И. И. Смирнов считал, что Андрей не хотел предавать гласности показания Андрея Валуева (это могло послужить толчком к новому бегству из полков) и поэтому решил «закрыть» показания. И. И. Смирнов писал о «массовом» бегстве старицких дворян. Между тем в «Повести» рассказывается об «измене» как о факте бегства немногих, конкретно названных детей боярских¹⁰¹.

Размышления автора «Повести» об изменах детей боярских нельзя принимать за доказанный факт массового бегства дворян по той простой причине, что автор на конкретных примерах рассуждает здесь вообще об измене своему сюзерену, резко осуждая всех тех, кто забыл «бога и правды», «не рассудиша того, где хто взял и у кого выслужил». Тем не менее личное негативное отношение автора «Повести», вероятно, участника происходивших событий, к тем, кто бежал и кто собирался это сделать, показывает нам, что далеко не все в лагере Андрея были уверены в победном исходе борьбы с Москвой. Брожение умов усиливалось по мере продвижения к Новгороду. Показания Андрея Валуева нам не-

⁹⁹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 223.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 66–67.

известны. Возможно, он указывал на такое большое количество «изменников», желавших бежать, что дальнейший розыск был бы действительно неуместным.

Повеление Андрея Старицкого «то закрыть» в таком случае (и здесь прав И. И. Смирнов) можно рассматривать как закрытие дела об «изменах» старицких детей боярских.

В это время, продолжает автор «Повести», в Коломне, где размещались высланные из Старицы еще в апреле 1537 г. войска Ю. А. Оболенского, стало известно о бегстве Андрея¹⁰². В «Повести» с умилением рассказывается о том, какое впечатление произвело это известие на старицкого воеводу: «...и начат молиться со слезами пред образом Спасовым... дабы... Спас человеколюбец и Пречистая Богородица сподобила его доехати своего государя князя Ондreja Ивановича»¹⁰³.

Ю. А. Оболенский, утаясь от воевод великого князя и детей боярских, отъехал из Коломны, перебрался через Волгу и настиг своего князя на Новгородской дороге. Андрей Иванович неожиданно и приятно был обрадован приезду своего верного слуги, обещал его жаловать, одарил многими подарками и «учиниша ему честь велию пред всеми».

На том основании, что Ю. А. Оболенский бежал из Коломны один, И. И. Смирнов делал вывод об активно враждебном отношении старицких дворян в Коломне к мятежу Андрея Старицкого. С этим выводом историка трудно согласиться. Ю. А. Оболенский бежал один, возможно, потому, что вывести сколько-нибудь значительное ополчение из Коломны было нереально. Добираться одному всегда легче. К тому же необходимо учитывать, что Ю. А. Оболенскому пришлось догонять Андрея в тот момент, когда по направлению к Новгороду уже двигались войска И. Ф. Овчины Оболенского.

Новгородская II архивская летопись сообщает, что Андрей Старицкий подошел к Новгороду 6 мая. В полном смятении новгородцы «обложили» город на Торговой стороне так, что можно было обороняться «от ратных» князя Андрея¹⁰⁴. Руководители обороной Новгорода наместник Борис Горбатый и дьяки Яков Шиш-

¹⁰² Юрий Большой был дворецким, Юрий Меньшой – боярином. В данном случае речь идет о Юрии Большом: *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 221; *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 181.

¹⁰³ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 223.

¹⁰⁴ Новгородские летописи. С. 69; ПСРЛ. Т. 6. С. 302; Т. 30. С. 204; Т. 8. С. 294.

кин и Русин Курцов организовали в кратчайший срок, в пять дней (по «Повести» в три), возведение укреплений в человеческий рост.

О подготовке Новгорода к отражению возможного нападения, а также о довольно быстром продвижении войск Оболенских к Новгороду Андрею Старицкому стало известно в тот момент, когда он находился в 60 верстах от города¹⁰⁵.

Старицкий князь надеялся опереться на Новгород в своей борьбе с Москвой и с помощью новгородцев добиться военного преимущества. Но просчитался в главном.

Войска И. Ф. Овчины Оболенского, подходившие к Новгороду, создавали положение, при котором в случае начала боевых действий Андрею Старицкому пришлось бы отражать атаки как новгородцев, так и москвичей.

Андрей Старицкий хотел привлечь новгородских помещиков на свою сторону. Для этого он рассылал по всем погостам Новгородщины грамоты, в которых заявлял: «Князь велики мал, а держат государство бояре. И вам у кого служить? И вы поедьте ко мне служить, а яз вас рад жаловати»¹⁰⁶.

К старицкому князю стали прибывать новгородские помещики. Об этом стало известно в Москве. Елена Глинская, увидев привезенные в Москву грамоты, адресованные новгородцам, тотчас же отправила гонца к И. Ф. Овчине с предложением – скорейшим образом двигаться к Новгороду, дабы упредить в этом Андрея Старицкого.

И. Ф. Овчине приказывалось по прибытии в Новгород укрепить его, привести новгородцев к присяге великому князю и «заодин» с ними оборонять город. Однако еще до прихода войск великого князя навстречу мятежникам из Новгорода был послан отряд воеводы И. Н. Бутурлина, оснащенный артиллерией¹⁰⁷.

Войска Андрея Старицкого ожидало окружение. Тем не менее инструкция Елены предусматривала действия оборонительные, а не наступательные.

«А нечто будет князь Андрей людьми силен добре, и князь Миките быти в городе и дела великого князя беречь со владыкою и с наместники заодин», – отмечала официальная летопись. Далее в Воскресенской летописи находим еще большую неуверенность в предписаниях Елены Глинской московским воеводам: «И приедет князь Андрей к Новугороду, и князю Миките, укрепись с людьми

¹⁰⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 246.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁰⁷ Новгородские летописи. С. 69; ПСРЛ. Т. 6. С. 202.

да и с наместники, да против князя (Андрея стояти), сколько бог поможет, и посада ему жечь не дати»¹⁰⁸.

Нерешительность и оборонительная тактика в предписаниях правительства московским воеводам может быть объяснена многими причинами. Здесь не последнюю роль, возможно, сыграло отсутствие своевременной информации о продвижении войск старицкого князя, о количестве мятежников. Но наибольшую тревогу и опасения, отсюда и нерешительность, вызывало в Москве известие о грамотах Андрея, обращенных к новгородским служилым людям. В них старицкий князь призвал служилых к открытому выступлению против боярской олигархии.

С отрядом старицких дворян и бояр Андрей Иванович не представлял опасности для Москвы. Но он стал бы значительно сильнее, если бы служилые помещики Новгорода поддерживали его призывы и в массе своей встали на его сторону. События развивались так стремительно, что уследить в Москве за тем, какой успех имеют грамоты Андрея среди населения, было невозможно. Не теряя времени на раздумья, правительство Елены Глинской действует решительно, используя при этом всю возможную политическую гибкость и дипломатию.

От неудачи с посылкой духовной миссии церковных иерархов в Старицу правительство перешло к политике активного привлечения новгородских служилых помещиков на свою сторону. По дорогам и новгородским пятинам, сообщает Воскресенская летопись, великий князь и его мать «послали встречу к детям боярским»¹⁰⁹. Служилым сначала велено прибыть в Москву, затем «спешити» за князем Иваном Овчиной¹¹⁰. Трудно сказать, сколько новгородских помещиков выступило на стороне правительства.

К Андрею Старицкому пришло около 30 человек. Это известно из Воскресенской летописи, по которой 30 новгородцев за участие в мятеже было повешено «не вместе и до Новгорода»¹¹¹. На сторону правительства стало, вероятно, большее количество служилых людей. После того как новгородцев вызвали в Москву, в тексте официального источника далее следует – «И князь Иван Овчина собрався со многими людьми, пошел за князем Андреем»¹¹².

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁰⁹ Там же. С. 294.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹¹² В Переписке с Курбским Грозный обвиняет своего политического оппонента в том, что его «брат» князь Иван Семенович Ярославский «и иные многие» «от нас были

В 3 верстах от Заяцкого Яма, под Лютовой горой, в 60 верстах от Новгорода, войска И. Ф. Овчины настигли старицкого князя¹¹³. «Повесть» перечисляет московских воевод, возглавлявших войска: «Приидоша на него с Москвы великого князя воеводы князь Иван Федорович Телепнев Оболенского Овчина да князи Роман Иванович Одоевской да князь Дмитрий Иванович Оболенский Шкурлетев, да князь Василий Федорович Оболенский Лопатин, да окольничей Дмитрей Данильевич Слепой, и прочие воеводы»¹¹⁴.

Войска великого князя пытались было атаковать лагерь Андрея с тыла, но находившийся «в сторожах» Иван Борисович Колычев не допустил окружения войск старицкого князя¹¹⁵.

Андрей Старицкий, по сообщению «Повести», был готов принять бой. Новгородская IV летопись поясняет, что при встрече «была стравка людем с обе половины, а падение людем смертного не было»¹¹⁶.

Согласно дипломатической инструкции, «князя Андрея пошед потоптали, и его княгиню и дети и людей всех поймав, привели к великому государю нашему»¹¹⁷.

По «Повести» войска И. Ф. Овчины первыми начали наступление, которое так и не окончилось серьезным сражением. Напротив, по Воскресенской летописи, «Андрей со князем Иваном на бой стал, люди свои вооружил и полки, пошел на князя Ивана»¹¹⁸. В неофициальном источнике И. Ф. Овчина выступает в роли инициатора переговоров с удельным князем. Этим переговорам неизвестный автор «Повести» дал такое объяснение: «Чтобы против великого князя не стоял (удельный князь. – А. Ю.) и крови христианские не пролил, а государь тебя князь великий Иван Васильевич и мать его великая княгиня Елена пожалуют, отпустят тебя на твою отчину невреждимо и твоих бояр, детей боярских»¹¹⁹.

По официальной версии, Андрей Старицкий, увидев при наступлении полки великого князя, не решался дать бой: начал

отступили, а и дяде... приложился». Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства... С. 66.

¹¹³ *Семенов П.* Географически-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. V. С. 286.

¹¹⁴ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 223.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 616.

¹¹⁷ АЗР. Т. II. № 175. С. 231.

¹¹⁸ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 223; ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹¹⁹ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 223–224.

«ссылатися», «у князя Ивана учал правды просити, что его великому князю не поимати и опалы на него великие не положити»¹²⁰.

Как видно, позиции источников противоположны. А. А. Зимин отдавал предпочтение рассказу Воскресенской летописи. «Вряд ли следует принять версию “Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого”, по которой инициатива переговоров приписывается И. Овчине Оболенскому. Сильнейшей стороной в данном случае явились московские воеводы, победа которых в случае вооруженного столкновения была обеспечена»¹²¹.

С точки зрения «здорового смысла» это логично: сильнейшая сторона диктует условия. Но вооруженного столкновения не произошло, и мы не знаем, чем бы оно закончилось. Поэтому здесь вообще удобнее говорить о силе потенциальной, чем реальной.

Позиции источников тенденциозны в разных направлениях. Воскресенская летопись продолжает: «А князю Ивану то от великого князя не наказано, что ему правда дати князю Андрею, и князь Иван, не обославшись с великим князем, да князю Андрею правду дал, да со князем Андреем вместе и на Москву приехал»¹²². Оговорка источника, что Ивану Овчине не было наказано от имени великого князя дать «правду», объясняет до некоторой степени тенденцию источника: официальные круги были более заинтересованы представить дело так, что И. Ф. Овчина без ведома Москвы, от себя лично дал «правду» Андрею, чем прямо сказать, что правительство нарушило обещание. По официальной версии, великий князь и Елена Глинская положили словесную опалу на И. Ф. Овчину за то, «что без их веления князю Андрею правду дал».

Иная позиция в источниках официального и полуофициального происхождения. В «Повести» инициатива переговоров принадлежит И. Ф. Овчине. В день встречи войск на Новгородской дороге (после неудачной для московских воевод «стравки» с войсками Андрея) И. Ф. Овчина обещал старицкому князю, что Елена его пожалует и отпустит «невредимо» в Старицу. Но «того дни не успеха дела в слове положити», приспел вечер и переговоры были отложены. Утром следующего дня московские воеводы «даша правду князю Ивану Васильевичу и матери его великой княгине Елене князя Ондreja Ивановича отпустить на его вотчину и с его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо»¹²³.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹²¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 247.

¹²² ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹²³ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 224.

В «Повести» акцентируется внимание на том, что И. Ф. Овчина *дал правду и крест целовал* от имени великого князя и матери его Елены Глинской.

В официальном источнике традиционная формула обращения ограничена словами «дал правду», и ни слова о целовании креста. Случайно ли? С филологической точки зрения разницы в словосочетаниях «дал правду» и «дал правду и крест целовал» (если их рассматривать вне конкретного текста) нет никакой. Но одно и то же понятие можно определить разными словами и с разным акцентом, особенно если речь идет о конкретном тексте.

В Ростовской летописи об этом находим известие близкое сообщению «Повести»: «...князь Иван Федорович и князь Василий Федорович *обеты великие и всякие правды и крест честный меж себя целоваху*: поехать князю Андрею и на свой удел и служить ему государю великому князю Ивану Васильевичу всея России верою и правдою, и государь князь жалует его как ему бог положит по сердцу»¹²⁴.

Здесь, как и в «Повести», И. Ф. Овчина обещает «всякие правды» Андрею, причем особо подчеркивается, что в торжественной обстановке оба брата, Иван и Василий, «крест честный меж собой целоваху».

В тексте официального источника словосочетание «дал правду» также по сути означает обещание, клятву. Но звучит это приглушенно. Редактор летописи как бы нехотя, против своей воли, сообщает этот факт, тут же делая оговорку, что клятву дал И. Ф. Овчина, а не московское правительство. «Поимание» удельного князя поэтому с точки зрения официальной версии не представляло собой нарушения акта-обещания.

Иную позицию занимает Вологодско-Пермская летопись: «И князь велики и великая княгиня *послали за ним* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) боярина своего князя Микиту Васильевича Оболенского Хромого да боярина же своего конюшего князя Ивана Федоровича Оболенского Телепнева Овчину, *а велел его к себе звати*, чтоб он шел на Москву, а князь великий его пожалует и вотчины ему придасть... И крест князю Ондрею князь Никита и князь Иван Оболенские целовали на том, что его государю великому князю Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене пожаловати и вотчины ему придати, и не двинути его ничем»¹²⁵.

¹²⁴ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 160.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

Вологодско-Пермская летопись прямо указывает на официальное повеление Елены «звати» Андрея в Москву и обещание пожаловать его и «вотчины придати». И. Ф. Овчина – исполнитель воли княгини, а не узурпатор: он выполнял приказ Елены – любыми путями привести князя в Москву. Для этого все средства были хороши: и военная угроза, и анафема православной церкви, и обман, «обещание» личной свободы и сохранение удела в том случае, если он без вооруженной борьбы, с повинной, вернется в Москву.

Неравенства обеих сторон уравнивалось риском поражения московских воевод и готовностью старицкого князя биться до конца. Поэтому потенциальное превосходство войск великого князя решало не все. Сильнейшая сторона, именно потому что она была сильнее, первой предложила условия мира. Такого рода дипломатия была для правительства более пригодным средством, чем открытое сражение, в котором все решали бы случай и личное мужество воинов.

Возвращаясь в Москву, как описывает «Повесть», один из стольников удельного князя Андрея Ивановича – князь Ших Чернятинский, «видев государя своего незгodu», пытался сложить с себя крестное целование, «убоявся поимания от великого князя и не добыша себе поборника никого же»¹²⁶. Около посада Москвы («против Хлыново») князь Ших Чернятинский вторично пытался сложить с себя крестное целование, но уже не князю, а его боярину Ивану Ивановичу Колычеву Умному, «чтобы князю сказал». На этом текст «Повести» обрывается: «Иван же Умной в том слове ему отречеса»¹²⁷.

1 июня мятежники в сопровождении московских воевод прибыли в Москву. По сообщению Вологодско-Пермской летописи, старицкий князь «и на очех у великого князя не был»: его сразу схватили и бросили в тюрьму¹²⁸. Его жену и сына посадили на Берсеневском дворе¹²⁹. Старицких бояр сначала пытали, потом казнили торговой казнью¹³⁰ и после этого посадили в Наугольную

¹²⁶ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 224. О кн. Шихе Чернятинском: Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 182. По всей видимости, Ших Чернятинский не попал в число опальных, так как не упомянут летописью при описании опал. – ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹²⁷ О Колычевых см.: Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 214–221; Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 56–71.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹³⁰ Кроме тех казней, которые упомянуты в летописном тексте (торговая казнь, повешение), миниатюрист Лицевого свода показал также сцену отрубания кистей рук, о чем не сообщает ни один летописный источник (ГИМ. Син. № 962. Л. 41 об.).

стрельницу, «а смертную казнь митрополит отпросил»¹³¹. 30 новгородских же детей боярских, принявших участие в мятеже, повесили на Новгородской дороге «не вместе и до Новгорода»¹³². Казни тянулись до октября¹³³.

Тем и закончился Старицкий мятеж. Недолго прожил в тюрьме Андрей. 10 декабря 1537 г. он умер «страдальческою смертью». Перед тем как похоронить его, пришлось оттирать на теле умершего следы от железных оков. Его положили в усыпальнице великих и удельных князей – Архангельском соборе Московского Кремля, но в том конце, где покоились опальные, рядом с братом Юрием, погибшим в той же тюрьме. Немногим более прожила Елена, скончавшаяся в апреле 1538 г. Бояре, ненавидевшие Овчину Оболенского, заточили его в тюрьму и уморили голодом уже на шестой день после смерти великой княгини. Начался новый этап политической истории Русского государства XVI в. – время боярского правления. На свободу были выпущены Ефросинья Хованская с сыном Владимиром, а также бояре Андрея¹³⁴. Был образован новый Старицкий удел, оказавшийся затем последним уделом на Руси.

Мятеж старицкого князя в мае-июне 1537 г. явился борьбой претендентов за власть в уже едином государстве¹³⁵. В этой схватке за престол решался вопрос о личности государя, а не о судьбе России. Содержание лозунгов Андрея трудно поэтому назвать реакционным или демагогическим. Что бы произошло, если бы новгородцы поддержали Андрея, объединенными силами добились победы над войсками великого князя, заняли Москву и провозгласили Андрея новым великим князем? Оба варианта (поражение удельного князя или его победа) подразумевают один конечный результат – ликвидацию Старицкого удела. В исторической реальности «поимание» удельного князя, его бояр и дворян автоматически привело к упразднению Старицкого княжества. При победе же Андрея вместо малолетнего Ивана IV на троне сидел бы взрослый великий князь. Его удел, естественно, вошел бы в домен. То есть,

Причем при дальнейшей переработке Никоновской летописи с рисунками при составлении так называемой Царственной книги (ГИМ. Син. № 149) этот сюжет был исключен, видимо, как не канонический.

¹³¹ АЗР. Т. II. № 175. С. 321.

¹³² ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹³³ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 616.

¹³⁴ Там же. Т. 34. С. 26.

¹³⁵ Ср.: Носов Н. Е. Социальная борьба и «земское устройство» в России в 30–40-х годах XVI века // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. С. 131–145.

независимо от той или иной личности на московском престоле, исторический процесс уже объективно продиктовал успех слияния русских феодальных уделов в единую Россию.

3 апреля 1538 г. скончалась Елена Глинская. Ничего не преувеличивая, официальная летопись констатировала: «А была после мужа своего великого князя Василия Ивановича всеа Руси с сыном своим с великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси и власть дръжаствовала государством великия Россия четыре лета и четыре месяца того ради, младу бо сущу великому князю Ивану Васильевичу сыну ея...»¹³⁶

Смерть ее в молодом возрасте породила толки и пересуды. С. Герберштейн сообщает, что Елену отравили бояре. Насколько это соответствует действительности – проверить трудно. И все же есть основание сомневаться в этой версии. Иван Грозный ни разу не воспользовался этим более чем удобным предлогом, чтобы еще раз обвинить бояр в злых кознях. Видимо, он сам мало верил слухам о ее насильственной кончине.

За четыре с половиной года ее правления сделано было немало: проведена важнейшая денежная реформа, укреплены южные рубежи государства, возможно, именно в годы ее правления началось проведение губной реформы¹³⁷. Если же говорить о ходе политической борьбы, то и здесь Елена Глинская проявила себя как незаурядный, дальновидный, жесткий и коварный политик. Расправившись с Юрием Дмитровским, Михаилом Глинским, Андреем Старицким, она значительно укрепила режим личной власти, умерев, можно сказать, в апогее своего могущества.

Две смерти – сначала Василия III, затем его жены Елены Глинской – определили отрезок политической истории Русского государства, когда малолетство нового великого князя отразилось на всех сторонах социально-политического процесса. И прежде всего – на характере политической борьбы.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

¹³⁷ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, автор в ходе изучения политической борьбы внутри господствующего класса в годы правления Елены Глинской (1533–1538) пришел к следующим выводам.

Источниковедческое изучение летописных известий о недошедшем завещании Василия III, а также установление путем дипломатического анализа духовных грамот великих князей традиции оформления подобных документов позволили прийти к выводу, что по социальному статусу бояре не могли быть опекунами малолетнего великого князя. В великокняжеских завещаниях они всегда выступали в роли свидетелей. Душеприказчиками могли быть только ближайшие родственники великого князя, социальный статус которых был всегда выше статуса боярина (служебный или удельный князь). Исключение составляли митрополиты. Перед своей смертью Василий III назначил душеприказчиками Елену Глинскую, митрополита Даниила, М. Л. Глинского, Андрея Старицкого. Юрий Дмитровский, по всей видимости, не был упомянут в духовной в числе тех, кому великий князь «приказывал» Ивана IV. Подобный прецедент произошел в начале феодальной войны второй четверти XV в., когда великий князь Василий Дмитриевич не упомянул в завещании своего брата Юрия Галицкого, претендовавшего на великокняжеский трон.

Таким образом, мнение И. И. Смирнова, считавшего, что бояре-опекуны составляли особое «правительство» после смерти Василия III, представляется неверным. Функции бояр-свидетелей не имели прямого отношения к управлению государством. Правительством была Боярская дума во главе с Еленой Глинской. Из числа бояр выдвинулись те, кто затем по различным причинам составил ее ближнюю думу. Разумеется, в Боярской думе существовали разногласия и противоборство кланов. Однако нас интересует не всякое проявление борьбы, а ее генеральное направление, которое вытекало из создавшегося после смерти великого князя положения, когда на престоле оказался Иван IV. С этой точки зрения ход политической борьбы в период правления

Елены Глинской был в определенном смысле запрограммированной структурой политической власти, которую установил в завещании Василий III. Подчиняясь устоявшейся традиции оформления духовных грамот (а не подчиниться ей было нельзя), Василий III создал группу опекунов, состоящую из влиятельных, близких по родству людей, каждый из которых мог претендовать на роль первосоветника при Иване IV.

Естественно, что такой порядок в зародыше таил будущие разногласия. И хотя мать нового великого князя – Елена Глинская имела больше прав, чем кто-либо, тем не менее на ее пути к неограниченной власти стояли душеприказчики, которые так же, как и она, получили право выражать интересы Ивана IV. В этом смысле борьба неизбежно должна была принять характер личного противоборства.

«Поимание» Юрия Дмитровского (через неделю после смерти Василия) – первый акт этой борьбы. Отрешенный от опекунов дмитровский князь стал первой жертвой рвущейся к власти Елены. Впрочем, судьба Юрия была, по всей видимости, решена уже на тех совещаниях, которые проводил Василий III перед смертью с близкими, доверенными лицами. Здесь необходимо подчеркнуть: арест Юрия явился мерой окончательного *исключения* его из числа тех, кто имел право опекать, быть, иначе говоря, – у кормила власти. Представляется недостаточно обоснованным утверждение И. И. Смирнова о том, что Юрий Дмитровский готовил заговор с целью захвата власти. Анализируя противоположные по тенденции официальные версии «поимания» удельного князя, автор пришел к выводу, что однозначно судить о намерениях Юрия после смерти Василия III нельзя.

Кульминационный момент всей политической борьбы в изучаемый период связан с личностью Михаила Львовича Глинского. Возросшая активность Елены, проявившаяся в попытках институционализировать свое первенствующее положение, – вот то «беззаконное» (по выражению А. М. Курбского), против которого негодовал ее дядя¹. Имея не намного меньше прав на роль первого человека в государстве, М. Л. Глинский тем не менее был отеснен не только своей племянницей, но и ее фаворитом – И. Ф. Овчиной Оболенским. Это создало напряженную атмосферу, накалившуюся до апогея к августу 1534 г. Августовские события не укладываются в рамки «заговора»

¹ Сочинения князя Курбского. Т. I. Стб. 285.

М. Л. Глинского против наследника (как считал И. И. Смирнов), напротив, они свидетельствуют, что если и существовал заговор, то против М. Л. Глинского. В работе показано, что о возвышении Елены Глинской свидетельствует появление в летописных источниках, а также в ряде документов формулы регентства, переводящей мать великого князя из советчицы государя в ранг его соправительницы. Удалось также выяснить, что ход политической борьбы и возникновение, развитие формулы регентства взаимосвязаны. Для окончательного закрепления своего положения Елене необходимо было расправиться с дядей-конкурентом. На мой взгляд, рождение самой формулы регентства стало возможным лишь после августовских событий, после падения М. Л. Глинского, которое открыло Елене путь к полновластию.

Эта формула закрепила за Еленой статус *единственной* соправительницы Ивана IV и регентши государства.

К 1536 г. власть правительницы еще более окрепла. Появился личный титул «государыни», который проник как в летописание, так и в некоторые синхронные документы.

Следующий взрыв политической борьбы относится к 1537 г. Запуганный старицкий князь (небеспричинно убоявшийся «поимания») бежал из своей резиденции, подняв открытый мятеж против правительства. Для Елены Глинской это был последний и самый опасный противник. Впервые в борьбе за власть ей пришлось применить войска; ей также впервые оказано хотя и недостаточно активное, но сопротивление. Мятеж старицкого князя был подавлен хитростью и обманом, порожденным страхом. Едва ли прав И. И. Смирнов, полагавший, что Старицкий мятеж явился реакцией удельно-княжеской оппозиции, стремившейся к возврату удельной старины. Это была борьба за власть в уже едином государстве: вне зависимости от исхода поединка между правительством и старицким князем (теоретически допуская «победу» Андрея) ход исторического развития России уже нельзя было остановить, его нельзя было повернуть вспять. Борьба решала не судьбу России, а личность великого князя.

Автором были изучены все имеющиеся в нашем распоряжении как нарративные, так и документальные источники о мятеже старицкого князя. В ходе исследования выяснилось, что официальная Воскресенская летопись, которой пользовались историки как основным источником при описании хода мятежа, искажает последовательность событий «поимания» Андрея

Старицкого для того, чтобы снять ответственность с правительства Елены Глинской случившееся. Сравнительный анализ источников показал, что точнее описывает событие мятежа неофициальная «Повесть о поимании Андрея Ивановича Старицкого», тенденция которой сводилась к оправданию старицкого князя. Автором показано также, как официальное отношение к удельному князю менялось от огульных обвинений – к оправданию.

Итак, политическая борьба внутри господствующего класса в годы правления Елены Глинской происходила, условно говоря, на разных уровнях. На первом плане было соперничество душеприказчиков, а если говорить точнее – возвышение Елены, ее активная борьба с опекунами, теми, кто, независимо от побуждений и действий, олицетворял потенциальную оппозицию, был помехой на ее пути к полновластию. Второй план был связан с противоборством боярских кланов – неизбежным спутником иерархического феодального общества. Оба уровня оказались тесно взаимосвязанными. Со смертью Елены Глинской в апреле 1538 г. завершился именно этап политической борьбы. Во время боярского правления (1533–1538) на первый план выступала уже борьба боярских кланов.

И. И. Смирнов оспаривал мнение С. Ф. Платонова, считавшего, что в политической борьбе времени правления Елены Глинской не было принципиальных оснований для боярской взаимной вражды и поэтому сама эта вражда сводилась к личным конфликтам. И. И. Смирнов исходил из противоположной посылки. «То, что в интерпретации Платонова выглядит как простая случайность, – следствие индивидуальных качеств характеров нескольких “дворцовых вельмож”, – в действительности, – писал он, – являлось формой политической борьбы. Политическая реакция 30–40-х гг. XVI в., направленная против самодержавия московских государей, закономерно проявила себя в разрушении государственного аппарата складывающегося централизованного государства. Боярский произвол и смута и были формой, в которой осуществлялось разрушение централизованного аппарата власти в направлении восстановления феодальной раздробленности удельных времен. Поэтому беспорядочная и хаотическая на первый взгляд смена власти отдельных боярских группировок сама по себе является одним из характерных моментов периода боярского правления»².

² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 27.

В споре высказаны были крайние суждения, каждое из которых содержит рациональное зерно. Следует подчеркнуть, что политической борьбе внутри господствующего класса (в Средневековье) было присуще диалектическое сочетание двух компонентов: личностного и кланового противоборства. Нельзя сказать, что период правления Елены Глинской, в которой преобладающей формой политической борьбы была борьба личная, между опекунами, сменился временем борьбы группировок, и только (как представлял себе боярское правление И. И. Смирнов). Между двумя периодами политической борьбы не может быть китайской стены, разделяющей их на противоположности, ибо ни один из вышеупомянутых компонентов никогда не исчезает полностью.

Изучение характера политической борьбы в годы боярского правления – задача будущего.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отражение политической борьбы в памятнике архитектуры (Борисоглебский собор в Старице)

Борисоглебский собор в Старице, один из немногих памятников шатрового зодчества, к сожалению, не уцелел. Построенный в 1561 г., он был разобран из-за ветхости в 1803 г.¹

Не много известно о нем: опубликованный в середине XIX в. акварельный рисунок собора², план раскопок, проведенных в начале XX в. археологами-любителями³, отдельные обломки «ле-тописи» – изразцовой надписи, которая в XVI в. опоясывала храм с фасадной стороны, и некоторые другие материалы.

Изразцовой надписи, породившей не только ученые споры, но также легенды, посвящена настоящая работа. Впервые о Борисоглебском соборе сообщил в 1857 г. И. М. Снегирев в журнале «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», в котором и были опубликованы упомянутый уже акварельный рисунок и скопированная (кем и когда, неизвестно) храмовоздательная надпись.

Эти материалы поступили в журнал от известного знатока древностей – А. Г. Головина, которому, в свою очередь, они были переданы старицким старожилом Г. Веревкиным.

Храмовоздательная надпись дефектна. И это неудивительно. Уже в 1765 г. на запрос Тверской духовной консистории: кем и когда был построен Борисоглебский собор, архимандрит старицкого Успенского монастыря отвечал: «Начата оная (церковь. – А. Ю.)

¹ *Жизневский А.* Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году. Тверь, 1888. С. 5.

² *Снегирев И. М.* Борисоглебский собор в Старице. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1857. С. 28–33.

³ *Крылов И. П.* Археологические раскопки в бывшем Старицком Кремле, произведенные в 1903 году. Старица, 1907; *Он же.* Старица и его достопримечательности. 2-е изд. Старица, 1915; *Он же.* Материалы для истории г. Старицы Тверской губернии. Старица, 1905. Т. I. Вып. 1.

строиться от сотворения мира 7066 года, а совершена в 7069 г., а кем построена, о том неизвестно потому, что она надпись за древностью вывалилась и только одна она летопись с полуденной страны видна»⁴. Далее архимандрит делал вывод, на который следует обратить внимание, так как он явился первым (и, увы, не последним) заблуждением относительно того, кто строил этот собор: «А грамот никаких и других кроме вышеописанной на стенах надписей, при оной соборной церкви не имеется. А по справке со Старицкою воеводскою канцеляриею оказалось: она церковь строение блаженные памяти Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича всея России»⁵.

Приведем же текст самой храмоздательной надписи: «Лета 7066, июля... дня зачат бысть сей храм в городе Старице святых Страстотерпцев Христовых, князей Русских и обоюбратий по плоти Бориса и Глеба, нареченных во святом крещении Романа и Давида, при державе благоверного Государя, Царя и Великого князя Ивана Васильевича и при Великом князе... Васильевиче⁶ и Федоре Ивановиче всея Руси и при приосвященном митрополите⁷... Тверском⁸... и отделася сия святая церковь в лето 7068 и освящена... Великих Страстотерпцев и Русских князей Бориса и Глеба и Святого чудотворца Николая Великорецкого, родителем на поминование и в память прочим родом, и сему граду на украшение и на утверждение, от противных супостатов и всем христианам на спасение»⁹.

Итак, архимандрит Успенского монастыря, основываясь на справке из воеводской канцелярии, считал, что инициатором строительства Борисоглебского собора был сам царь Иван IV. Это мнение утвердилось и в науке. В уже упомянутой «Русской старине...» И. М. Снегирев писал: «В сооружении сего величественного храма, без сомнения, участвовал царь Иван Васильевич,

⁴ *Жизневский А.* Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г. С. 67.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Юрий Васильевич, младший брат Ивана IV (род. 30.X.1533 г., ум. 24.X.1563 г.); в тексте пропущен старший сын Ивана IV – Иван Иванович (род. 28.III.1554 г., ум. 19.XI.1582 г.).

⁷ Митрополит Макарий (ум. 31.XII.1563 г.).

⁸ Тверским епископом в это время был Акакий (ум. 14.I.1567 г. в Москве). См.: *Строве П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 442.

⁹ *Снегирев И. М.* Борисоглебский собор в Старице. С. 30. То, что текст надписи, сохранившейся в копии, совпадает по содержанию с ответом архимандрита на запрос консистории, а также имеющиеся пробелы в надписи, определенно свидетельствуют в пользу ее достоверности.

часто посещавший Старицу и долго в ней живший, особенно во все продолжение войны со Стефаном Баторием»¹⁰. В крайне путаной статье Л. Даля, посвященной разбору опубликованных в «Русской старине» материалов, инициатива в строительстве храма вообще приписывалась «великому князю Юрию»¹¹. А. Жизневский, посвятивший свою работу изразцам старицкого собора, весьма убедительно опроверг мнение Л. Даля о том, что надпись «по языку и правописанию признается сделанной в конце XVIII в.», блестяще доказав, что она синхронна построенному в 1561 г. собору¹². Он, как и Снегирев, полагал, что храм построил Иван IV. Проводивший археологические раскопки в старицком городище И. Н. Крылов был также согласен со своими предшественниками.

Подобную трактовку наследовало и советское искусствоведение. В капитальном труде Н. Н. Воронина, посвященном истории русской архитектуры, инициатором строительства собора называется Иван IV¹³. В монографии, специально посвященной шатровому зодчеству на Руси, М. А. Ильин, анализируя идейное содержание Борисоглебского собора, писал: «...сопоставление (собора. – А. Ю.) с шатровыми храмами дает нам все права включить его в группу самых прославленных произведений грозненского времени, начиная от церкви в Дьякове и кончая Василием Блаженным. Изразцовая надпись – «летопись» при всей ее фрагментарности свидетельствует, что перед нами храм-памятник, построенный в честь взятия Казани и окончательной ликвидации татарского ига. Так же как и у его предшественников, весь его смысл, вся сила его художественно-образного языка были сосредоточены на его внешнем облике... Совершенно закономерно возникает вопрос об идейном содержании внутреннего пространственного построения Борисоглебского собора. Однако на этот вопрос мы пока ответа не находим. Но идейно-образное содержание несомненно существовало. Об этом свидетельствуют высказанные предположения о характере размещения системы окон и освещения собора внутри. Угроза, заключенная в последних словах изразцовой надписи, по существу, мало что дает. Единственно, что можно уловить в них, – это предостережение старицкому князю Владимиру Андреевичу там, где говорится о возведенном

¹⁰ Снегирев И. М. Борисоглебский собор в Старице. С. 31.

¹¹ Даль Л. Борисоглебский собор в г. Старице // Зодчий. 1878. Март. № 3. С. 27.

¹² Жизневский А. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г. С. 68.

¹³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2. С. 376.

храме как об «утверждении от противных супостатов», которым не следует забывать о карающей силе «государя и великого князя Ивана Васильевича»¹⁴.

Общепринятое мнение, что царь Иван IV был инициатором строительства Борисоглебского собора, основано на утверждении храмоздательной надписи: «Зачат... при державе благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича...» Однако в те годы, когда строился собор (1558–1561), Старица являлась еще центром удельного княжества, принадлежавшего Владимиру Андреевичу¹⁵. Первый земельный обмен Ивана IV с удельным князем произошел в 1563 г., но и после него Старица еще оставалась в руках удельного князя. Второй и последний обмен состоялся в марте 1566 г., когда Владимир Андреевич лишился Старицы и Вереи, получив взамен Дмитров и Звенигород¹⁶.

Как же объяснить текст надписи, гласящей, что собор строился «при державе» Ивана IV? «Зачат... при державе...» – означает, что храм строился не по повелению Ивана IV, а во время его правления. Для тех соборов, которые действительно строились по указу царя, существовала совершенно другая формула храмоздательной надписи. Например, в надписи на соборе Покрова «что на рву», построенном, как уточняет И. Яковлев, в 1561 г., читаем: «Божиим благоволением и пречистыя богородица милостию и всех святых молитвами повелением благочестивого царя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержица и при его благородных чадах при царевиче Иване и при царевиче Федоре по благословению Макария митрополита всея Руси совершена бысть святая сия церковь...»¹⁷

В приведенной выше надписи делается различие между тем, по чьему «повелению» и «при» ком строился храм. В данном случае он был создан «при» чадах Ивана IV: Иване и Федоре. Предлог «при», как и в словосочетании «при державе», означает, что создание храма поставлено в определенные хронологические рамки. Указанные элементы являлись обязательными для творений той эпохи. Так, в конце Трефология 1519 г. помещена опубликованная Ю. Л. Рыковым надпись известного книгописца

¹⁴ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980. С. 95–96.

¹⁵ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 260–306.

¹⁶ ДДГ. С. 420–426.

¹⁷ Яковлев И. О дате окончания строительства Покровского собора // Ежегодник Государственного исторического музея за 1961 год. М., 1962. С. 116–117.

Сидора: «Написана бысть сиа книга в городе Вязьме в селе Новом великого князя подклетном, стоянием Рождества Христова соборной церкви великого князя ружной *при дрѣженъи великого князя Василя Ивановича всея Руси*, а *наймом* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) Ивана Григорьевича Годунова в лето 7027-го на память святого отца нашего Офанасия Офонского месяца июля 5 день». За этой записью следует другая: «В лета 7027 списана бысть книги сия, рекомы Трефолой, месяца июля 5 день во 3 час дни на память святого отца нашего Офанасия Афоньского *при благоверном христоролюбивом великом князе Василье Ивановиче всея Руси* во 18 лето царства его, при архиепископе нашем Варламе, митрополите всея Руси, в богохранимом граде в Вязьме, в селе в Новом великого князя подклетном, *строением и попечением, и повелением* господина моего Ивана Григорьевича Годунова»¹⁸.

В изучаемой храмосздательной надписи из-за ее дефектности сохранился один элемент «при державе» и не сохранился другой – по чьему «повелению» собор был построен. Именно это обстоятельство ввело в заблуждение дореволюционных и советских искусствоведов. В действительности же Иван IV не имел ни права, ни возможности в 1558–1561 гг. строить храм в чужом уделе. Инициатором строительства мог быть лишь старицкий князь Владимир Андреевич. Утверждая это, нельзя обойти стороной естественный вопрос: как теперь объяснить идейно-образное значение храма?

Обратимся к тексту храмосздательной надписи. По ней построенный собор посвящен очень популярным на Руси святым: Борису и Глебу. Едва ли уместно здесь подробно останавливаться на истории этого культа, восходящей ко временам междоусобной борьбы XII в. Недавно Н. С. Борисов в работе, посвященной датированным летописным известиям XIV–XV вв., показал, что культовое строительство имело не только каноническое значение, но и «мирское». Собор Михаила Архангела, второй по значению храм Москвы, был освящен в Кремле 20 сентября 1333 г. «Выбор этого дня, – пишет исследователь, – глубоко символичен. В этот день отмечалась память Михаила Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. за отказ поклониться местным святыням. Имя этого князя символизировало готовность к самопожертвованию, непокорность Орде. Освящение собора в день его памяти означало

¹⁸ Рыков Ю. Д. Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмою в первой трети XVI века // Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Записки. М., 1977. Вып. 38. С. 143.

поминование погибших от рук ордынцев и обещание отомстить за них»¹⁹.

Не только в культовом строительстве, но и в обыденном сознании людей того времени религиозные символы играли большую роль. «Дважды – в 1340 и 1342 г. – князь Семен Гордый отправлялся в опасное путешествие в Орду в один и тот же день – 2 мая, в день Бориса и Глеба, “святых покровителей” русских князей. Дмитрий Донской в 1371 г. поехал в Орду 15 июля, в день памяти своего святого предка, князя Владимира I Святославовича. В 1432 г. Василий II и Юрий Звенигородский, уезжая в Орду для решения династического спора, следуя давней семейной традиции, уповали на помощь Богородицы...»²⁰

Что же олицетворял собор, посвященный «святым» Борису и Глебу? Ведь символика этого культа многоаспектна. Борис и Глеб – князья – покровители династий Рюриковичей; они – князья-воины; наконец, князья-мученики, «страстотерпцы». Борис и Глеб повиновались старшему брату, хотя знали о его коварстве, и погибли; Святополк же стал великим князем. Культ этих «святых» символизировал осуждение братоубийственной междоусобицы. Материалы археологических раскопок, проведенных в начале XX в., показали, что у Борисоглебского собора не было предшественников, скажем, деревянной церкви, посвященной тем же святым²¹. Значит инициатива такого посвящения полностью исходила от Владимира Андреевича.

Вернемся вновь к надписям. Борисоглебский собор был создан «родителем (Владимира Андреевича. – А. Ю.) на поминование и в память прочим родом...». Что это значит? Ефросинья Хованская, мать Владимира, была еще жива. Отец же Владимира, Андрей Иванович, в 1537 г. поднял открытый мятеж против правительства Елены Глинской, когда Ивану IV было всего семь лет. Как известно, мятеж кончился трагично для отца Владимира – арестом, смертью в тюрьме и содержанием под стражей его семьи²².

Чрезвычайный интерес представляет одна знаменательная параллель. Освящение Борисоглебского собора в Старице произошло 2 мая 1561 г.²³, а двадцатью четырьмя годами ранее,

¹⁹ Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // ИСССР. 1983. № 4. С. 127.

²⁰ Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV вв. С. 130.

²¹ Крылов И. П. Археологические раскопки в бывшем Старицком Кремле... С. 26–27.

²² Подробнее см.: Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // ВИ. 1985. № 2. С. 100–110.

²³ Праздник «памяти» Бориса и Глеба отмечался дважды в году: 24 июля и 2 мая как день перенесения мощей.

в тот же праздник «памяти» Бориса и Глеба (2 мая 1537 г.), произошел отъезд Андрея из своей резиденции, явившийся первым днем Старицкого мятежа. Не это ли имел в виду Владимир, посвящая храм Борису и Глебу? Конечно же, вряд ли Владимир что-нибудь помнил о событиях мая-июня 1537 г. Тогда ему было немногим более трех лет. Но то, что его отец бежал из Старицы на праздник «святых» Бориса и Глеба, он наверняка знал от своей матери – Ефросиньи Хованской. Верно отметил Н. С. Борисов: «Два годичных круга – круг реальной жизни и круг церковного календаря – месяцеслова совмещались в сознании древнерусского книжника»²⁴. Добавим – не только в сознании книжника, но всякого человека той эпохи.

Вряд ли случайно Андрей Старицкий бежал именно 2 мая. По всей видимости, этой своей акцией он хотел придать определенный смысл, намекая, что он не хочет повторить злополучную судьбу князей-мучеников. Также сомнительно, что Владимир посвятил собор Борису и Глебу, не зная и не имея в виду судьбу своего отца, тем более что фраза храмоздательной надписи определенно указывала на родителя. Но почему все-таки «на поминавание родителем»? Ведь была же еще жива Ефросинья Хованская!

Обратимся к прекрасным образцам художественного шитья мастерской князей Старицких. Наиболее раннее произведение – «воздух большой», или плащаница, хранившаяся в Иосифо-Волоколамском монастыре, относится к 1558 г.²⁵ Напомним, что в этот же год произошла закладка храма в Старице. В монастырской описи XVII в. об этой плащанице сказано: «Дание благоверные княгини Ефросинии и сына ея князя Владимира, внука великого князя Ивана Васильевича всея Руси 7066 году»²⁶. В этой описи зафиксировано кратко то, что было вышито на самой плащанице. Другая плащаница была подарена старицким князем в Троице-Сергиев монастырь в 1561 г. – в том же году был освящен Борисоглебский собор. На плащанице вышит следующий текст: «Ле 7069 го благодатию святаго духа святые и живоначальные Троица и пречистые ег богоматере и молитвою преподобного отца нашего Сергия при благочтивом цари великом князе Иване Васильевичи всея Русеи преосщенном митрополите Макарии зделан бысть сии воздух в дом святые живоначальные Троица

²⁴ Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV вв. С. 124.

²⁵ Маясова Н. А. Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщение Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Т. Вып. III. С. 47.

²⁶ Там же.

повелением благоверного государя князя Владимира Андреевича *внука великого князя Ивана Васильевича правнука великаго князя Василя Васильевича Темнаго* и благоверных его матери княж Андреевы Иванович княгини Еуфросини дан сии воздух на честь и на поклонение всем православным христианом и *на воспоминание последнему роду* в вечный поминоку по свои душам и во веки аминь»²⁷.

Итак, если соотнести храмоздательную надпись с текстами на плащаницах, сделанных в мастерской Ефросиньи Хованской, то можно определить, кого же имел в виду Владимир Андреевич, строя храм «на поминование родителем». Это прежде всего – его отец – Андрей Старицкий; далее идут не просто «родители», а великие князья (мужская линия), правившие государством: Василий II Темный, Иван III. Такой выбор «родителей» не случаен, как не случайно и то, что в надписи на плащанице, подаренной в Троице-Сергиев монастырь в 1561 г., употреблена необычная для удельного князя формула: «Повелением благоверного государя князя Владимира Андреевича...» А. А. Зимин, анализируя тексты на плащаницах, писал: «Напоминая таким образом о своем происхождении от великих князей Василия II и Ивана III, старицкий князь тем самым недвусмысленно заявлял свои права на наследование московским престолом: он, так же как и Иван IV, был внуком Ивана III, а прецедент коронации внука великого князя существовал уже с 1498 г.»²⁸ Если в плащаницах Владимир Андреевич намекал на свое происхождение от великих князей, заявляя свои права на престол, то, посвящая собор святым Борису и Глебу, он создавал памятник, олицетворяющий не только одну из основных христианских добродетелей – покорность, но и символизирующий (от противного), что эта добродетель в «родителях» Владимира Андреевича.

И в мотиве покорности есть нечто *вызывающее*, ибо клятвопреступник Святополк, убив братьев, стал великим князем. Напрашивается параллель: Андрей Старицкий погиб в 1537 г., обманутый крестоцелованием И. Ф. Овчины Оболенского, который, по всей видимости, получил на это разрешение от самой Елены Глинской²⁹.

Вполне допустимо, что Владимир Андреевич мог и не знать всех подробностей Старицкого мятежа. Но весьма активную роль во всех делах удельного князя играла его мать – Ефросинья

²⁷ *Маясова Н. А.* Мастерская художественного шитья князей Старицких. С. 51.

²⁸ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 104.

²⁹ *Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж. С. 109.

Хованская, которая вряд ли забыла 1537 г. Ведь не случайно в апрельской крестоцеловальной записи 1554 г., взятой с Владимира Андреевича, особо оговаривается пункт, согласно которому удельный князь обязывался донести великому князю на свою мать, если она начнет «умышлять какое-либо лихо»³⁰. В июне 1563 г. великий князь «положил... гнев свои» на Ефросинью Хованскую и Владимира Андреевича, получив из Старицы донос от дьяка Савлука Иванова, который писал, что «княгини Офросиния и сын ее князь Владимир многие неправды ко царю и великому князю чинят...»³¹. К сожалению, неизвестно, какие именно «неправды» перечислил Савлук. Закончилось дело тем, что Ефросинью постригли в монахини и удалили от сына, отправив в дальний монастырь; наиболее же преданных старицкому князю людей перевели в государев двор³².

Возвращаясь к символике Борисоглебского собора, необходимо остановиться на отношении великокняжеской власти к личности Андрея Старицкого. Первое официальное сообщение об удельном князе после мятежа появилось через две недели после его смерти в тюрьме. 23 декабря 1537 г. русский гонец Савин Ослабьев-Емельянов был отправлен в Великое княжество Литовское. Ему была дана инструкция, что отвечать о судьбе удельного князя. Вся вина за случившееся в мае-июне 1537 г. возлагалась в этой «памяти» только на Андрея: «...и он государю нашему учал великие неправды делати, и умышляти учал на самого государя и под ним государств достати»³³. Меняется тенденция в Воскресенской летописи редакции 1542–1544 гг.³⁴ Уже не Андрей (хотя и он отчасти виноват), а неизвестные «лихие люди», рассорившие удельного князя с правительством Елены Глинской, стали главными виновниками «замятни». В Летописце начала царства редакции 1553–1555 гг.³⁵ обвинения против удельного князя еще более смягчены по сравнению с рассказом Воскресенской летописи. Сообщая о смерти Андрея Старицкого, Летописец сочувственно констатирует: «Того же месяца 10, с понедельника против вторника к 7 час ночи преставился князь Ондрей Иванович в нуже

³⁰ *Альшиц Д. Н.* Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // ИСССР. 1959. № 4. С. 147–155.

³¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 321.

³² *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 105.

³³ АЗР. Т. II. № 175. С. 321.

³⁴ *Левина С. А.* Воскресенская летопись XVI в. С. 402–407; *Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж. С. 103–110.

³⁵ *Зимин А. А.* Пересветов и его современники. С. 29–41.

страдальческой смертью... а положен во Архангеле на Москве, идеже лежат великий князи»³⁶. Несколько ранее, в царском «рукописании» для собора 1551 г., Иван IV писал: «Яко помрачени умом, дерзнули поимати и скончати братию отца моего. И егда хочу воспомянути нужную их смерть и немилостливое мучение, весь слезами разливаюся и в покаяние прихожу и прощения прошу за юность и неведение»³⁷.

В посланиях Андрею Курбскому Иван Грозный находит оправдание удельному князю, обвиняя в изменах бояр. «Ино то ли тех доброхотство, которых ты хвалишь? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели убить, а дядю воцарити?» – спрашивает Грозный своего политического оппонента. И сам отвечает. По мысли царя, не «лихие люди» были виновниками «мятежа» и не удельный князь, поверивший речам этих лихих людей, а бояре – вечные «изменники» государей³⁸.

«Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменники на нас поьяша, и с теми изменники пошел был к Новугороду... и те в те поры от нас отступили и приложилися к дяде нашему ко князю Андрею»³⁹.

Во втором послании Курбскому Грозный еще более усиливает мотив невинности Андрея Старицкого, демагогично заявляя: «Что ваши ж дяди и господины отца его уморили в тюрьме, а его и с матерью тако ж держали в тюрьме. И его и мать от того свободил и держал во чти урядстве; а он был уже от тово и отшол»⁴⁰.

Как видно, отношение к Андрею Старицкому со стороны официальных кругов менялось. Выпады против претензий старицкого князя и лично против него в тридцатых-сороковых годах сменились в пятидесятых сочувственным отношением к его трагической судьбе, а в шестидесятые наступила реабилитация «дяди» царя и великого князя Ивана Васильевича, возникла другая крайность – резкие выпады против бояр-«изменников».

И все же одно дело демагогическая ложь Ивана IV («И его и мать от того освободил и держал во чти урядстве; а он был уже от тово и отшол») и совсем другое – позиция Владимира Андреевича, видевшего в судьбе своего отца повторение истории, восходящей к Борису и Глебу. И в этом смысле храм стал своего рода

³⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 31.

³⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. II. С. 263.

³⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76.

³⁹ Там же. С. 27.

⁴⁰ Там же. С. 104.

памятником отношений старицких князей с великокняжеской властью⁴¹. Памятником-угрозой, памятником, возвеличивающим «родителей» удельного князя: Василия II, Ивана III, Андрея Старицкого. Иван Грозный как будто с кем-то спорил, когда, отвечая Курбскому, полемически спрашивал: «А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертово уделново родилься. Что его достоинство к государству, которое его *поколение*, развеет ваши измены к нему, да его дурости? Что моя вина перед ним?»⁴² Может быть, он спорил с удельным князем?

Обратим внимание еще на одну параллель. Старицкий храм строился с 1558 по 1561 г. В это же время, с 1555 по 1561 г., шло строительство собора Покрова «что на рву», который символизировал могущество царской власти, ее победную поступь в борьбе с «нехристями». Два собора, два символа, два центра. Не было ли здесь соперничества? Соперничества молчаливого и глубоко символического. Не воплотился ли в этих творениях тот вероятный «спор», о котором упомянуто выше?

Думается, что история Старицкого храма задаст нам еще не один такой вопрос.

⁴¹ В конце надписи упоминаются «супостаты». Как уже говорилось выше, Ильин считал, что в последних словах надписи была заключена угроза Владимиру Андреевичу, которому «не следует забывать о карающей силе государя и великого князя Ивана Васильевича». При новом прочтении надписи эта гипотеза отпадает. Вероятно, речь шла о внешних врагах, тем более что Владимир Андреевич был участником Казанского похода.

⁴² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 104.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи имп. Археографическою комиссиею.

АЕ – Археографический ежегодник (ежегодник).

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АИ – Акты исторические, созданные и изданные Императорской Археографическою комиссиею.

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. I; Ч. II; Ч. III.

ВИ – Вопросы истории (журнал).

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины (ежегодник).

ВЛ – Воскресенская летопись.

ВПЛ – Вологодско-Пермская летопись.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным имп. Археографическою комиссиею.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ИЗ – Исторические записки (Труды Института истории АН СССР, затем Института истории СССР АН СССР, в настоящее время – Института российской истории РАН).

ИСССР – История СССР (позже Отечественная история, в настоящее время Российская история) (журнал).

ЛНЦ – Летописец начала царства.

НIV – Новгородская IV летопись.

ПДС – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. 1487–1533; Т. II. 1533–1560.

ПЛ – Псковские летописи. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. Вып. 1; 1955. Вып. 2.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Сб. РИО – Сборник имп. Русского исторического общества.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I; 1819. Ч. II.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (в настоящее время Российский государственный архив древних актов, РГАДА). .

ЧОИДР – Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

УЗ – Ученые записки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13.

Маркс К. Национализация земли // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 18. С. 54–57.

Ленин В. И. Что такое дружба народа и как они воюют против социал-демократов? // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. I. С. 125–346.

Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 303–348.

Ленин В. И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 15. С. 127–160.

Ленин В. И. Левонародничество и марксизм // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 25. С. 235–237.

Ленин В. И. Статистика и социология // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 349–356.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 435–453.

Источники

Акты исторические, созданные и изданные имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. 1334–1598. 614 с.

Акты Литовско-Русского государства. М., 1900. Вып. 1.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. II. 1506–1544. 446 с.

Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. 420 с.

Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский; Доп. и подгот. к печати Р. В. Бархурина, И. А. Булыгин, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов, Л. В. Мильготина, В. Д. Назаров, Л. А. Никитина. М.: Наука, 1975. 403 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1836. Т. I. 1294–1598 гг. 548 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М.: Изд. АН СССР, 1952. Т. I / Сост. С. Б. Веселовский. Подгот. к печ. И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин. 804 с.; 1958; Т. II / Сост. И. А. Голубцов. 727 с.; М.: Наука, 1964; Т. III / Сост. И. А. Голубцов. 687 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М.: Изд. АН СССР, 1951. Ч. I / Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. 400 с.; 1956; Ч. II / Подг. к печ. А. А. Зимин. 663 с.; 1961; Ч. III / Сост. Л. В. Черепнин. 443 с.

Герберштейн С. Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примеч. А. И. Малеина. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908. 445 с.

Государственный исторический музей (ГИМ). Син. № 962.

Государственный исторический музей (ГИМ). Син. № 149.

Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / Подгот. текста и комментарии А. А. Зимина. М.: Изд. Ин-та истории СССР АН СССР, 1978. Вып. 1–3. 631 с.

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным имп. Археографической комиссиею. СПб., 1846. Т. I. 446 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 587 с.

Новгородские летописи. СПб.: Тип. Имп. АН, 1879. 488 с.

Описи царского архива XIV в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. Ящик 27. С. 21.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. 1487–1533 // Сб. Рус. имп. ист. о-ва. СПб.: Тип. Катанского, 1882. Т. 35. 992 с.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II. 1533–1560 // Сб. РИО. СПб.: Тип. Елеонского, 1887. Т. 59. 616 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.; Л.: Наука, 1979. М.: Наука, 1981. 431 с.

Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачева. СПб.: Изд. Рус. геогр. о-ва, 1872. Ч. I. Писцовые книги XVI века. Отд-ние 1. Местности губерний Московской, Владимирской, Костромской. 924 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. Новгородские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1841. 308 с.

Полное собрание русских летописей. Л.: Изд. РАН, 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Новгородская четвертая летопись. 686 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Праца, 1853. Т. 6. Софийская вторая летопись. 359 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Праца, 1859. Т. 8. Воскресенская летопись. 301 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Скороходова, 1901. Т. 12. Патриаршая летопись. 266 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Скороходова, 1904. Т. 13. Никоновская летопись. 302 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Александрова, 1914. Т. 20. Ч. 2. Львовская вторая летопись. 686 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Александров, 1913. Т. 21. Ч. 1. Книга Степенная царского родословия. 708 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Александрова, 1911. Т. 22. Хронограф редакции 1512 г. 568 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Александрова, 1910. Т. 23. Ермолинская летопись. 239 с.

Полное собрание русских летописей. Пг.: Вторая гос. тип., 1921. Т. 24. Типографская летопись. 271 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. 25. Московский летописный свод 1479 г. 463 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. 412 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. Т. 27. Никаноровская летопись. 418 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т. 28. Летописный свод 1497 г. 410 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 29. Летописец начала царства. 389 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 30. Новгородская II архивная летопись. 239 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1975. Т. 32. Хроника Литовская и Жемойтская. 233 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. Постниковский летописец, Пискаревский летописец. 303 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980. Т. 35. Евреиновская летопись, Супральская летопись. 305 с.

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1793. Ч. VIII. 336 с.

Псковские летописи. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Насонова. 148 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред. В. И. Буганова; Ин-т истории СССР АН СССР. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2; 1978. Ч. 3; 1981. Т. II. Ч. 1. 219 с.

Разрядная книга 1559–1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина; Под ред. В. И. Буганова; Ин-т истории СССР АН СССР. М., 1974. 436 с.

Редкие источники по истории России / Ин-т истории АН СССР. М., 1972; 2: Новые родословные книги XVI в. / Сост. М. Е. Бычкова. 186 с.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. М.: Тип. Новикова, 1787. Ч. I. 352 с.; Ч. II. 453 с.

Российское законодательство X–XX веков. М.: Наука, 1985. Т. II. 519 с.

Сборник Муханова. 2-е изд. СПб.: Тип. Праца, 1866. 719 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Селиванского, 1813. Ч. I. 665 с.

Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные / Подгот. Г. З. Кунцевич // Русская историческая библиотека. СПб.: Тип. Александрова, 1914. Т. XXXI. 464 стб.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Д. 8, 9.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 375. Оп. 1. 1537. Д. 1.

Литература

Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. 1947. Кн. 23. С. 251–289.

Альшиц Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Сб. науч. работ. 1957. Т. 1 (4). С. 119–146.

Альшиц Д. Н. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // История СССР. 1959. № 4. С. 147–155.

Альшиц Д. Н. Об официальном характере «Книги Разрядной великих князей и государей московских...» // Археографический ежегодник за 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 62–68.

Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки. 1948. Кн. 25. С. 266–292.

Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения лицевого свода Ивана Грозного // АН СССР. Библиотека. Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 6–36.

Андреева Л. Е. Феодалное землевладение в XVI в. в Дмитровском уезде: Дипломная работа, защищенная в МГПИ им. В. И. Ленина (машинопись). М., 1976. 423 с.

Арциховский А. Е. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд. МГУ, 1944. 213 с.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М.: Изд. МГУ, 1952. 544 с.

Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № II. С. 65–90.

Бахрушин С. В. Иван Грозный. М.: Госполитиздат, 1942. 73 с.

Бахрушин С. В. Классовая борьба в русских городах XVI – начала XVII века // Научные труды. М.; Л., 1952. Т. I. С. 204–236.

Белокуров С. А. О приездах в Москву и приемах здесь казанского царя Шиг-Алея в 1552, 1558, 1562 и 1564 годах // ЧОИДР. 1889. Кн. 4. Отд. 5. С. 1–8.

Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб.: Тип. Кожанчикова, 1885. Вып. I. Т. 2. 319 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с.

Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 125–129.

Бычкова М. Е. Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство в феодальной России. М., 1975. С. 133–140.

Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Записки. М., 1977. Вып. 38. С. 104–125.

Бычкова М. Е. Русско-литовские политические контакты XV – начала XVI вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 135–147.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд. АН СССР, 1963. 539 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.

Веселовский С. Б. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 57–69.

Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. 1947. Т. 22. С. 101–131.

Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922. 116 с. (2-е изд. Ташкент, 1942).

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд. АН СССР, 1962. Т. 2. 586 с.

Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 329–357.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИЗ, 1956. Т. III.

Даль Л. Борисоглебский собор в г. Старице // Зодчий. 1878. Март. № 3. С. 26–29.

Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников? // Русская литература. Л., 1970. № 2. С. 219–224.

Жизневский А. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году. Тверь: Тип. Савельева, 1888. 45 с.

Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М.: Тип. МГУ, 1881. 686 с.

Зимин А. А. В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 75–90.

Зимин А. А., В. И. Ленин о «московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 270–293.

Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1973. Т. V. С. 182–195.

Зимин А. А. Доктор Николай Булев – публицист и ученый медик // *Исследования и материалы по древнерусской литературе*. М., 1961. С. 78–86.

Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // *Исторические записки*. М., 1971. Т. 87. С. 219–286.

Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // *Ученые записки / Каз. пед. ин-т. Казань*, 1970. Вып. 80. С. 141–163.

Зимин А. А. Проблемы России XVI века в свете ленинской концепции истории русского феодализма // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 317–329.

Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги // *Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.*, 1957. Т. 13. С. 225–230.

Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // *Исторические записки*. 1979. Т. 103. С. 195–241.

Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // *Исторические записки*. 1948. Т. 27. С. 266–290.

Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // *Археологический ежегодник за 1963 г. М.*, 1964. С. 56–71.

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // *Исторический архив*. М.; Л., 1950. Кн. 5. С. 3–39.

Зимин А. А. «Летописец начала царства» – памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // *Доклады и сообщения Института истории СССР АН СССР*. 1956. Вып. 10. С. 78–88.

Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // *Исторические записки*. 1974. Т. 94. С. 271–301.

Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // *Вопросы архивоведения*. М., 1962. № 1. С. 33–45.

Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // *Источниковедение отечественной истории*. М., 1973. Вып. 1. С. 187–211.

Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской // *Нумизматика и эпиграфика*. М., 1963. Т. IV. С. 245–250.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.

Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 180–205.

Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М.: Изд. АН СССР, 1958. Т. VI. С. 275–324.

Зимин А. А. Пересветов и его современники: Очерки по истории общественно-политической мысли середины XVI века. М.: Изд. АН СССР, 1958. 498 с.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с.

Зимин А. А. Рец. на кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись (АН СССР. М.; Л., 1959) // Вопросы истории, 1960. № 9. С. 136–138.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. статей, посвящ. памяти А. А. Новосельского. М., 1975. С. 28–56.

Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 40–87.

Зимин А. А. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 27–42.

Зимин А. А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV – первой трети XVI в. // Вспомогательные историческое дисциплины. 1976. Сб. 7. С. 56–69.

Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 427–449.

Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой трети XVI в. // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161–188.

Илиева И. И. Владельческий титул Московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI века) // Bulgarian Historical Review. 1984. № 2. P. 75–87.

Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М.: Искусство, 1980. 280 с.

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1. Монографии по русской истории.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1817. СПб.: Военная тип. Главного штаба, 1819. Т. VIII. 399 с.

Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб.: Тип. Волфа, 1910. 268 с.

Каштанов С. М. Из истории последних уделов // Труды МГИАИ. 1957. Т. 10. С. 275–302.

Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. XI. С. 238–251.

Каштанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. 1959. № 6.

Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 427–462.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 502 с.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М.: Наука, 1967. 392 с.

Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 год. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 302–376.

Клосс В. М. Никоновский летописный свод и русские летописи XV–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В. О.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 468 с.

Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек // Исторические записки. М.: Наука, 1980. Т. 105. С. 294–309.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России XV–XVI вв. М.: Мысль, 1985. 279 с.

Кобрин В. Б. Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV–XVI веков: диссертация на соиск. ученой степени д-ра ист. наук. М., 1982 (машинопись).

Кобрин В. Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 256–269.

Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 16–91.

Кобрин В. Б. Становление поместной системы // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 150–195.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1874. Вып. II. Отд. 1. 519 с.

Крылов И. П. Археологические раскопки в бывшем Старицком Кремле, произведенные в 1903 году. Старица: Тип. Крылова, 1907. 93 с.

Крылов И. П. Материалы для истории г. Старицы Тверской губернии. Старица: Тип. Крылова, 1905. Т. I. Вып. 1.

Крылов И. П. Старица и его достопримечательности. 2-е изд. Старица: Тип. Крылова, 1915. 138 с.

Кучкин В. А. О времени написания Буслаевской псалтыри // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.: Наука, 1972. С. 218–225.

Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып. 1. (Т. 1 (XXXIV)). С. 27–56.

Лакиер А. Б. История Титула Государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Т. 56. Сент.-нояб. С. 125–186.

Лантев В. В. Воскресенская летопись // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1955. Т. 102. С. 165–239.

Левина С. А. Воскресенская летопись XVI в. // Труды МГИАИ. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 402–407.

Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. XII. С. 689–705.

Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 375–379.

Левина С. А. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 38–58.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. 499 с.

Лихачев Н. П. «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. 89 с.

Ловмянский Х. Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 269–275.

Лурье Я. С. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 147–152.

Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 121–126.

Лурье Я. С. О путях доказательств при анализе источников (На материале древнерусских источников) // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 61–68.

Маясова Н. А. Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщение Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. III. С. 42–57.

Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1980. Т. XIII. С. 71–133.

Морозов В. В. Иван Грозный на миниатюрах Царственной книги // Древнерусское искусство. М., 1983. Сб. 3. С. 232–240.

Морозов В. В. О составе Александро-Невской летописи // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею. М., 1982. С. 97–100.

Морозов В. В. Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники. М., 1984. С. 75–87.

Морозов В. В. Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 79–86.

Морозов В. В. Царственная книга как исторический памятник XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 59–63.

Муравьев В. А. Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.

Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России XII – начала XX в.: (Сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного). М., 1975. С. 46–63.

Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 255–294.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 555 с.

Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. М., 1965. Т. IV. С. 243–285.

Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. VI. С. 235–274.

Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. X. С. 264–348.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. 408 с.

Носов Н. Е. Социальная борьба и «земское устройство» в России в 30–40-х годах XVI века // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 131–145.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. 602 с.

Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII в.). М., 1955. С. 112–113. Глава написана Я. С. Лурье.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1971. 352 с.

Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пб.: Брокгауз–Ефрон, 1923. 159 с.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории лицевого летописания. М.: Наука, 1964. 334 с.

Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1963. 384 с.

Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–80.

Пресняков А. Е. С. М. Соловьев и его влияние на развитие историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 154–176.

Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. 52 с.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.

Рыков Ю. Д. Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмою в первой трети XVI века // Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Записки. М., 1977. Вып. 38. С. 104–125.

Семенов П. Географически-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. V.

Семенченко Г. В. Духовная грамота митрополита Алексея: К изучению раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М.: Изд. Ин-та истории СССР АН СССР, 1981. С. 7–26.

Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV–XV вв. // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 196–205.

Сербина К. Н. Летописный свод 1497 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Т. XI. С. 391–428.

Сергеевич В. И. Древности русского права. 3-е изд. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1908. Т. 2. 659 с.

Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1890. Т. 1. 517 с.

Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 209–213.

Смирнов И. И. Иван Грозный. Л.: Госполитиздат, 1944.

Смирнов И. И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1935. № 9–10. С. 74–108.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. 516 с.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. Т. I. 490 с.

Снегирев И. М. Борисоглебский собор в Старице // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1857. С. 28–33.

Советская военная энциклопедия. М., 1976.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1959. Кн. III. 815 с.

Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 44. С. 214–354.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. Моск. ун-та, 1877. 875 стб.

Татищев В. Н. История Российская. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1968. Т. 7. 483 с.

Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. 244 с.

Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 167–183.

Тихомиров М. Н. Князь Юрий Дмитровский // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 155–169.

Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // *Тихомиров М. И.* Русское летописание. М., 1979. С. 220–224.

Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 137–155.

Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII вв. // *История СССР.* 1957. № 3. С. 112–122.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд. АН СССР, 1962. 583 с.

Улащик Н. Н. Белорусско-литовское летописание // *Вопросы истории.* 1984. № 12. С. 65–72.

Улащик Н. Н. О списках Никаноровской летописи // *Проблемы источниковедения.* М., 1959. Вып. VIII. С. 421–431.

Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1534 г. // *Известия АН СССР. Серия истории и философии.* 1950. Т. VII. № 6. С. 547–553.

Хорошкевич А. Л. Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV – начале XV вв. (на примере Московского княжества и Русского государства) // *Русское централизованное государство: Образование и эволюция.* М., 1980. С. 26–30.

Хорошкевич А. Л. К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV – начале XV века // *Вопросы истории.* 1980. № 6. С. 170–174.

Хорошкевич А. Л. Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XVI века // *История СССР.* 1974. № 5. С. 129–139.

Хорошкевич А. Л. Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов.* М., 1973. С. 405–422.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. 293 с.

Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л.: Наука, 1977. 256 с.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М.: Изд. МГУ, 1957. 306 с.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.: Изд. АН СССР, 1948. Ч. 1. 472 с.; Ч. 2. 428 с.

Черепнин Л. В. Степан Борисович Веселовский: Творческий путь // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 9–41.

Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. Л.: Изд. ЛГУ, 1982. 239 с.

Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск: Изд. Свердл. ун-та, 1940. 135 с.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.: Изд. АН СССР, 1938. 431 с.

Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М.: Изд. Моск. ун-та, 1904. 172 с.

Шахматов А. А. Симеоновская летопись и Троицкая начала XV века // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1900. Т. V. Кн. 2. С. 451–558.

Шмидт С. О. В. И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII вв. (о методике изучения материалов по теме) // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 330–346.

Шмидт С. О. К изучению Лицевого летописного свода // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 204–211.

Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 296–299.

Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства. М.: Мысль, 1973. 359 с.

Щербатов М. М. История Российская. СПб., 1768. Т. 5. Ч. 1; 1783. Т. 4. Ч. 2. 542 с.

Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 174 с.

Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 104–109.

Яковлев И. О дате окончания строительства Покровского собора // Ежегодник Государственного исторического музея за 1961 год. М., 1962. С. 110–121.

Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. II. Документы по истории XV–XVIII вв. С. 7–144.

Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 66–76.

Donnert E. Iwan Grosny «der Schreckliche». Berlin, 1980. 286 s. Berlin, 1971.

Eckardt H. Iwan the Terrible. New York: Alfred A. Knopf, 1949. 251 p.

Nitsche P. Grossfürst und Thronfolger. Köln; Wien, 1972. 359 s.

Rüß H. Elena Vasil'evna Glinskaja // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1971 (Dez.). Bd. 19. H. 4.

Serszyk W. Iwan IV Groźny. Gdańsk, 1977. 176 p.

Troyat A. Iwan le Terrible. Paris, 1982. 284 p.

Waliszewski K. Iwan le Terrible. Paris, 1904. 265 p.

Дополнение
**Иллюстрации Лицевого летописного свода (1560–1570-е гг.),
отражающие основные события, освещенные в работе**

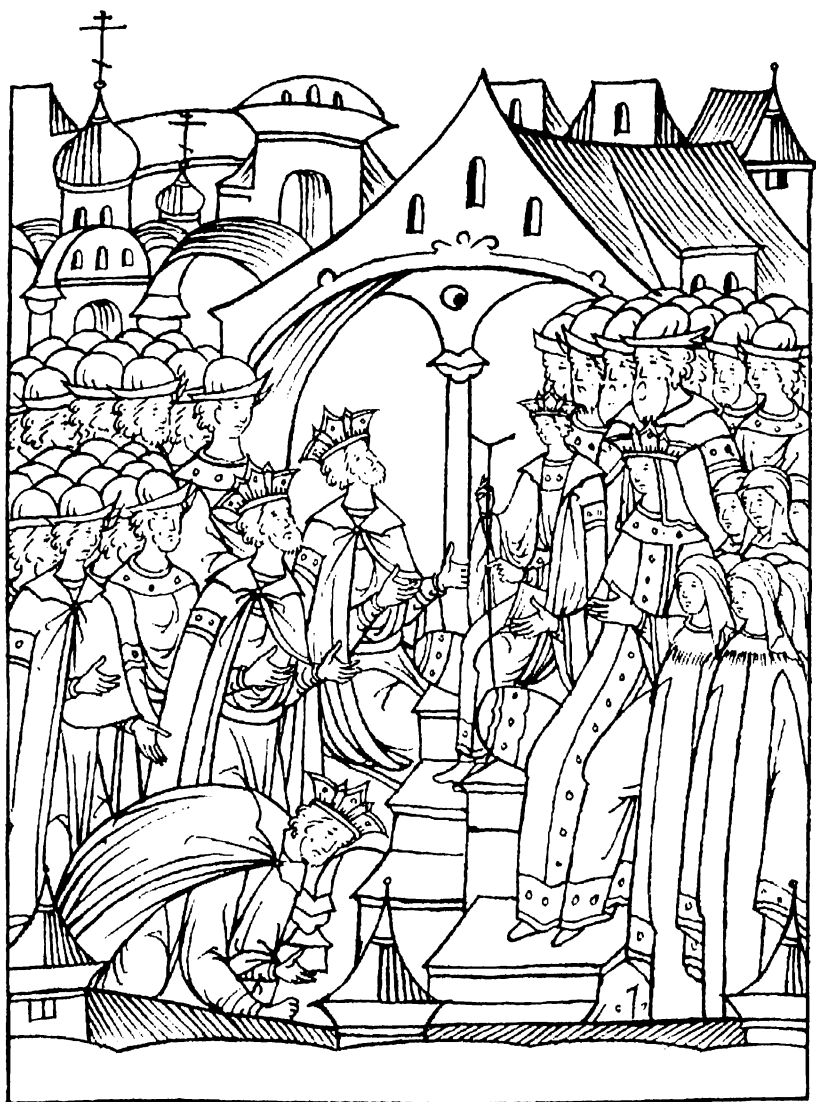
По приказу Василия III дьяки привозят ему духовные
грамоты прежних великих князей

Вокняжение великого князя Ивана Васильевича

Великая княгиня Елена Глинская с сыном великим князем Иваном
 совещаются с боярами

Великая княгиня Елена с сыном великим князем Иваном
принимают решения

Арест и заключение князя Юрия Дмитровского
по приказу великой княгини Елены Глинской

Смерть князя Юрия Дмитровского в заключении и похороны его
в Архангельском соборе Московского Кремля

Лихие люди ссорят великого князя Ивана и его мать с удельным князем
Андреем Старицким

Великий князь и великая княгиня одаривают князя Андрея
кубками и шубами, а не землями

Отказ князя Андрея выйти в поход по причине болезни

Бегство князя Андрея Старицкого с семьей и удельным двором

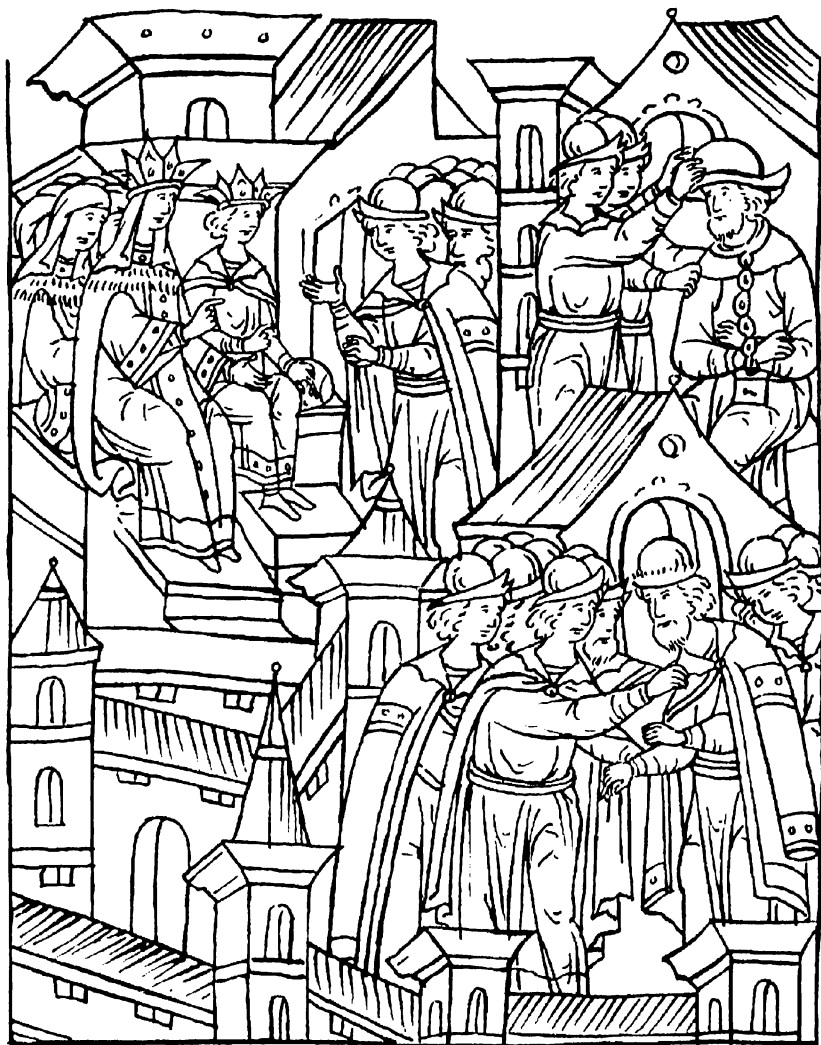
Рассылка князем Андреем грамот новгородским детям боярским
с призывом перейти к нему на службу

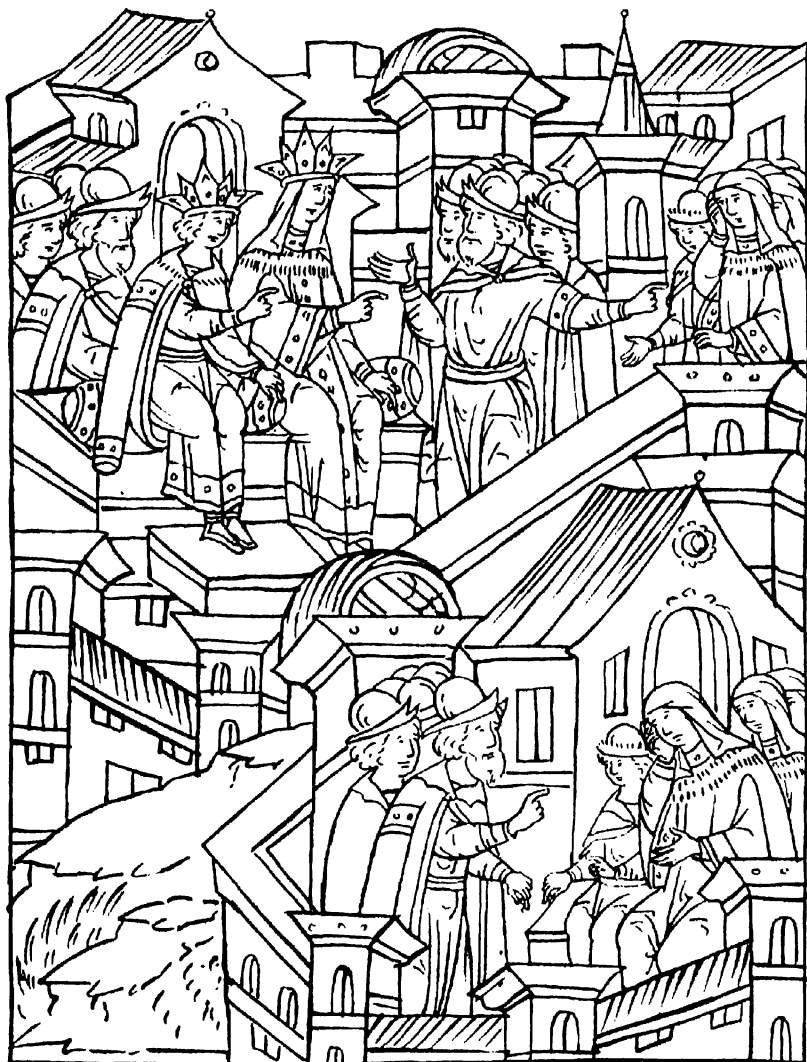
Переход к князю Андрею на службу новгородских детей боярских

Встреча московских и старицких войск около Новгорода

Арест удельного князя Андрея Ивановича

Заключение жены князя Андрея и его сына Владимира в тюрьму

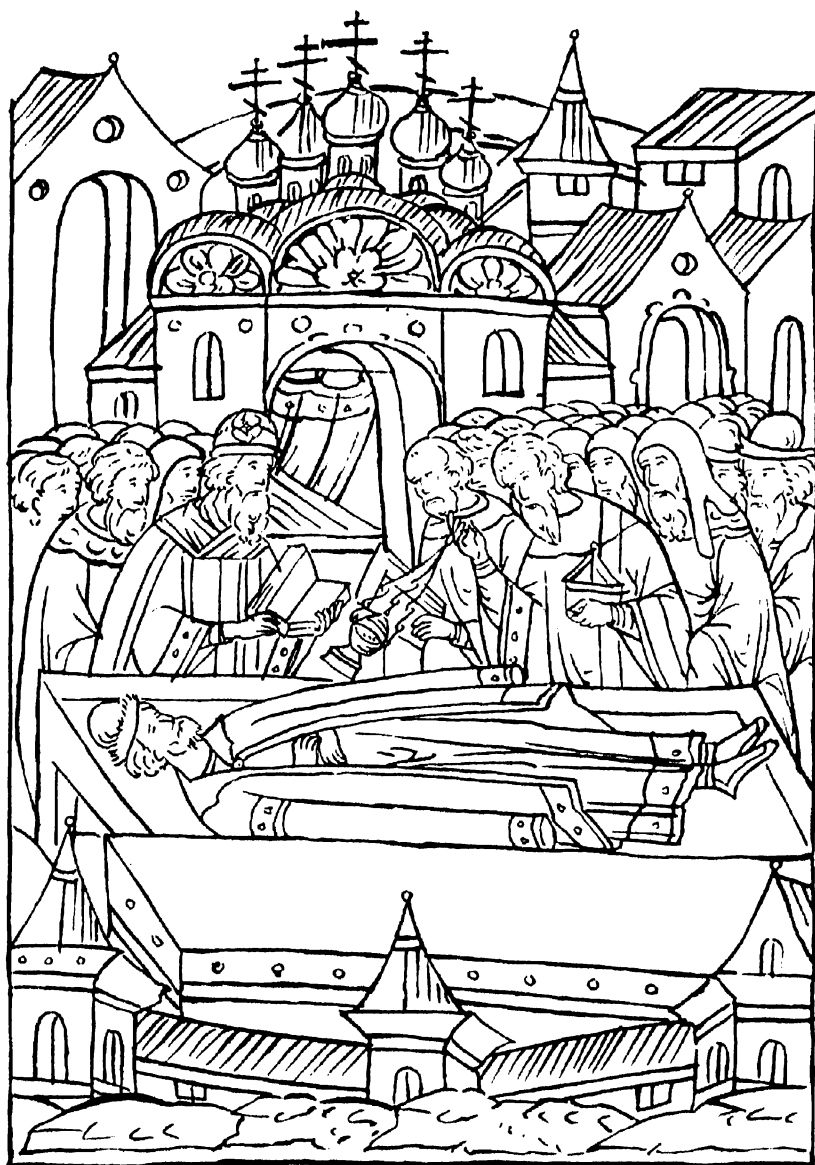
Наказание бояр Андрея Старицкого

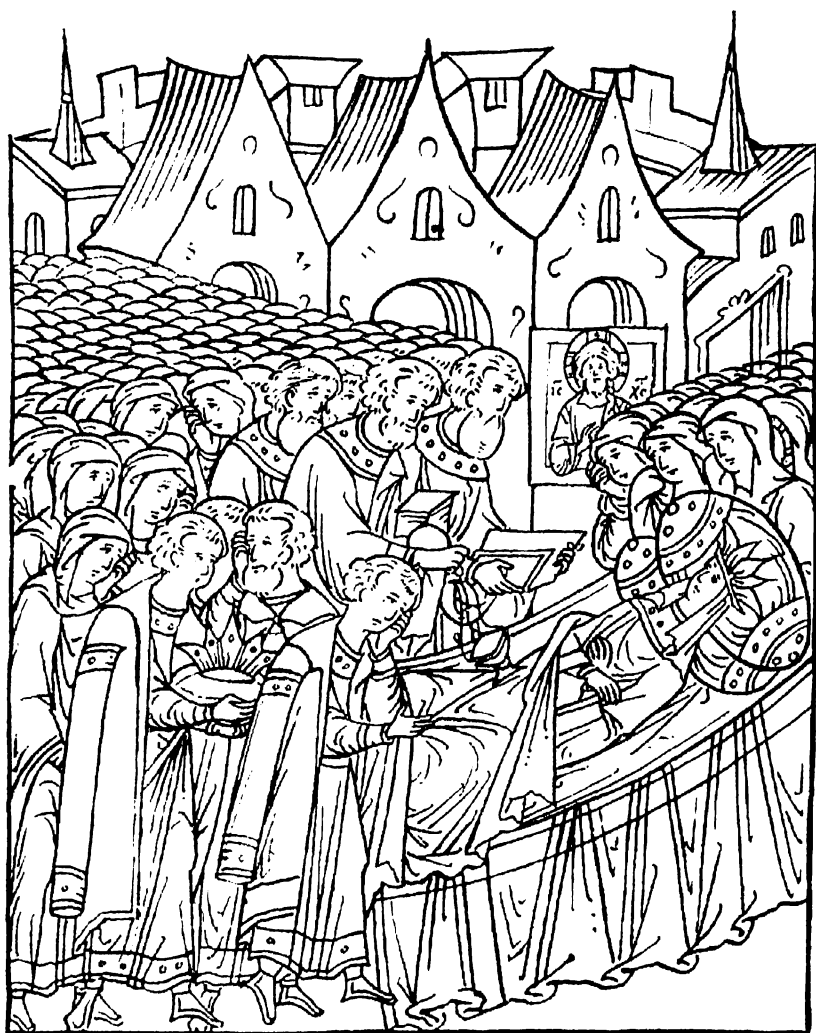
Казнь новгородских детей боярских

Заключение князя Андрея и его смерть в тюрьме

Похороны князя Андрея Старицкого в Архангельском соборе

Смерть великой княгини Елены Глинской

Похороны великой княгини Елены Глинской

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------------	---

Политическая борьба в годы правления

Елены Глинской (1533–1538 гг.)

Введение	9
----------------	---

Глава I. Историография и источники	12
--	----

§ 1. Дореволюционная историография	12
--	----

§ 2. Советская историография	19
------------------------------------	----

§ 3. Зарубежная историография	27
-------------------------------------	----

§ 4. Источники	29
----------------------	----

Глава II. Завещание Василия III и дипломатика

великокняжеских духовных грамот	37
---------------------------------------	----

Глава III. Борьба за наследство Василия III	61
---	----

§ 1. «Поимание» удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского	61
--	----

§ 2. Политический статус Елены Глинской	74
---	----

Глава IV. Старицкий мятеж	96
---------------------------------	----

§ 1. Постановка вопроса	96
-------------------------------	----

§ 2. Источники	100
----------------------	-----

§ 3. Ход мятежа	111
-----------------------	-----

Заключение	132
------------------	-----

Приложение	137
------------------	-----

Отражение политической борьбы в памятнике архитектуры (Борисоглебский собор в Старице)	137
---	-----

Список сокращений	148
-------------------------	-----

Список источников и литературы	150
--------------------------------------	-----

Дополнение

Иллюстрации Лицевого летописного свода (1560–1570-е гг.), отражающие основные события, освещенные в работе

(1560–1570-е гг.)	167
--------------------------------	------------

Научное издание

Андрей Львович Юрганов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ
ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ
(1533–1538 гг.)**

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Ю. А. Боркунова*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *М. Л. Разумова*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 12. Тираж 500. Заказ 6664

Издательство «Квадрига»

ISBN 978-5-91791-312-4

Отдел реализации издательства «Квадрига»
Тел.: 8 (916) 341-92-06
e-mail: marimarbooks@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Правление Елены Глинской (1533–1538) оказало значительное влияние на дальнейший ход политической истории России. Сложная политическая борьба этого времени породила противоречивые ее оценки как современников, так и историков. Книга содержит ранее не опубликованную классическую диссертацию А. Л. Юганова, защищенную в 1987 г.

Правительством Елены Глинской были сделаны важные шаги в централизации страны, однако политическая история была известна недостаточно, ее изучали в свете противоборства реакционного боярства и прогрессивного дворянства. Новые исследования и источники, совершенствование методики их анализа позволили автору усомниться в правильности этой концепции, дав ему возможность по-новому взглянуть на социальные процессы в России XVI в.

ISBN 978-5-91791-312-4

9 785917 913124

Издательство «Квадрига»

